

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

Книга 2.
Художественное слово

Москва
2022

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)6

*Специальный проект АНО «Редакция
“Литературной газеты”» – Программа противодействия
искажению истории «Настоящее прошлое» реализуется
использованием гранта Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества, предоставленного
Фондом президентских грантов.*

Настоящее прошлое : В 2 кн. / сост. Александр Чистяков. —
М.: АНО «Редакция “Литературной газеты”», 2022.

ISBN 978-5-00170-214-6

Кн. 2 : Художественное слово / сост. Александр Чистяков. — 250 с.

ISBN 978-5-00170-216-0

В этом сборнике представлены основные материалы из Большого списка (лонг-листа) Литературной премии имени первого главного редактора Литературной газеты Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству». В номинации «Художественное слово».

Составитель – Александр Чистяков

Корректор – Людмила Дёмина

Компьютерная верстка —

Кирилл Судаков

Подписано в печать 24.11.2022

Формат 60х90/16

Гарнитура «Warnock Pro»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Тираж 250 экз. Усл. печ. л. 18,3

Заказ № 1970

АНО «Редакция “Литературной газеты”»,

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, 50/5

тел.: (499) 788-00-56

lgz.ru

ISBN 978-5-00170-216-0

9 785001 702160 >

ISBN 978-5-00170-216-0

© Чистяков А.А., сост., 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Оформление. АНО «Редакция
“Литературной газеты”», 2022

СПИСОК ДЕЛЬВИГА

В 2021 году Литературная премия имени первого главного редактора Литературной газеты Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству» присуждается исключительно за произведения исторической тематики, в том числе и научные.

Произведения на соискание премии принимались в рамках программы по противодействию искажению истории «Настоящее прошлое», которая в этом году реализуется с использованием средств гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, Предоставленного Фондом Президентских грантов.

Премия имени Антона Дельвига в 2021 году, как и в прошлом, имеет две основных номинации и по этому принципу собраны в 2 сборника конкурсных работ: «Наука и просвещение» и «Художественное слово».

Председатель оргкомитета и жюри Премии имени Дельвига, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев неоднократно подчеркивал, что суть проекта «Настоящее прошлое» — это открытая дискуссия профессиональных историков, писателей и журналистов не в поисках мифической и абсолютной единой идеологически выдержанной трактовки тех или иных исторических событий, а развенчание недобросовестных «фейковых» исторических мифов:

— Новое поколение пользователей интернета от школьников и студентов, до вполне авторитетных «исследователей» и публицистов давно не обращается к первоисточнику фактов и цитат, — сказал Максим Замшев на одной из конференций. — как правило источником для журналистских публикаций, курсовых и дипломных работ становятся цитаты найденные в интернете по первым пяти ссылкам поисковой системы. Намного проще скопировать и вставить в собственный текст материал из википедии или цитату с пер-

вого попавшегося сайта, чем проверить информацию в авторитетном издательстве или обратиться в архив. Наша задача — вернуть новое поколение исследователей, писателей, публицистов к работе с книгой, с реальным историческим источником.

В рамках программы «Настоящее прошлое» в этом году проведено более 30 Круглых столов и научно-практических конференций.

Мы провели мероприятия в таких регионах России, как Пенза, Ленинск-Кузнецкий, Набережные Челны, Архангельск, Самара, Уфа, Санкт-Петербург и проч. Эти города принимали представителей «Литературной газеты» во время проведения круглых столов, на которых местные писатели, историки и деятели культуры обсуждали вопросы сохранения исторической памяти и методы популяризации исторических знаний.

Остальные конференции в период жестких ограничений проводились в онлайн-формате. Записи всех мероприятий сохранены на интернет-ресурсах проекта «Настоящее прошлое».

Помимо материалов от участников круглых столов на Премию имени Антона Дельвига было прислано более сотни работ — научных и публицистических статей, исторических романов, сборников и монографий, рассказов и даже исторических поэм. Лучшие из них вошли в Большой список — лонг-лист, который опубликован на сайте Литературной газеты www.lgz.ru в рубрике «Настоящее прошлое».

Интервью с участниками и лучшие материалы проекта, опубликованные на страницах Литературной газеты, но не вошедшие в «Большой список» собраны на портале «НастоящееПрошлое.РФ».

Татьяна Валериевна Богданова (Аксёнова)

Выпускница Литературного института им. Горького, автор нескольких книг стихотворений и переводов, член Союза Писателей России, эксперт Российского Союза Писателей, член Южно-русского Союза Писателей, академик Международной академии ЛИК, «Королева поэтов» по версии общественного совета «Потенциал нации» за 2013 год в конкурсе в музее Н. Островского, Заслуженный литератор России Содружества творческих сил Российской Федерации, лауреат Всероссийского конкурса (гран-при) в номинации «Поэзия» Русский лад в 2014 году, лауреат первой премии международного конкурса им. Дюка Ришелье («Бриллиантовый Дюк») в 2015г., одна из 150 финалистов «Поэт года 2013» по версии Стихи.ру, награждена медалью Лермонтова, международной медалью Пушкина, медалями имени Мусы Джалиля и «75 лет гвардии» за патриотическую лирику, а также казачьим орденом мужества. Лауреат конкурса «Золотой микрофон» по версии Стихи.ру за 2014г. и 2015г. Пять лет руководила Литературным объединением «Татьянин День» в Алтуфьево. В 2016 году — первое место в Международной Литературной Ассамблее «Слово и дело» в Болгарии. Автор двух книг переводов с болгарского языка: «Любовен речник» (2019 г.) и «Вальпургиева дочь» (2020 г.). В 2016 году Московской областной организацией СП России Татьяне присвоено звание «Заслуженного поэта Московской области». В конкурсе к 130-летию юбилею А. А. Ахматовой в 2019 году заняла первое место, награждена медалью Ивана Ильина. В 2021 году получила орден за вклад в литературу России XXI века, а также орден за подвижничество во благо русской литературы.

СВИШТОВСКИЙ БЕРЕГ...

Пустеют аллеи, дома с мёртвым садом,
Лишь памятники собрались для парада:
Они всё — в строю, спят в Болгарии с миром
Поручик Крылов, генерал Драгомиров...

Читай: на Свиштовском загнули бряге
И штабскапитан по фамилии Бряннов...
Он был на штыках, на турецких замучен...
Чему нас история только не учит!..

Спит память под камнем — Святая обитель
Убитых штыками, царь — освободитель!
Тревожно дыханье Дуная, как лава...
Но в небо взмечается русская слава!

И тихий приют на румынской границе,
На берегу болгарском — живые страницы,
Они шелестят, как деревья листвою,
Лишь солнце бессмертное — над головою!

Фазанам — фазанье! А мы в наказанье
Гуляем с открытыми в небо глазами...
И почки трепещут, открывшись в цветеньи...
Земля, с Днём Рожденья!
Весна, с Днём Рожденья!..

СВЕЧИ ОГАРОЧЕК...

*100-летию со Дня рождения
А. И. Фатьянова.*

Полу-кличка? Неизвестно что —
«Песенник-поэт»? Бессмертны строки,
Смысловой нагрузкою простой
Жизнь в себя вместившие настолько,

Что звучат стихи всяя Руси
Каждый раз, когда поётся песня!
И кого на свете ни спроси —
Мифа нет объёмней и чудесней,

Празднества солдатского — живей...
Над окопом соловей защёлкал?
Да зимой откуда — соловей?
Снится, что цветёт у дома ёлка...

Нет медовой горечи её!
Месяц будто сажей напомажен...
Без ребят девчонкам — не житьё.
Без солдат — не гибнуть силе вражьей.

Без мечты Россию не спасти.
Без души не будет подвиг ярок.
Загорайся звёздочкой в горсти,
Дорогой фатьяновский огарок!

ГАРМОНЬ

Посвящается судьбе А. И. Фатьянова.

Его любила вся страна,
У власти же — ходил в изгоях.
Беда — скорее, чем вина.
Или ни то и ни другое?

А — что? Когда себе не рад,
Жить «под диктовку» — ни в полшага...
Не заслужил иных наград,
Лишь — «...Знамени» и — «За отвагу»?

А за поэзию — ни-ни:
Фатьянов пьёт и дебоширит!
Не оберёшься с ним возни.
Так пусть карманы держит шире!

Вот, Блантер, Соловьёв-Седой,
И Мокроусов — те же песни,
И образ жизни — золотой,
И образ мыслей — свой, хоть тресни!

Им — премии. А этот пусть
Улыбчато пожмёт плечами...
Его все пели наизусть.
Лишь только «органы» — мычали.

Коль душу русскую затронь —
Раскроются меха, огромны,
И где-то запоёт гармонь
Наследством пагубным, но кровным!

В РУССКИХ ПЕСНЯХ ПОЭЗИЯ ЕСТЬ...

Памяти Алексея Фатьянова.

«Не тревожьте солдат, соловьи!..
Пусть солдаты немного поспят»,
Не свивайте вы гнёзда свои,
Не высиживайте соловьят!

Отлетевшие души живых,
Неживых — слышат вашу весну,
И тревоги исполненный миг
Не способствует вечному сну...

А судьбы человеческой суть —
Вся — фатьяновских песен в словах:
Где огарочек теплится чуть —
Не уснуть в разливных соловьях!

Излучает поэзию песнь,
Трагедийной полна глубины...
В русских песнях поэзия есть,
Защитившая мир от войны.

Раздаётся знакомый мотив —
И в холодном тепле блиндажа
Оживает фатьяновский миф —
Устремляется к небу душа...

Снится майским, тальяночным днём,
Что дорога до дома — пряма,
Где в рифмованном сказе о нём —
Черноглазая сводит с ума!

ПОЭТЫ НА ВОЙНЕ

Опровергнув старое речение:
«В громе пушек — музы не слышны»,
Рота шла особого значения
По Дороге Жизни и войны.

Рота шла по Ладожскому озеру,
Лёд свинцовый выдохшись толочь...
Их стихи, как бомбу, заморозила,
И укрыла ночь,

Тех, кто жил на фронте или не жил, но,
Выживая из последних сил,
Всё искал слова, как Саша Межиров.
Страшный суд — Луконин Михаил!

Как найдёшь? Вокруг то — рвы, то — надолбы,
Трупов мёрзлых, детских — штабеля!..
К эшелонам подоспеть бы надо бы!
Чёрный лёд когда то отбелят?..

Позже «миски» с «Минском» — в рифму, стало быть,
Выжил? Но каков самообман!
Вот тогда поэта и не стало бы,
Если б не товарищ капитан,

Что молчал укором узаконенным:
Графоман — синоним — дизертир!
Солнце вверх тормашками с Лукониным!
Ладоги неразведённый спирт...

Рота шла, а солнышко над Балтикой,
Лунки придорожные суша,
Поднималось фронтовой романтикой,
Словно неубитая душа...

МАЙСКОЕ

Светлой памяти Юлии Друниной.

— I —

Кто родился в мае — век промается,
Так у нас в народе говорят...
Не заслуга, что десятиклассница —
На войне солдат?

Всё б нам над приметами подтрунивать,
В стороне, тайком, перекрестясь!..
От живых к погибшим Юля Друнина
Созидает связь,

Чтоб звучали явственнее, ближе нам
Раненых, убитых голоса...
В партизанских соснах, солнцем выжженных
Стон многоголосый поднялся!

Чтобы, Воскресенью соответствуя,
Те восстали, нынешним в укор,
Что привыкли жертвовать и бедствовать,
И стрелять в упор!..

Артобстрелы, холод, голод, сырость ли —
Всё пришлось ей пережить самой.

Ну, а зинки многие не выросли,
Не пришли домой.

Юлька же — в Литинститут, в шинелишке
И в многопудовых сапогах...
Слава не посмертная, всамделишно,
Страшно дорога!..

Может быть, сегодня и не трудно нам?
Попривыкли к танкам у Кремля.
Но тогда под поэтессой Друниной
Дрогнула Земля.

Без неё врезается, немая вся,
В предзнаменованый чёрный ряд...
Об ушедших говорят: «Отмаялся!»
Горько говорят.

— || —

Крепко сжала седые виски:
Рвёт сосуды войны отголосок.
Не унять чернозёмной тоски
Голове её светловолосой!

Не ловить иноземную брань
Ни одним слуховым из отверстий!
Подмосковная дача, Пахра,
И последняя воля — в конверте...

И посмертная книга Суда.
В «Судный час» пощади её, Боже!

Фронтовик и поэт никогда
Примириться с неправдой не сможет.

Что ж такая затеялась брань
В мире новых, безумных реалий?
Хоть израненным духом воспрянь —
Непонятно, за что воевали?!

...Дачный плед, чай горячий отдашь
За осеннюю стылую снулость...
И гараж, как последний блиндаж,
Где небесная гостья уснула...

— III —

Все птицы улетели,
Ни ангельской души.
Как странно, в самом деле,
Но эти акварели
Сиротски хороши!..

Овраги листья хвои
Обсыпали до пят,
Ноябрьский ветер воеет
Тревогою живою,
Что, кажется, бомбят?..

Наверно, в час тот, судный,
Твой безрассудный грех,
Тяжёлый, беспробудный,
Окажется подспудно
Величественней всех...

ПРИВЕЗИ ЗАВАРКИ И МАХОРКИ...

Памяти Т. И. Лещенко-Сухомлиной.

В праздник пресловутой Красной горки
Ставлю поминальную свечу:
Ты вне зоны доступа, как Хорхе¹...
«Привези заварки и махорки!»
Но не привезу, и промолчу.

Так при жизни и не расспросила,
(Да ещё не родилась тогда),
Тёзка, что ты прозвала — Гарсиа,
Как артистку встретила Россия?
Грянула метафорой беда.

Лопнула как тетива тугая
«Сводом отвердевшего огня»
Вся Майорка, сердцу дорогая,
В прошлое навеки вовлекая
И тебя, родная, и меня!..

Но от Воркуты и до Майорки
Не было проторено стези.
Лишь чугунной лестницы подпорки...
— Привези заварки и махорки,
Детских фотографий привези!

То ли муж от страха душу прОдал?
В Барнауле детям — кто сказал,

¹ Хорхе Гильен — испанский поэт, один из представителей ультраистского направления в поэзии.

Что у них не мама — «враг народа»?
Но теперь в любое время года
Не приносят почту на вокзал...

Чифирят по камере «сестрёнки»,
Смалят самокрутки — гой еси!
У других одалживаться стрёмно
Ей, такой изысканной и скромной
Проще — предложить и угостить...

От Москвы до Воркуты — далече.
К Лиле Брик занёс какой-то чёрт!
И тогда, час от часу не легче,
С кем делиться вздумала при встрече,
Что толпа для Сталина — не в счёт?..

Как ломали ваньку — нужен зритель! —
Прихвостни. А горе — у ворот...
Ты бросаешь розу на корриде
Собственной судьбы. Оле, смотрите!
Но никто её не подберёт...

На Песчаной улице, за шторкой
Не мелькнёт знакомый профиль мне.
В православный праздник Красной горки
Помяну свечой, как воздух, горькой,
Что заварки и махорки — нет...

Вероника Владимировна Батхан

Псевдоним «Ника Батхен», 28.09.1974 года,

Литинститут, проза, журналист-фрилансер, проживаю в Подмоскowie. Член Южнорусского Союза Писателей, член Интернационального Союза Писателей. Лауреат Волошинского конкурса-2014, дипломант — 2011, лауреат «Интерпресскон» в номинации «Дебют», лауреат конкурса «Заблудившийся Трамвай», дважды лауреат конкурса «Крымское приключение», четырежды лауреат конкурса «Фанткритика», лауреат премии «Большой Зилант» и т.д.

Основные поэтические публикации: книги стихов «Снебападение», «Путями птиц», «Песни для короля ящериц», «Туман Чембало»; журналы «Дружба Народов», «45 параллель», «Идель», «Северная Аврора», «Брега Тавриды», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Огни Кузбасса», «Дарьял», «Иерусалимский журнал», «Невский альманах», «Лампа и Дымоход», альманах «День Поэзии» и т.д.

ГОРОД-САД

Чары Бахчисарая — чарка, а в ней кумыс.

Яблочный запах рая, мята, шалфей, камыш.

Сорвано в пыль монисто — девочка подберет.

«Яблочко» баяниста, криком — приказ — «Вперед».

Пчелы на ржавой каске, стены пустых кенас,

Вязью восточной сказки время выводит нас.

Жили на свете ханы — Джучи, Девлет, Бату —

Сабли, шатры, курганы, лестница в пустоту.

Пляшет о них татарка — юная кровь, гори!

Звезды смеются ярко. Помнишь о нас, Тенгри?

Губы зовут Аллаха, сердце зовет отца.

Хочешь — возьми рубаху, белого жеребца,

Черного винограда, все забирай, якши?
Только оставь отраду — землю моей души...
Узел Бахчисарая не разрубить мечом.
Каждая хата с края, каждой стене плечо.
Каждой пещере книга. Каждой овце загон.
Чаша — и помяни-ка ветхий сухой закон.
Топчут траву туристы, бродят куда ни глянь,
Любо — купи монисто в лавке у поселяня,
Ханский дирхем, монету — можно и за рубли,
Только поверь, что нету в мире другой земли!
...Старый Тенгри над крышей снова трясет кошму
Кто и откуда вышел, ведомо лишь ему.
И отстранясь от шума, корни пустив в скале,
Смотрит с горы угрюмо крепость Чуфут-Кале.

ШТОРМОВОЕ

На пороге осени — обернись,
Солнце надрывается задарма,
На границе Ниццы тускнеет синь,
А навстречу Крыму спешат шторма.
Шторки законные — в клочья, влет.
Сучья тополиные — в треск и хруст.
На стене барометр снова врёт,
В этой части суши усталых уст
Не целуют жадные рыбаки,
Им важнее скоро ль придет кефаль.
Рыбаки работают на долги.
Перетрут в кафе, кто кого кохал
И опять за сети — богат улов.
Если шторм отправит свечой на дно,
Шапку пустят в море без лишних слов —

Так у них от греков заведено.
И опять — Петруха, крути мотор,
На охвостье мыса веди баркас!
А вокруг кипящий земной простор,
Злые скалы скалятся напоказ,
Бьёт дождем по рожам, по седине,
Хлещет вдоль по борту, срывая снасть
Эта жизнь, бродяга, — она по мне.
Эта смерть, приятель — она для нас!
Кто отведал моря соленый сок,
Тот в Крыму не пасынок, не чужой.
Бескозырку выбросит не в песок —
На колючий яшмовый пляж Орджо.
...Ты себя, хороший, не береги,
Разве много счастья на берегу?
Видишь — возвращаются рыбаки.
Я навстречу с пристани побегу.

ДЕКАДА ДЕКАБРЯ

Здесь были римляне.
Так говорит дорога.
Обкатанные камни полускрыты
Опавшею листвою, намокшей глиной,
Шершавыми шагами и навозом
Бесчисленных коров. Куда податься?
Конечно, в горы. Замыслы развалин
Читаешь по неровным силуэтам —
Как будто эти выцветшие арки
Построили с учетом разрушений
И, наводя высокие стропила,
Высчитывали солнце сквозь пролом.

Платаны пробиваются сквозь плиты,
Из крипты поднимается шиповник,
И алость ягод говорит о крови,
Ушедшей в землю предков. Слышишь: дом!
Звонит церковный колокол. Старухи
Ползут на звук — согреть сухие души
О маленькие свечи. Пламя терпит.
А время спит, свернувшись дикой кошкой
На куче листьев у былой стены.
Купцы глупцы — куда вам, гунуэзцы,
Селиться там, где мерзали легионы,
Напрасно строить крепости и башни —
Дороги все равно вернутся в Рим.
Я потревожу стоптанные плиты,
Пройду путем, ложбиной Черной речки.
Там водопад. И холм, где жили скифы.
Для них, бродяг, все элины равны.

ПАЛЕОЛИТИКА

На полуострове, покрытом пылью и бранью,
Маленький мамонт сопротивляется вымиранью.
Ищет сухие травки, скрипит камнями,
Ходит на водопитие дни за днями.
Хобот поднявши к солнцу, трубит восходы,
Прячется когда люди идут с охоты.
Смотрит на можжевеловые коренья,
Смотрит на рыб, меняющих точку зренья
Вместе с течением, желтым или соленым.
Думает — не присниться ли папильоном
Где-то в Китае... мамонтами не снятся.
Время приходит сбросить клыки и сняться

С ветреной яйлы ниже, на побережье —
Там и враги и бури гуляют реже.
Можно под пальмой пыжиться по-слоновьи,
Можно искать пещеру, приют, зимовье.
Гнаться за яблоком, дергать с кустов лещину.
Люди проходят, кинув плащи на плечи.
Мамонт, ребята, это фигура речи
Монти Грааль, опция недеянья.
Я надеваю бурое одеянье.
Намасте, осень, тминова и корична!
Важно сопротивляться. Любовь вторична.
Важно дышать навстречу. Дышать, как будто
Бродишь по яйле, красной листвою укутан...
Из Феодосии с приветом
Пахнет яблоками и лето улетает на ЮБК
Мы с тобою остались где-то, в царстве кофе и коньяка,
В янтаре, в голубой глазури, в тени — контуры обведи,
На палитре кармин и сурик, дремлет бабочка на груди,
Дремлет девочка на скамейке, в телефоне дрожит привет,
По фонтану звенят копейки, от музея плывет корвет.
Словно шкурка от мандарина солнце падает за причал
Мы сегодня читали Грина, мы читали, а он молчал.
Мы гуляли по Корабельной, колокольный внушая звон,
Мне почудилось — колыбельный, коктебельный прекрасный
сон,
А тебе не приснилось чудо, ни колечка ни лоскутка.
Только память о том как чутко дышат волны на ЮБК.

КАРАНТИН

Здесь поселились старые бандиты.
Пьянчуги, оборванцы, бузотеры,

Луддиты — кулаки всегда сердиты,
Глаза — как обмелевшие озера,
Слова — бульжник, камни мостовые,
Костяшки пальцев — сплошь татуировки
На животах — узоры ножевые.
Их любят виноватые воровки
И молодухи с фабрики игрушек
И жены моряков и санитарки,
И вдовы на горе тугих подушек
И даже одинокие татарки.
Они же любят деньги. Рыбу. Бани.
Газету поутру. Футбол в газете.
И задремать на выцветшем диване,
Спокойно позабыв про все на свете.
По правилам бессмысленной науки
Они воруют месяцы у смерти.
К ним никогда не приезжают внуки.
Придет письмо в испятнанном конверте —
Уже удача.
— В Англии?
— Иди ты!!!
— Купил коттедж?!
— Торгует бурьяками!
...Так незаметно старые бандиты
Становятся простыми стариками.

КИЗИЛТАШ

Скользкой, глинистой, рваной предгорной тропой
Ты выходишь туда, где платок голубой
Распростерся над маленьким краем земли,
Где любой скороход — на мели.

Торопливая вязь — не церковная речь.
Отдаешь только то, что не можешь беречь,
Остаешься как перстень судьбы одиночек,
Лишь девчонка с кувшином у ног.
Первоцветный ковер на весеннем пиру.
Скоро Пасха и я никогда не умру,
Я останусь в корнях — можжевельник, кизил.
Проводник ни о чем не просил.
Сбросишь страхи сухой прошлогодней листвой,
Сложишь дом из соломы, непрочный, но свой.
Сложишь песню на совесть — подхватит скворец,
Для того и трудился Творец.
Даже дерево знает, что будет потом.
Я на радуге — видишь, играю с котом.
Ты пришел к роднику, то ли друг, то ли враг.
А вода
Убегает
В овраг.

КРЫМСКИЙ АНГЕЛ

Крымский ангел не носит сандалий
Он космат, неопрятен и бос.
Что ему до заморских Италий,
До вишневых и розовых рос?

Он хипу посылает попутку,
На базарчике бьет по рукам,
Выпускает из ящика утку,
Подсыпает рублей дуракам.

Починяет обувку на пляже,
Залихватски готовит самсу,
С некрасивыми тетками пляшет,
Мальшей провожает в лесу.

Подгоняет коней и моторки,
Дельтаплан поднимает в поток,
Сторожит виноград на пригорке,
Собирает лаванду в платок.

Помогает усталой татарке
Побыстрей распродать бастурму...
Он готовит и прячет подарки
Всем, кто встретится летом в Крыму.

И тебе, мой случайный попутчик,
Сувенир для души берегут.
Присмотрись к перепутьям получше,
Поищи на другом берегу.

МИМО КРЫМА

Мимохожеть. Мимо стен,
Мимо моря, величаво,
Мимо старого причала,
Мимо пьяненьких гостей,

Крепостного рубежа,
Потаенного кургана,
Жеребенка-урагана,
Суетливого ежа.

Вдоль тернового куста,
Виноградного плетенья.
По-татарски плачут тени,
У колодца тень густа.

Уколоться до крови,
Взять водицы родниковой,
И умыться, бестолковой,
И одежды подновить,

И наполнить дополна
Тугобокие кувшины,
Мимо дел спешат машины,
Мимо туч ползет луна,

В море плещется кефаль,
Тяжелее стали сети.
Мимоход всего на свете,
На гитаре нота фальшь.

...Лишь смотритель маяка
Жжет фонарь неумоимо.
Даже если ходишь мимо,
Не заблудишься никак.

Коктебельная песенка
Коктебелит — были, байки,
Сладкий крымский сон.
Сняли шлепанцы и майки,
Кончился сезон.

Опустевшие прилавки
Ветер тормозит,
Бликом солнечной булавки
Старый мол прошит.

Бродят кошки, просят рыбы,
Мяса, молока.
Трут о каменные глыбы
Тощие бока.

Кошкам свой кусок положен —
Схватят и в подвал.
Говорят, старик Волошин
Их нарисовал.

Спят в пыли от крыш до спален
Домики, дворцы.
Продает шальной татарин
Сласти-леденцы.

Ни фрегатов ни баркасов...
Наберу в ладонь
Горсть зеленых мокрых трассов,
Желтый халцедон.

Увезу с собой в кармашке
И среди зимы
Вспомню: белые барашки,
Отмель, море. Мы.

КРАСНАЯ ДАТА

Январь семнадцатого. Ялта. Погожий день, ненастный день.
Звезда над крышей светит ярко. Лепечет «варежки надень»
Седая няня. Мальчик дышит, он так волнительно румян.
В духане вонь. В подвале мыши. Колонна благодетных армян
Обходит церковь. Караимка спешит с кувшином за водой,
Чтоб улыбнуться с фотоснимка и стать навеки молодой.
Эсер толкает пропаганду, за ним, хрипя спешит филер.
Везут в Одессу контрабанду, в небесно-розовый колер
Покрасил дачу «Афродита» прыщавый маклер Гершензон.
Обходят лавки два бандита, потом вздыхают «не сезон».
У первой выброшенной ёлки в ветвях обрывки мишуры.
Гудят студенты на галерке, ломая правила игры.
Бредет по набережным дама, за ней болонка — мокрый хвост.
Кому налево, даме прямо, с моста на мост, с моста на мост.
Читает свежую газету интеллигентный адвокат,
Ползет мурашка по корсету, смеются чайки на закат.
Очаг тихонько разгорится, взовьется в небо теплый дым,
И пахнет морем и корицей и виноградником пустым
И время капелькой замерзло и задремала вся земля
Часы, брегеты, мили, версты. Война и жизнь. До февраля.

КРЫМСКИЕ ГОРЫ

Тропой татарской к вершине мира, где сушь и благодсть,
Чабрец и донник, орлы и козы, любовь моя...
В костер бродяги подбросил звезды проказник-август.
Жара гуляет от Чатыр-Дага до Ак-Кая.
Играют кони, хрипят олени, желтеют груши.
От красных ягод такая яркость — в глазах темно.
Любой бродяга на этом свете кому-то нужен,
Забудут люди — хотя бы богу не все равно.

Пошлет пастушку, кувшин, лепешку, кусочек сыра.
Осколок неба, голубок белых у родника.
В пещере сыро, на камне имя чужого сына —
Был партизаном — стал кипарисом, сплетя века.
Послушай птицу, ступай на небо, вернись счастливым.
Бродяг как прежде ведет друг к другу Чумацкий шлях.
...Сады тихонько роняют листья, инжир и сливы.
В совином шорохе снова слышится «Бисмиллях»...

ПРОЩАНИЕ С КРЫМОМ

До свидания, мой золотой,
Виноградный, инжирный, полынный!
Щедро поенный чистой водой,
Освещаемый корочкой дынной.
Многолюдный, болтаивый, лентяй,
Жадный, щедрый, безжалостный, честный.
Стайка рыжих котят на путях,
Шпарит чардаш скрипач неизвестный,
Ухмыляются пьяные — им
По колено бездонное море.
Над горою невидимый дым,
Спорят чайки о всяческом вздоре.
Махаон охмуряет вьюнок,
У лисят много новых игрушек,
Каждый третий в Крыму одинок,
Не считая случайных подружек,
Собутыльников, тех кто в такси
Или в потном плацкартном вагоне.
Не ответят — проси не проси —
Ни тутовник, ни камни, ни кони.
Только сам вышибаешь искру

Из скалы на хребте Эчкидага.
Я с тобой никогда не умру!
Карта Крыма. Картинка. Бумага...

ГОРОД ЧЕСТИ

Севастополь ревнив, как любой офицер,
Белоснежный мундир, ни кровинки в лице.
От бульварных романов, платановых грез
До летейских туманов, безудержных гроз
Безупречен. К лицу и шрапнельная рябь
И рекламных щитов кособокий отряд.
Караулы, матросы, кресты, патрули,
Виноградные плети до самой земли.
Перегоны туристов. Оскал батарей.
И наверно штук триста зеленых дверей,
И за каждой сентябрь — голубой, золотой.
Белый голубь кружит над могильной плитой.
Стая крачек скандалит и делит хамсу.
Старики ордена по проспектам несут.
Малолетка Дашуха дает гопака,
Пляшет вся, от кудряшек и до каблука.
Облака разбежались, луны не тая.
Одинокий костер спит на мысе Айя.
В можжевелевой роще влюбленные — им
Не мешают ни слезы, ни пепел, ни дым.
Яхты грезят о море, открытом для всех.
Балаклавские кошки крадутся в росе.
Журавлиные клинья вбивает в сердца.
До свиданья! Когда бы еще встре-тить-ся...
Не оставлена слава, не отдана честь.
Севастополь, спасибо за то, что ты есть!

БОЛЬШАЯ СТЕПЬ

Кочевник видит вечность. Стынет чай.
Кудлатый алабай скулит — приснилось
Что он щенок. На розовых губах
Не сохнет молоко. Ладонь как милость.
Хозяин выбирает — сталью в бок,
Продать, отдать друзьям, держать при стаде.
Хозяин бог. Помилуй, бога ради!
Трещат цикады. Росно. Сон глубок.
Кочевник смотрит — волки далеко.
Пастушкина тропа по небу вьется.
Сова над шакалятами смеется.
И жить легко. И умирать легко.
Кочевнику не нужен лишний груз.
...Седло, варган, истертая овчина.
Имущество для слабых. Он мужчина,
Избегнувший цепей, тенет и уз.
Что взять с собой? Тюльпановую степь,
Призыв грозы, восторг покорной плоти,
Стрелу, что запоздала на излете,
Отцовский нож и материнский хлеб.
Улыбку друга, верность кобеля,
Изменчивый базар Эски-Кырыма...
Кочевник спит и видит — вечность мнима,
Есть день и ночь. И небо. И земля.

ХРОНОС ХЕРСОНЕСА

Время стирает нас в черепки и щепки,
Рушит дома, гасит плевком окно.
Мнет словно глину мягких, ломает крепких,
Были мы или не были — времени все равно.

Как мы любили... Боже, как мы любили!
Как отправляли в школу и в путь детей.
Что потеряли, что в полцены купили.
Что отпустили перышком по воде.
Дым сигаретный, злой разговор вокзальный,
Капелька пота, снег на твоей щеке.
Стук электричек... Помнишь ли — долгий-дальний.
Лето сменилось осенью, все окей.
Время возьмет наши стихи и письма,
Перетрясет простыни и шкафы.
Все мы туристы, все не навеки — присно.
Смысла ли в том, что ясен узор строфы?
Ни языка не останется, ни бумаги.
Старые книги больше не ждут костры.
Толку от нашей гордости и отваги?
Клять и признаний, блесток и мишуры?
Пал Херсонес. Камни сереют скучно.
Кто их сложил, кто и кому служил?
Кто уничтожил город собственноручно?
Кто и зачем в этих руинах жил?
Время стирает — в крошево, до основы.
Глупая птаха над васильком поет.
Знаешь, я верю — не умирает слово.
Будет звучать над морем — твое, мое.

БЕЛЫЙ СТИХ

Долгая ночь, середина зимы, и заходят Плеяды.
Плачет рабыня в хлеву — господин не заметил.
Жмутся друг к другу во тьме белорунные овцы.
Бьется о скалы, смеясь, белопенное море.
Стражник дрожит под плащом из некрашеной шерсти.

Каменщик видит во сне пышный зад Афродиты.
Кровельщик видит во сне «Клитемнестру» Эсхила —
Как он выходит на белых высоких котурнах
И от восторга на миг замолкают трибуны...
Будит жена — время спешно искать повитуху.
Мальчик рисует углем белых птиц на стене базилики.
Утром сотрет — ни следа, ни пера не заметят.
Дряхлый старик льнет к камину, надеясь согреться.
Желтая кошка играет отброшенной лентой.
Зреет рассвет, словно яблоко райского сада.
Медлят войска — злая буря не лучший союзник.
Реет орел над высокой стеной Херсонеса.
Белый шиповник расцвел, одинокий на ветке.

КУРИНЫЙ БОГ

Безвременье — пора достать вязанье,
Отставить прочь никчемные дела.
Смотреть на мир спокойными глазами.
Сложить на подоконнике крыла.
Заброшенность спасается уютом.
Шарлотка и цветаевский пирог,
Печаль по-крымски — с медом и кунжутом,
Печать дождя на слове «эпилог».
Не-счастье неслучайное знакомо.
У кошки, у собаки — не боли!
Уходят тени тихо — прочь из дома,
Туда, где катера и корабли.
Где крепость осыпается щебенкой,
Где лезет на холмы упрямый мак.
Где солнце улыбается ребенком
И ветру не зазорно обнимать

Таких как мы — пустых, незагорелых,
Пришедших к морю в поисках кита...
Безвременье — отсюда до апреля,
Снежинки, чепушинки, маята...
Сухая мята, ракушки-рапаны,
Куриный бог, пустившийся в бега.
Надорванный билет до Зурбагана
И место встреч — причал у маяка.

МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ

Тополя Севастополя, ласточки Феодосии,
Золотые копытца маленькой лани осени
Россыпь ягод. Немыслимый мост над пропастью
Как пропасть в Крыму и стереться о камни попусту?
А никак, чудак — здесь любая былинка лестница.
Ты идешь вверх — если лезешь и если ленишься.
Если бьешься о скалы и плещешься в море ясности,
Из корней выплетаешь верные вероятности...
Паттеран оставляешь на перепутье в зарослях.
Ни один из нас не разберется в замыслах,
Ни один не прочтет, для чего взорвалось шампанское,
Ни один не увидит — божье или шаманское.
Можно только идти по тропе, оскользаясь, падая
Можно из четырех дверей пробиваться в пятую.
Можно ждать до рассвета и замыкаться в темени,
Можно смеяться — птица сидит на темени
И напевает — лето нас всех оставило,
Можно считать, что знаешь ходы и правила —
И проиграть. У Крыма свои понятия.
Здесь ни один Христос не заслужил распятия —
В худшем случае стенку в подвале башенном,

Но и об этом знаешь, никто не спрашивал.
Морю поверь, падай в ладони города,
Сбросив броню, станешь орехом колотым
И прорастешь вживь, крепким упрямым деревцем...
Только на Крым можно еще надеяться.

БАЛЛАДА ЗУРБАГАНА

Флаги и башенки, чистые мостовые,
Из полосатых будок улыбаются постовые,
Хлещет шампанское в чаши больших фонтанов,
Куклы выходят замуж за капитанов.
Правда — в монете, штампике и нагане...
Катитесь к черту! Вы не были в Зурбагане.

Манят витрины, фишки и сувениры,
В кухнях шкворчат рулетики и гарниры.
К балу готовятся платьица и мундиры,
Кошек пугают полуденные мортиры,
Ржавые шпаги в ножнах, вода в стакане...
Катитесь к черту! Вы не были в Зурбагане.

Вам не случилось падать спиной в бурю,
Грудью встречать чью-то шальную пулю,
Биться за парус, кровавить канат руками.
Плыть в утлой шляпке следом за облаками,
Сбрасывать цепи,дохнуть, как зверь, в капкане,
Слышать, как море волнуется в Зурбагане.

Здесь не судьба богатым, ленивым, праздным.
Каждая женщина может побыть прекрасной.
Каждый мужчина смеет в лицо смеяться.

Здесь и старухи-смерти в общем-то не боятся.
Здесь все честны — даже бармены и цыгане,
Смотришь в глаза — понимаешь, что в Зурбагане.

Рыба в сетях — делишь улов с соседом.
Встряло под хвост — плюешь и идешь к Кассету.
Пляшешь, кутишь, дерешься, не веришь в старость...
Любишь — берешь кораблик и крепишь парус
И уплываешь в небо, за край тумана,
Чтобы причалить к пристани Зурбагана.

ПТИЧЬИ СТИХИ

Ласточки строят гнездо из липучей грязи
Может и неприглядно, зато не сглазят.
Угол под крышей, камень из Инкермана,
Шустрые птицы трудятся непрерывно.
Пух и перо на донце, снаружи глина.
Сохлое и пустое спаяно воедино.
Дремлют в скорлупках будущие летуны,
Кто-то над ними держит весь день ладони...
Кони кричали, крыши горели в лунном
Ясном сиянии, шпарили пулеметы,
Всех беспокойных враз превращая в мертвых.
Бились за землю, воду, чины, медали,
Дали друг другу жизни, не покидали,
Скупое делили банки, краюхи, крупы,
По шоколадной дольке — для мальчиков бледногубых.
Тише, не плачь, хату и печь отстроим,
Батька твой точно погиб героем,
Хочешь взглянуть на гнездышко? Дуры-птахи
Спачкали ворот и рукава рубахи...

Ласточкам все равно — где война, где буря,
Кто вокруг дома ходит, хрипит и курит.
Лишь бы гнездо лепилось к старой татарской кладке,
Лишь бы стоял дымный огрызок хатки,
Лишь бы из грязи, из пуховой постели
Выбрались новые птицы — и полетели!

ТУМАН ЧЕМБАЛО

В тот день, когда закончится зима,
Зеленый луч усталых век коснется
И прошлое нежданное проснется
И отшумят прибрежные шторма.
Ступай со мной на ветреный бульвар,
Туда где расцветают абрикосы
И девушек распущенные косы
Туманят взор мужам нечастых пар.
Смотри как ошалелые спешат
Троллейбусы, курьеры и туристы.
Кодует кофе смуглая бариста.
Истаял снег и нечего решать.
Из бухты в бухту катер напрокат.
Шершава фиолетовая яшма.
Дышать легко. Состариться не страшно.
Давай опять сыграем в дурака.
Я кану в море дней, а ты храни
Потомкам для достойного примера
Помятые доспехи тамплиера
И платье королевы Сен-Дени.
С Чембало спала белая чалма,
Туман окутал яхты и причалы
И чайки раскричались...

Ты молчала
В тот день, когда закончилась зима.

МЫШКИНА КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Лезет мышь на Агармыш
Выше вишен, выше крыш,
Выше Миши звонаря
Ничьего монастыря.
Выше вязов, выше круч,
Серых туч и черных туч.
Мимо сов и мимо лис,
Мимо ста свирепых крыс,
Мимо ласки и ужа
Пробирается, дрожа.
Ишь, мышонка тащит мышь
На зеленый Агармыш.
Ждет полуночи она,
А когда взойдет луна,
Тихо пискнет мышкин сын:
— Мама, дай мне желтый сыр!
...Хрустко листьями шурша,
Лезет мышь с Агармыша
И несет мышонка в дом,
Нос испачкан серебром...

Роман Сергеевич Всеволодов

Член Союза писателей России, член Союза писателей Санкт-Петербурга, руководитель Литературного клуба «Дерзание».

Как прозаик, журналист, поэт, драматург, публицист имеет более тысячи публикаций в газетах, журналах, альманахах («Юность», «Балтийские сезоны», «Северная Аврора», «Невское время», «День литературы», «Пять углов», «Искорка», «Питер», «Молодой Петербург», «Молодой Санкт-Петербург», «Аврора», «Аргументы и факты», «Профессия», «Илья», «Дети Ра», «21 век», «Ленинград», «Коростель», «Питер», «Светоч», «Мгинские мосты», «Криминал», «За решеткой», «Фактор успеха», «Второй Петербург», «Литературная Вена», «Германия плюс», «Адреса Петербурга», «Парадный подъезд», «Молодость», «Новые писатели», Кроме того, и сам долгое время издавал журналы «Вокзал» и «Другие люди», на страницах которых открыл ряд авторов, впоследствии получивших широкое признание.

В издательстве «Мир ребенка» в 2015-2017 году вышли научно-популярные книги для детей: «От Олимпа до Тартара», «Там, где наши истоки», «Когда вода не в радость», «Как рождаются города», «Волшебство над водой», «Прогулки с призраками», «Путешествие императрицы за тридцать земель», «Где живут чудеса», «Как дорога становится проспектом», получившие широкий читательский отклик.

СКАЗКИ БЛОКАДНОЙ ЗИМЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ МАЛО ЛИ ЧТО

Лёша был уверен, что ничего более важного с ним в этот день уже не произойдёт. Действительно, что может быть серьезнее ссоры с лучшим другом?!

Они с Никитой дружили с первого класса, то есть уже целых пять лет! И хоть познакомились они только первого сентября, когда оказались за одной школьной партой, Лёша уже не представлял, не помнил, как он жил раньше, без Никиты.

Теперь они поссорились. Да ещё как! Вот взрослые часто говорят детям: «не надо ссориться из-за пустяков». Но Лёша разругался с Никитой совсем не из-за пустяка. Тут дело серьёзное. Очень.

Сегодня должно было произойти другое необыкновенно значительное событие, не ссора. Лёша с Никитой должны были стать не только друзьями, но ещё и соавторами. Это очень серьёзное, взрослое слово, и не всем ребятам оно известно. Но Лёша знает много таких слов, ведь его мама работает в библиотеке, и дома у них всегда очень много книг.

Мама каждый день уходит на работу, а Лёша идёт учиться. Как-то однажды ему стало так грустно, так тоскливо без мамы, что он захотел встать из-за парты прямо посреди урока и пойти к ней. Но Лёша уже не такой ребёнок, чтобы не понимать: оба они, и он, и мама, занимаются очень важным делом — Лёша учится, а мама выдаёт книги тем, кто любит читать. Страшно представить, что случится, если они придут в библиотеку, чтобы взять нужную книгу, а его мамы не окажется на месте! Нет, даже вообразить себе такое невозможно,

Лёша знает: у его мамы очень важная работа. Но, сидя за партой и рассеянно слушая слова учительницы по географии, Лёша представил, как мама подходит к книжной полке в своей библиотеке и берёт книгу, написанную Лёшей. То есть, чтобы всё время быть с мамой, нужно превратиться в книгу. Так Лёша захотел быть писателем.

Это, конечно, непросто. Но ведь все великие и знаменитые писатели не сразу становились такими. Когда-то они тоже учились в школе, сочиняли свои первые стихи и рассказы. Так что и Лёше

уже пора начинать. А то потом не успеешь догнать этих великих и знаменитых!

Лёша ничего не сказал Никите про то, как он скучает без мамы, но он подумал, что если станет в будущем великим писателем один, без Никиты, то это будет нечестно по отношению другу. Поэтому он решил взять Никиту в соавторы, то есть написать книгу вместе. Теперь в пору летних каникул, появилось много свободного времени, и можно стать писателями. Никита сразу согласился. Оказалось, что он и сам уже давно хотел сочинить какую-нибудь историю, но всё не решался к ней подступить. Лёша в который раз уже подумал, как ему повезло с другом.

Лёше не терпелось стать соавтором, поэтому он спешил как можно скорее приступить к сочинительству.

— Мы будем писать про индейцев, — вдруг уверенно заявил Никита.

— Про каких ещё индейцев? — не понял Лёша.

— Что значит «про каких»?! Мы же с тобой вместе Фенимора Купера читали! И мы всё про индейцев знаем. Поэтому будем писать про них.

— Я не хочу про индейцев, — не согласился Лёша.

— Хм, — пожал плечами Никита, — как это ты не хочешь? А про что же тогда писать? Ну, хорошо, давай про шпионов.

— И про шпионов не хочу. Мы будем сочинять сказку.

— Сказку?! — глаза у Никиты сделались сразу очень большие, удивлённые.

— Да, сказочную повесть.

— Вот ещё! — возмутился Никита, — что мы, маленькие, что ли?! Сказки писать!

— А ты думаешь, что сказки маленькие дети пишут?! —

— Не знаю, кто там их пишет, — всё больше возмущался Никита, — но мы люди взрослые, и поэтому будем писать взрослые книги, настоящие. Чтобы стать этими, как их там, соавторами.

— Выбирай, — твёрдо сказал Никита, — или будем писать про индейцев, или про шпионов.

— Не буду, — насупился Лёша.

— Ну, и не надо. — в свою очередь нахмурился Никита, — тогда я...тогда... тогда...тогда я кого-нибудь другого возьму себе в соавторы, понял?!

Такого удара Лёша не ожидал. Это ведь он первый предложил Никите написать книгу вместе, а теперь тот хочет сочинить её с кем-то другим.

И ещё Лёше было очень обидно, что Никита не понимает, какое это серьёзное дело — сказки. В прошлом году мама подарила Лёше на день рожденья большую, красивую книгу сказок. Лёша несколько раз её прочитал, и даже стал класть на ночь под подушку, чтобы сны интересные снились. И сны стали с тех пор у Лёши волшебные.

А написал книгу самый, что ни на есть, настоящий, серьёзный писатель. Алексей Николаевич Толстой, который не только сказку про Буратино сочинил. Лёша и другие его книги читал, и про Гиперболоид инженера Гарина, и даже большой роман про Петра Первого. Там, правда, очень много непонятных слов, но с помощью толкового словаря во всём можно разобраться.

А какие удивительные: и весёлые, и страшные сказки в той книге, что подарила мама Лёше на день рожденья и которую он кладёт на ночь под подушку.

И про русалок-мавок, что в тихие вечера и лунные ночи уходят из вод озёрных и хоронятся в деревьях, превращаясь в деревянные, и про жуткую кобылью голову, и про ведьмака, что считает

звёзды когтём. Голова у ведьмака собачья, и хвост огромный. Дождётся ведьмак дождика с неба, и идёт в деревню людям вредить....

Ещё про дочерей кикиморы, что живут под глиняным яром....И про хитрого овинника, что притворяется обыкновенным мирным котом.

Разве это всё не серьёзное чтение?!

Мир после такой книги сразу становится волшебным, преображается. Ты уже просто так не пройдёшь мимо какого-нибудь кота, присматриваться будешь... Точно ли это кот, или коварный овинник сверкает кошачьими глазками.

— Ну, так что, шпионы или индейцы? — голос Никиты стал совсем строгим.

Лёша был уверен, что если индейцы будут сражаться с каким-нибудь Иваном Царевичем, получится что-то совсем непонятное.

— Ну, хорошо! — огрызнулся Никита, — как хочешь! Я найду себе другого соавтора!

И он решительно зашагал прочь.

Лёше никогда прежде не доводилось видеть спину уходящего друга, с которым ты только что поссорился. И Лёша не думал, что это, оказывается, может быть так страшно.

И ещё он был уверен, что ничего более важного, чем ссора, с ним сегодня уже не произойдёт, не случится.

Лёша понуро возвращался домой. По пути ему попались какие-то люди в противогазах. Может, идут военные учения?

Дома Лёшу ждала мама.

— Где ты был?! — мама бросилась к нему.

Мама была очень странная. Неужели Никита прибежал к ней и наябедничал?!

— Я гулял, — хмуро произнёс Лёша.

— Гулял?! Где же ты гулял, если ничего не слышал?! — мама была очень беспокойная, — сейчас по всем громкоговорителям, по радио, везде... Везде передали.....

— Что передали? — всё ещё не понимал Лёша.

— Что началась война, — выдохнула мама, и сразу обессилела, села на стул, как будто ей было очень трудно устоять на ногах.

— Война?

В первую секунду Лёша, услышав это слово, подумал об индейцах, о которых хотел написать книгу Никита.

— Война, — повторила это слово мама с огромной болью в голосе.

— Иди сюда, — сказала мама, — дай я обниму тебя.

И она прижала его к себе крепко-крепко, как делала это только очень давно, когда Лёша был ещё совсем маленьким.

А потом пришёл Никита. Он уже знал, что началась война.

И Лёша подумал, что Никита пришёл предложить написать книгу про шпионов, думая, что теперь Лёша не откажется. Но Лёша ошибся. Никита пришёл совершенно за другим.

— Хоть мы и поссорились, — сказал он угрюмо, — и может быть, никаких соавторов из нас не получится, но мы должны держаться вместе. Мало ли что.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПОЛТОРА ЧАСА НА ФРОНТЕ

Через четыре дня после начала войны Никита пришёл к Лёше попрощаться. Ещё с порога он протянул другу перочинный ножик.

— На, — отведя глаза в сторону, сказал Никита.

— Зачем? — растерялся Лёша.

Он ещё не понимал, что происходит. Он хорошо знал, что Никита не дорожит на свете ничем больше, чем этим ножичком. Он бы его раньше никому не отдал.

— На, бери, — повторил Никита, — на память. А то мало ли что.

— На память? — испугался Лёша.

— Да. Я на фронт ухожу, — сообщил Никита.

Вот ещё новости!

Никита прошёл в комнату и уселся в кресло, даже не сняв ботинок. Мама потом будет ругаться, но Лёша не сделал другу никакого замечания, он понимал: сейчас происходит что-то очень серьёзное, по сравнению с чем даже испачканное кресло — пустяк.

— Но ты за меня не волнуйся, — заверил Лёшу Никита, — мы фашистов очень быстро разобьём, и я скоро вернусь.

В эти дни повсюду раздавалось слово «фашисты».

У Лёши особенное отношение к словам. Для него каждое слово живое. И слово «фашисты», даже если не знать что оно означает коварных и подлых врагов, имеет неприятный, страшный запах. Ещё оно похоже на оцетинившегося волка, жаждущего крови. Лёша видел такого в кино.

— Я добровольцем иду на фронт, буду папе помогать фашистов бить.

Никита произнёс это с такой лёгкостью, как будто собирался помочь отцу гвозди забивать.

Отец у Никиты — военный. И, конечно, раз началась война, он уже воюет.

У Лёши никогда не было папы, и он знает, что это очень не просто — жить без папы. Так что он прекрасно понимает: Никита хочет, чтобы война как можно скорее закончилась, тогда папа вернётся в семью.

Лёша осторожно положил перочинный ножик на ладонь, словно это была бабочка, которая вот-вот взлетит.

— Возьми обратно. — сказал Лёша, — если ты пойдёшь на фронт, он тебе больше пригодится.

— Нет, — замотал головой Никита, — я не могу тебя тут вот так одного оставлять. Всё-таки война. Вдруг в город прокрадётся какой-нибудь шпион, а ты без оружия. Как ты тогда его поймаешь? И потом, — Никита закрыл глаза, явно что-то представляя, — вдруг со мной что-то случится. А это тебе на память останется. Нельзя, чтобы такая вещь пропадала.

Лёша представил, что с Никитой и правда что-то случится. Как же он тогда будет один, без друга... Да ещё за парту вместо Никиты посадят к Лёше какого-нибудь зануду!

— Я с тобой, — сказал Лёша, — если ты пойдёшь воевать, то я тогда тоже пойду.

— Нет, — сжал губы Никита, — тебе нельзя.

— Это ещё почему?!

Никита отвёл глаза. Он долго не решался ничего сказать.

Но Лёша не переставал выжидательно на него смотреть.

— В общем, — замаялся Никита, — я это...того... эксперимент провёл.

— Какой ещё эксперимент?! — удивился Лёша.

Надо же! Война идёт, а он какие-то эксперименты вздумал проводить!

— Ну, в общем, я это... попробовал что-то написать. Сочинить то есть. Хотел посмотреть, получится ли у меня. Есть ли у меня талант. И я точно понял: я к писательству не приспособлен. У меня ничего не получится. А тебе хорошо удаётся выдумывать всякие истории, у тебя наверняка этот талант есть. Поэтому если кому-нибудь из нас и идти на фронт, то только мне. Ты книгу должен написать. Настоящую. Но ты особенно за меня не волнуйся. Скорее всего со мной ничего не случится. Я быстро фашистов этих разобью, и вернусь. Давай это... обнимемся, — предложил Никита, вставая с кресла.

Прежде они никогда не обнимались, но раньше никто из них не уходил на фронт.

На фронт Никита ушёл на целых полтора часа.

Вернулся он весь поникший, угрюмый.

— Меня не взяли, — процедил он, — говорят, маленький ещё. Какой я им маленький?! Что я, с этими фашистами, не справлюсь, что ли?!

Лёша молча протянул Никите перочинный ножик. Он не находил сейчас верных, нужных слов.

— Только не говори никому, что меня на фронт не взяли, — попросил Никита.

— Хорошо, — кивнул Лёша.

— Ничего, — мотнул головой Никита, — мы ещё что-нибудь придумаем, как тут, в городе, фронту помочь.

— Обязательно придумаем, — согласился Лёша.

Андрей Галамага

Родился в 1958 году в г. Воркута, школу окончил в Киеве. С 17 лет живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. Горького, семинар поэзии Э. В. Балашова. Член Союза писателей России.

Автор шести книг стихотворений:

«Из книги стихотворений», 1991;

«Русские ночи», 1992;

«Формула странника», 2002;

«Кареглазый ангел», 2007;

«В трех часах от Гринвича к востоку», 2010;

«Поводырь», 2021.

Автор более десятка пьес и киносценариев, текстов песен для спектаклей и кинофильмов, поэтических переводов. Дважды (2007, 2012) лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии».

Номинант Литературной премии имени Антона Дельвига «Золотой Дельвиг» (2012) за книгу стихотворений «В трех часах от Гринвича к востоку»;

Обладатель Гран-при I-го литературного фестиваля «Интеллектуальный сезон» в г. Саки, Крым (2015).

Победитель международного литературного конкурса произведений о Москве «На семи холмах» (2016).

Лауреат международного литературного фестиваля «Центр Европы», Полоцк, Белоруссия (2017).

Лауреат международного литературного фестиваля «Генуэзский маяк», Италия (2018).

Лауреат Всероссийского творческого конкурса «Моя Москва» (2019).

Лауреат всероссийского творческого конкурса произведений о Великой Отечественной войне «Дороги фронтовые — узелки на память» (2020).

Победитель Всероссийского творческого конкурса «Моя Москва» (2021). Дипломант XII Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь» (2021) за книгу стихотворений «Поводырь». Гран-при II Конкурса художественного перевода с языков народов Российской Федерации «Услышь, Россия, наши голоса» в номинации «Перевод поэзии» за перевод с абазинского языка стихов народного поэта Карачаево-Черкесской республики Керима Леонидовича Мхце.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним воскресением зимы
По узким улочкам Замоскворечья,
По тем местам, где вместе были мы,
Пройтись, наружу вырвавшись из тьмы,
И не отчаяться, и не отречься.

Казалось бы, всего на полчаса
Нам стоит оказаться на Ордынке,
И снова ты согласишься в чудеса —
Прекрасна, как весенняя роса
На тоненькой нетронутой травинке.

Часы застыли. Тиканье пружин
Прервалось на последнем обороте.
Я снова жив. Но снова здесь один,
Как будто безраздельный властелин
Всех проходных дворов и подворотен.

Мы знали тайну. В предрассветный час
Они, как музыкальная шкатулка.
Их звук с тобой мы слышали не раз,

И не было волшебнее для нас
Замоскворецких сонных закоулков.

Я не могу поверить, что сюда
Ты больше никогда не возвратишься.
Что я один — невелика беда,
Но нет страшнее слова — никогда,
Из словаря посмертного затишья.

И каждый день, как грешник, по утрам
Я нашему молюсь Замоскворечью.
Брожу по переулкам и дворам
И жду, что небо улыбнется нам,
И ты — нечаянно шагнешь навстречу.

* * *

Нечаянно родившись заново,
Я снова начал этим летом
Читать Георгия Иванова
И спать с невыключенным светом.

Таилась в оболочке будничной
Непредсказуемого завязь;
По сретенским невзрачным улочкам
Мы шли, ладонями касаясь.

Там, где случайного прохожего
В урочный час не чаешь встретить,
Лучей причудливое крошево
На нас раскидывало сети.

Жара под крыши горожан гнала;
Но ты, без преувеличенья,
И в зной казалась краше ангела,
Увиденного Боттичелли.

И облака — благие вестники —
Струились высью голубою
От Сухаревки до Рождественки,
Благословляя нас с тобою.

* * *

Полянка, Якиманка и так далее, —
Вся тайнопись заветных наших встреч.
Спасибо, улочки, за то, что агали мне,
От худшего стараясь уберечь.

Спасибо вам за то, что вы не предали,
Не вытолкнули за борт на авось;
Что с глазу на глаз со своими бедами
Ни разу мне остаться не пришлось.

Каретный Ряд, Петровка не помянут нам
Грехов, противоречий и проблем.
И я себя не чувствую обманутым,
И верю, ты ушла не насовсем.

Я знал и пострашнее испытания,
И я не стану попусту скулить.
И никого взамен искать не стану я,
Чтоб от себя — тебя освободить.

Друзей на суд не созывали все мы.
Кому дано направить реку вспять?
Но ты по-прежнему непредсказуема,
И кто подскажет, что нам завтра ждать.

Остоженка, Волхонка, помогите нам
Вернуть однажды проторенный путь.
Пусть препятствий видимо-невидимо,
Но я упрямый, я готов рискнуть.

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЕДЬМОЙ

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, — двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но все, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Сгущалась мгла, скрывая без следа
Весь город — от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пес-поводырь вел за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счету год от Рождества Христова.

* * *

Тень не напускаю на плетень я, —
Дни постылы, сны давно пусты.
Безнадежный пленник вдохновенья
И заложник женской красоты.

Сотни раз встречал ее во сне я,
Тысячу ночей провел без сна;
Точно чувствовал, что встреча с нею
Вечностью предопределена.

Лето начинало с подмалевка,
Нанося неброские штрихи.
Как река, Большая Пироговка,
Не спеша, втекала в Лужники.

Образ той, что снилась мне ночами,
Я переносила на чистый лист,
И, когда мы встретились случайно,
Различил ее из тысяч лиц.

Только был — предупрежденьем свыше —
Странный сон, как окрик, — берегись!
Будто с нею мы стоим на крыше,
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я, чем сон мой обернется,
Бросил ли я вызов небесам?
Кто умен, — всегда остережется;
Только я был молод и упрям.

Верил, что бы ни случилось с нею,
Все напасти я перелистну.
И любил ее стократ сильнее,
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу не провести с наскока,
Обух плетью не перешибешь...
Осень надвигается до срока,
К вечеру пойдет, возможно, дождь.

Я один. Один за все в ответе,
Сплю я или грежу наяву.
По Хамовникам гуляет ветер,
Разгоняя стылую листву.

РОМАНС

Не первый год я у тебя хожу в любовниках,
Но вот опять не понимаю, что же я творю,
На третье транспортное заезжаю в Мневниках,
А дальше против часовой, по навигатору.

Когда расстались в прошлый раз, хотелось выть с тоски,
Но твой нечаянный звонок из гроба поднял бы,
И я на всем ходу пересекаю Шмитовский,
Как будто на аэроплане по небу.

Там где-то слева новостройки Сити высятся,
А мне плевать на все на свете, я на газ давяю.
Сегодня ночью нам с тобой опять не выспаться,
И значит, встреча наша будет не напрасною.

Москва-река повеселит свою узостью,
Мне океан сейчас — не шире рукомойника,
И я ныряю, будто в бездну, под Кутузовский,
Всего лишь пять минут и я уже в Хамовниках.

Кто потерял и вновь нашел, любить не ленится,
Ну, а для нас любовь всегда была, как таинство.
Еще один тоннель, и до свиданья, Ленинский,
А от Варшавки мне совсем чуть-чуть останется.

Как я устал бесцельно ждать с рассвета дотемна,
Не будь тебя, я б до утра сидел за водкою.
Но вот теперь моя возлюбленная ждет меня,
И я, как проклятый, несусь Автозаводскою.

Менты опешили, когда промчался мимо я.
Забудьте обо мне, как я забуду прошлое.
И вот уже родная улица Трофимова,
Я в твою дверь звоню, встречай, моя хорошая.

* * *

Не спешите меня позабавить.
Жизнь не пишется на черновик;
Что прошло, то спроста не исправить,
Я от смерти пока не отвык.

Сколько раз избегал я страданий,
Без опаски срывая стоп-кран.
Я не верил, ступая по грани,
Что когда-нибудь выйду за грань.

Я смеялся, не подозревая,
Что запущен обратный отсчет,
Что с удачей заигрывал зря я,
И часы сочтены наперед.

Тем бы кончилось, не покажись мне,
Что мой срок не исчерпан до дна
И что грань между смертью и жизнью
Все еще не преодолена.

Я себя распахнул до изнанки,

Чтобы ветер мне в сердце проник.
Я слонялся по людной Лубянке,
Я бродил по Покровке в час пик;

Я стучался к друзьям и подругам
Просто так, чтобы вытравить страх,
Лишь в какой-то немислимый угол
Загоняя себя впопыхах.

Почему свою боль я не смею
Сбросить, как наваждение с плеч?
Почему этой чертовой смертью
Нипочем не могу пренебречь?

Боже милостивый, помоги же,
Дай мне волю молчать и терпеть,
Когда сил не достанет, чтоб выжить,
И отчаянья, чтоб умереть.

МОСКОВСКИЙ ЛИВЕНЬ

Я снова заглянул к тебе с утра.
Спросонок ты была слегка капризна,
А захлестнувшая Москву жара
Отнюдь не добавляла оптимизма.

Я, как всегда, принес тебе цветы, —
Три крупных разноцветных хризантемы.
Я не устал надеяться. Но ты
Старалась не касаться скользкой темы.

А впрочем, я прочел в твоих глазах,

Воспользовавшись выпавшей минутой,
Что ты готова сделать шаг назад
И только слишком медлишь почему-то.

Казалось, шаг — и можно все вернуть.
В какой-то миг я думал, оставалось
Лишь поступиться гордостью чуть-чуть.
Но ты упрячилась и не сдавалась.

Нам помириться вновь не удалось.
Мы выбрали во двор неторопливо,
Когда внезапно всю Москву насквозь
Пронзил июньский перевозанный ливень.

Прозрачные, как будто акварель,
Ни в ком не вызывая беспокойства,
От каждой капли, выпавшей на Кремль,
Бежали концентрические кольца.

Бульварное, Садовое кольцо...
И вплоть до кольцевой автодороги
Дождь то хлестал порывисто в лицо,
То вдруг, раскаявшись, стелился в ноги.

А мы с тобой, как прежде, без затей
Стояли под зонтом, обняв друг друга.
Как будто дождь нам послан был затем,
Чтоб вырваться из замкнутого круга.

Светлана Гладкова

Магнитогорск, Россия.

Родилась в Магнитогорске в 1964 году. В 1987 году окончила Московский полиграфический институт по специальности «Книговедение и организация книжной торговли».

Автор книги «Попытка прощания. Книга первая»:

Гладкова, Светлана. Попытка прощания. Кн. 1/ Светлана Гладкова. — Магнитогорск:

Магнитогорский дом печати, 2021. — 259 с. — ISBN 978-5-7114-0799-7.

Книга издана к 75-летию со дня рождения поэта Бориса Попова, через 25 лет после его трагической смерти.

Городская газета «Магнитогорский металл»:

«Вышли в свет мемуары «Попытка прощания. Книга первая» (12+), ставшие честным свидетельством культурной жизни Магнитогорска 1970—1990-х годов. Их автору Светлане Гладковой выпала удивительная судьба, которая вроде бы неприметной, но прочной ниточкой вплелась в полотно русскоязычной литературы. Жена и муза Бориса Попова (5.10.1946—20.01.1996), чьи стихи любимы в России и за рубежом, мать Ивана Попова (родился 27.09.1991), одного из самых ярких поэтов современной Магнитки, она наделена не менее редким талантом — даром беззаветной, жертвенной любви. Оторваться от её воспоминаний невозможно: они написаны кровью, как всё настоящее».

Магнитогорский дом печати номинировал издание «Попытка прощания. Книга первая» на соискание Общенациональной литературной премии им. П.П. Бажова.

ФРАГМЕНТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ПОПЫТКА ПРОЩАНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ»

(журнальный вариант)

ГЛАВА 1 22 ЯНВАРЯ 1996 ГОДА

Самолёт оторвался от взлётной полосы и начал набирать высоту. В иллюминаторах — ночная мгла.

Я сижу в крайнем ряду и глотаю набежавшие слёзы. Это моя очередная командировка в Москву.

Всегда тяжело уезжать из дома. Сегодня — особенно.

Борис в больнице. Я даже не смогла навестить его перед отъездом. Ваня третий день температурит.

Мама как-то сказала мне, что я постоянно мотаюсь по командировкам, а сына бросаю на неё, не задумываясь о том, что она уже давно не молодая. Вдруг, мол, с ней что-нибудь случится, а Ванечка ещё совсем маленький, не сможет ни дверь открыть, ни на помощь позвать. Теперь постоянно в командировках я думаю об этом.

Хорошо хоть, что Борис не полетел со мной в этот раз. Когда мы вместе улетаем в командировку, я думаю о том, что самолёт может разбиться, и тогда мой сын потеряет сразу обоих родителей.

*Когда меня не будет, будет дождь.
И, стоя на конечной остановке,
ты мысленно опять ко мне придёшь,
испачкав свои новые кроссовки.*

«Пророчество». Борис написал это стихотворение ещё до рождения сына, летом 1991 года.

*Когда меня не будет во плоти,
я стану подавать тебе сигналы
поломкой в электрической сети*

*и крапчатую мглой телеканала,
и светом августовским, и золой
печального костра на огороде.*

Строки наплывают, звучат в моей голове, заполняют всё пространство, перекрывая гул двигателей самолёта.

*Когда меня не будет — Боже мой! —
ничто не переменится в природе.*

Я никак не могла собраться в эту командировку. Не могла даже выйти из дома в агентство «Тандем».

Вызвала Ване участкового педиатра и дождалась его прихода. Затем мы смотрели его любимый диафильм «Красная Шапочка».

Начала переставлять шкафы, перекладывать книги и документы. Поняла, что меня что-то держит. Позвонила Тане и попросила её купить билет в Москву.

И когда Ваня уснул, а Таня ушла за билетом, раздался телефонный звонок.

Из больницы.

Борис.

Это потом, 20 лет спустя, позвонить из больницы будет левое дело. А в 1996 году сотовой связи нет, стационарный телефон — большая редкость (его установили по просьбе редактора городской газеты «Магнитогорский рабочий» Георгия Тихонова), а то, что пациенту разрешили позвонить с поста дежурной медсестры — вообще невероятно.

И то, что я дома, а не ушла за билетом, — наверное, судьба.

— Света, я очень тебя люблю. Я очень люблю тебя и Ваньку. Скоро увидимся.

За шесть с половиной лет совместной жизни я услышала эти слова в первый раз. И в последний.

ГЛАВА 2

3 ФЕВРАЛЯ 1996 ГОДА

*Ибо я не надеюсь вернуться назад
к серым утренним лужам,
повторяю вам снова: что сад — это сад,
это яблони, груши.
Ибо я не надеюсь вернуться в ваш край,
под февраль озверелый —
покарай меня, пуля-петля, покарай
моё грешное тело!
Ибо я не надеюсь вернуться сюда,
в самолётное небо,
где, взрываясь, летят в облака поезда —
возвращаю вам хлеба.
С полуужасом дантовым свыкшийся ад
мне покажется раем.
Ибо я не надеюсь вернуться назад,
ибо я умираю.*

Из газеты «Магнитогорский рабочий» (субботний выпуск 3 февраля 1996 года): «На 50-м году оборвалась жизнь известного магнитогорского поэта Бориса Емельяновича Попова...»

Проведя неделю в Москве в ежедневной выматывающей гонке от издательства к издательству и далее — по книготорговым фирмам и ярмаркам, я успела всё — даже поменять билет и прилететь домой на сутки раньше.

Мама встретила меня неприятной новостью — Борис пропал. Ушёл из больницы проводить меня в командировку и не вернулся. Приходили искать его из больницы. Кто-то звонил нам домой и молчал в трубку — наверное, он...

Начались поиски.

Родственники, друзья, знакомые, друзья знакомых и знакомые друзей.

Больницы.

Двоюродная сестра Ирина принесла весть от ясновидящей — Борис жив, здоров и находится у какой-то женщины.

Тихонов Георгий, друг Бориса и редактор «Магнитогорского рабочего», решительно запретил мне ездить в морг, поручив эту скорбную миссию сотруднику редакции Константину Вуевичу. Ежедневно Георгий сообщал мне: Вуевич осмотрел два (три, четыре) неопознанных трупа. Бориса среди них нет.

И была надежда.

Ванечка, чувствуя тревогу, просил меня «пойти в притон искать папку». Притоном мы между собой, шутя, называли квартиру прозаика Юрия Щекалёва. Находилась она в одном доме с книжной лавкой редакции, где я работала директором.

Я подала заявление об исчезновении человека в отдел милиции Орджоникидзевского района. Мне обещали приехать к нам домой произвести обыск на случай проверки моей причастности к преступлению.

31 января я сама поехала в морг первой городской больницы.

Служащий морга сообщил мне, что похожий на моё описание мужчина был. Его тело находилось в морге 10 дней и было захоронено вчера.

За государственный счёт, как неопознанный труп. Могила под номером 137.

20 лет прошло, а я до сих пор считаю, что Константин Вуевич, ежедневно отчитываясь редактору газеты о проделанной работе, покрывал преступление — ведь Борис был зверски избит и брошен умирать на морозе. Его тело нашли утром 21 января на территории кранового завода.

*Спи, моя ненаглядная, спи,
не ворочайся в бедном бреду.
Чтоб не видела ты,
я в степи,
в зауральской степи упаду.*

Разрешение на перезахоронение я получила только после того, как подписала протокол опознания трупа и бумаги, что у меня нет никаких претензий к следствию — и только после того, как я сполна оплатила все расходы государства на захоронение (по прейскуранту похоронного бюро).

И вот тут встал вопрос — а куда с кладбища?

Борис — известный поэт, ведущий журналист главной городской газеты. Где, как не в редакции, организовать прощание с погибшим? Вот и Владимира Карелина (он работал с Борисом в одном кабинете) хоронили из актового зала редакции, куда приходили все желающие проститься с ним.

Главный редактор отказал мне. Георгий Михайлович вообще повёл себя странно и трусовато: он предложил мне не привозить гроб с телом Бориса ни в редакцию, ни домой.

Просто выкопать Бориса из одной могилы, переложить в другой гроб — и сразу закопать в другую могилу.

До последнего момента, пока гроб не подняли из могилы, не открыли его, я надеялась на чудо, я молила Бога, чтобы там оказался не Борис.

*И когда ничего не останется, кроме
этих страшных минут,
что хоть блеском, хоть треском,
хоть воем, хоть кровью
но придут, но придут!
Отпусти меня в вечер холодный,
дождливый,
в августовскую хмарь —
и случайно в карман урони мне красивый
личный травник-букварь.*

Я не сидела ночью у гроба. Не было сил. За меня это сделала моя подруга детства — блаженная Валька Филиппова.

Думаю, Борис меня за это простил.

Из газеты «Магнитогорский рабочий» (субботний выпуск 3 февраля 1996 года): «Гражданская панихида и прощание с Б.Е.Поповым состоится сегодня, 3 февраля, с 13.00 до 13.45 по адресу: пр. К.Маркса 176/1-31. Вынос тела в 14.00».

Умирать от переохлаждения — не страшно, сказал мне следователь Поляков. Это только сначала холодно, а потом уже становится тепло.

Сегодня, спустя 20 лет, я понимаю, что если бы я не поехала в морг, мы могли бы вообще не найти Бориса. Писали бы в передачу «Жди меня», задавали вопросы экспертам в «Битве экстрасенсов» — без особенных результатов. Думали бы, что он потерял память. Или бросил всё и уехал к другой женщине, молодой и красивой, чтобы начать жизнь заново.

На могильном памятнике Борису Попову выбита строка из его стихотворения «Пророчество»:

Когда меня не будет, будет дождь.

<...>

ГЛАВА 6 В ГОСТЯХ У НЕБОЖИТЕЛЯ

Борис Попов жил на улице Белинского в посёлке Крылова.

«Скрытые взаимосвязи определяют нашу земную Жизнь» — так называлась одна из книг Рихарда Штайнпаха, выпущенная издательством Фонд Послания Грааля; издание это пользовалось повышенным спросом у любителей эзотерических учений. Если бы я писала книгу для них, любителей эзотерики, дуриков, как говорили учёные книгопродавцы, я протянула бы ниточку от этих именно классиков отечественной литературы к молодому поэту, вплела бы её в ткань повествования. Возможно, мне даже удалось бы убедить читателей, что эти самые скрытые взаимосвязи, заключённые в названиях улицы и посёлка, повлияли на жизненный выбор Бориса Попова.

Но всё было несколько иначе.

Как помнится, у меня было так.

В конце 60-х годов, будучи безнадзорным и самонадеянным, я решил стать писателем. Толчком послужили мемуары И. Эренбурга, повести Паустовского, стихи А. Блока и модные лирические песни. К тому же я был смертельно влюблён в ученицу 9-го класса «М» школы № 56 Ольгу Чернову.

И я стал писать стихи! Стихи были ни о чём и обо всём. К примеру, если я желал написать что-то о Рафаэле, я открывал учебник истории, где упоминался этот Рафаэль, и сочинял свою версию. Всё

гениальное просто. Я прослыл большим интеллектуалом. Подготовочный этап продолжался около полугода, затем я почувствовал себя вполне сложившимся поэтом и послал стихи в редакции журналов.

Журналы не оправдали моих надежд. Ответы были однообразны и унылы: «Читайте Пушкина...», «В Вашем городе проживает прекрасный поэт Б. А. Ручьев...», «Учитесь мыслить образами...». Я порвал конверты с ответами и подался в футболисты. Мне очень нравился бразильский нападающий Гарринча.

Но за буквой «А» следует буква «Б». Я влюбился во второй раз и снова начал марать бумагу. Помня об обиде, которую нанесли мне консервативные журналы, новые стихи я послал в «Магнитогорский рабочий».

Через две недели я получил приглашение посетить занятие городского литературного объединения...

*Из статьи Бориса Попова «Чем оправдать тебя, распад?»,
«Магнитогорский рабочий» (1991 год).*

В гости к Борису Попову Альбина поехала со мной, и хорошо — одна бы я, наверное, не решилась. Улица Белинского, на которой находился дом № 26, в коем проживали Поповы, находилась на городской окраине, недалеко от железнодорожного вокзала. Две пересадки на трамвае — и вот мы вышли на остановке «Кинотеатр «Родина», в который я, будучи ещё ребёнком, частенько приезжала с мамой; здесь я впервые смотрела индийские кинофильмы «Зита и Гита» и «Мечь и Закон».

Мы довольно долго плутали в лабиринте улиц, пока не вышли к искомому месту. Подошли к высокому, окрашенному зелёной краской дощатому забору и робко постучали. Потом смелее и громче. Потом увидели кнопку звонка и начали трезвонить.

Калитка распахнулась внезапно, нам открыл Борис. Удивительно было видеть его не в строгом костюме, а в старых брюках и простой рубашке с закатанными до локтей рукавами, да ещё и с лейкой в руке.

— Помогал отцу в огороде, — смутившись, объяснил поэт, — поливал огурцы.

Борис Попов пригласил меня с Альбиной в дом. Переглядываясь и пересмеиваясь, мы прошли через веранду в просторную, светлую кухню, из которой было две двери — одна в большую комнату, где смотрел телевизор дед (отец Бориса, Емельян Иванович), а вторая — в комнату самого поэта.

...Всё выйдет так, как я и говорил.

Ты вдруг споткнешься у кривых перил

и вспомнишь ту убогую каморку...

Комната, в которой жил и работал Борис, была такая узкая и тесная, что непонятно было, как в ней вообще умещались односпальная железная кровать, деревянный стол (не письменный), стул и этажерка с книгами. Площадью она была не более пяти квадратных метров. На стене — вешалка, на плечиках — аккуратно отглаженный костюм (единственный на тот жизненный период) и пиджак. Абсолютный минимализм.

Борис смущался и не знал — куда нас посадить. Альбина, как всегда, вольготно (легко и свободно благодаря отсутствию каких-либо ограничений), расположилась на кровати; я присела с краю, оставив для Бориса стул, иначе ему пришлось бы стоять. Стараясь скрыть неловкость момента, я попыталась оправдать наш приход и представила подругу.

Она тут же взяла инициативу в свои руки и начала задавать поэту вопрос за вопросом. Держалась Альбинка как бывалый репортёр, я даже позволю себе выразиться — как признанный мэтр отечественной журналистики. Вскоре мне стало казаться, что я вообще лишняя в этой комнате — Бориса Попова, отвечавшего на её вопросы, Альбина ещё слушала, мне же рта не давала раскрыть.

На столе лежали книги, газеты, письма, исписанные и чистые листы бумаги и папка, подписанная «Рукопись 2-й книги. Время скворцов». Название стихотворения, выбранное для второй книги, ранее дало имя большой подборке в «Магнитогорском рабочем», и запомнилось мне.

Это время скворцов.

А они ещё не прилетели...

Расплываются лужи в разорванном круге реки.

Это время юнцов, это косы и бусы апреля,

это лужи и ложь, это горечь неверной строки.

Не дает мне покоя твоя неподкупная совесть.

Ты уже и не смотришь глазами любви на меня.

Что мне делать, скажи —

удивляюсь, удавляюсь,

успокоюсь,

сяду в поезд, сойду, брошусь в воду, сгорю у огня!

Крупный запах грехов,

ртутный, верченый,

запах распада.

Было так хорошо, что не верилось в близкий конец.

Это время скворцов, а скворцам разлетаться не надо.

Это время юнцов и, конечно же, я не юнец...

Открыть папку с рукописью я не осмелилась, а вот газету со стола наугад взяла. В ней был материал Николая Якшина, посвя-

щённый семинарам поэзии и прозы, проводившимся в Магнитогорске редколлегией журнала «Урал» в преддверии 60-летия города. В Магнитку приехали главный редактор журнала «Урал» Валентин Лукьянин, заведующий отделом прозы Валерий Исхаков, редактор отдела Валентина Артюшина, челябинский прозаик Татьяна Набатникова, поэтесса Майя Никулина и заведующий отделом поэзии Николай Мережников.

«Особый случай представляло на семинаре участие в нём Бориса Попова. По уровню его стихов, по его умению разбираться в поэзии Борис Емельянович давно должен быть не в аудитории, а так сказать, на кафедре. Но у Б. Попова до сей поры нет своего сборника, он не член СП и потому вынужден выступать в странной роли тренера, бегающего за мячом во втором составе. Едва ли для кого было открытием признание, что его стихи — это стихи. Думаю, его не особо волнует и предполагаемое авторство в журнале. Недоразумение с Поповым требует разрешения в главном: профессиональному поэту место в профессиональном же союзе, а «потреблять» его в качестве любителя и несправедливо, и нерационально».

Из статьи Николая Якшина «В Доме Советов звучали стихи... Заметки с семинара молодых прозаиков и поэтов», «Магнитогорский рабочий» (1989 год).

Взяв со стола следующую газету, я опять натолкнулась на материал, посвящённый неделе журнала «Урал» в нашем городе:

«Майя Никулина: «Успели познакомиться и обсудить творчество нескольких авторов — Владимира Чурилина, Олега Щурова, Бориса Попова и нескольких других, о которых пока не буду упоминать. В стихах того же Бориса Попова отметили две линии. Одна —

та, где он имеет свой голос, другая — где он обычен. Эти две стороны довольно чётко различаются...»

Из материала Владимира Мозгового «За «круглым столом», «Магнитогорский рабочий» (1989 год).

Я попросила Бориса прочитать стихотворения, отобранные для публикации в журнале «Урал». Конечно же, они мне понравились, особенно это:

*Я лежал на сеновале, было сухо, пахло сладко.
Я лежал на сеновале в понедельник и в четверг.
Ну и ладно, и понятно...
Но последняя загадка —
где найдется сеновалу в наше время человек?
Я глядел в ночное небо — и оно в меня глядело.
Я посматривал на стены — и они вперяли взор
в — ах! — моё немолодое, уж поношенное тело,
и вели со мною долгий, беспредметный разговор.
Я ушёл, смотался, смылся от особы неприступной,
от долгов, что пахнут водкой, а потом уже бедой.
Ну, конечно, было стыдно, стыдно, муторно, остудно,
но я справился с собою и остался я собой.
Я лежал на сеновале, что когда-то основали
наши местные умельцы возле дома, у двора.
Звёзды сеялись, сияли, мыши по полу сновали
и в далёкое ночное выезжали трактора.
Ах, какое было время, жар, томление, горенье,
паустовские закаты, экономный свет в избе.
Я лежал на сеновале и писал стихотворенье —
о любви, судьбе и славе и, конечно, о тебе...*

Альбина и Борис, ещё, наверное, долго вели бы серьёзные и умные разговоры о современной поэзии, любимых философах и состоянии культуры в обществе, но я засобиралась домой — в присутствии столь одарённого человека я чувствовала себя невыносимо глупой и мечтала стать ещё незаметнее.

С первого дня знакомства моя подруга называла Бориса Попова не иначе, как Борька.

Игорь Васильевич Горев

Родился в 1968 году в городе Сочи.

Южное солнце не долго не жило меня и в 1974 году я познакомился с крепкими дальневосточными морозами на БАМе. О чём несколько не сожалею — люди там собрались крепкие и романтические.

Образование высшее, военное. лейтенант запаса, уволен по болезни.

В начале нового века порядком разочаровавшись в коммерческих перспективах и придя к выводу: для бизнеса нужно иметь определённые «talанты», которые во мне отсутствовали, я, на берегу Чёрного моря, начинаю жизнь заново.

Кавказ имеет давние традиции вдохновлять поэтов и писателей. Рифмованные строки буквально извергались из меня. Стишки, стихи, поэмы. Декламатор из меня неважнецкий и результат был вполне ожидаемый — никто не услышал. Однако, набравшись наглости, решил посвятить в своё творчество Евтушенко Е.А. посетившего в ту пору, Кинотавр.

Через полгода резюме, уже в Переделкино: «Молодой человек, ваши стихи меня не вдохновили...» Обида и досада. «Но вы не пробовали писать прозу... у вас получится, я вижу это».

А что!

Первыми были небольшие рассказы. Потом объёмный роман, снова рассказы и повести. Практически все остались на стадии рукописей. Некоторые рассказы и рукописи изданы в самиздате «Ридеро», но требуют серьёзной литературной доработки.

Роман «Тень Хиросимы» — вежа, рождение во мне чувства писателя. Я призван! Рукопись долго пылилась в столе у Турчиной Г.П.,

пока её не прочитал её сын: «Мама это должно быть издано!» Первый редактор Носков В.Г. заметил: «Немножко не дотягивает до гениальности, трудись».

Тружусь. На сегодняшний день в моём литературном саквояже сборник стихов, два романа, трилогия, три сборника рассказов и повестей, три сказки, собрание афоризмов и несколько замыслов в голове.

Хочется верить, что трилогия «Навье и Новь» не последняя в списке.

ПРЕДЫСТОРИЯ К СИНОПСИСУ ТРИЛОГИИ

Трилогия «Навье и Новь», на самом, деле исследование человеческой природы, взаимосвязи между медицинским диагнозом и «болезнями» общества. Это попытка ещё раз напомнить, что глубинные причины наших недугов кроются не в физиологических процессах и не в нарушении физико-химических процессов в органах, а в том, как мы живём и взаимодействуем: человек и окружение. Попытка доказать, что наш духовный мир является тем кресалом, которое высекает будущие пожары, которые выжигают человека изнутри. Убивают его.

Но скажите разве наша духовная жизнь, вдохновение, не проходит на фоне тех или иных исторически событий. Разве наши гибельные или спасительные волевые решения не принимаются в угоду или вопреки тому, что происходит вокруг?

Итак, трилогия, хотя и раскрывает внутренний мир человека, написана о нём и для него, вполне исторична.

Проследивая судьбы героев, мы легко узнаём исторические эпохи. Вот шестидесятые года позапрошлого века, затем следуют начало двадцатого столетия, гражданская война, на суд предстают тридцатые, почти в хронологическом порядке проходя пятидесятые, восьмидесятые и тревожные девяностые. Вплоть до наших дней.

Трилогия — это взгляд на исторические процессы не глазами профессионального историка, а личный взгляд человека разглядевшего некие новые причинно-следственные связи болезней и возможные методы исцеления.

ТРИЛОГИЯ «НАВЬЕ И НОВЬ» (СИНОПСИС)

Начало трилогии своеобразный поток сознания больного разума. Или, скорее всего, разума мучимого физической мукой. Поток, где реальность смешивается с фантазмагорическими образами.

Человек уже смертельно болен, ему вынесен консилиумом окончательный приговор и срок. И вместе с тем он хочет жить. Оказывается, он жил мерзко и подло (хотя сам считал, что вполне обыкновенно «как все») и, вместе с тем — честно. Его «да» было — Да, и его «нет» было — Нет. Не лукавил. Что произошло потом, он сам для себя принимает на веру, для остальных (как вариант) «образы навейные под воздействием физической боли». «Ваше право» решает герой трилогии и начинает новую жизнь. Да, да, — он будет жить, вопреки мнению светил официальной медицины.

Затем события переносятся в далёкое прошлое, в середину позапрошлого века. Во времена «дарованной царём свободы». Именно там зарождается ещё один герой трилогии, рождается не физически, происходит его становление, что отразится на потомках, какой выбор они сделают в грядущем, чем будут руководствоваться в грозные революционные годы и во время мирного строительства. Выбор, за выбором и как из кусочков смальты мозаика, так и этот род: от отца к сыну и правнуку.

Потом судьбы переплетутся. Скажем так, герой№1 пройдёт путь от боксёрской секции, поступит в институт, его умственный и физический потенциал будет замечен и он станет офицером КГБ, работа при консульстве, сопровождение посольской почты. Предательство коллеги и друга внесёт коррективы в досель беспечное

следование судьбе. Он уволен со службы, однако «контора» не оставляет без внимания умного и предприимчивого бывшего сотрудника, понимая его непричастность к предательству.

Всесильный руководитель местного Управления берёт над ним опеку. И вскоре наш герой №1 опять успешен, более того, «попадает струю». В начале девяностых, очень кстати, он курировал склады краевого Минздрава, возможности сами понимаете «заоблачные». Навыки бокса, изворотливость, умение анализировать, склонность к авантюризму — всё, как говорится, ко времени. Он успешен и богат. У себя в городе он авторитетен, а значит, для тех, кто хочет здесь воротить делами, весьма полезен.

Герой№2. Если прадед — владелец кабака, то дед и отец вынуждены приспособляться к новым реалиям. Хотя вначале было бегство от революции. Растеряв в пути всё «честно нажитое» они из русского черноземья оказываются в горах Кавказа. В далёком Эреване. Умение вживаться и пускать корни где угодно, спасает сей род в самые критические мгновения. В годы войны дед героя№2 уже штабной советский офицер. Хотя и не забывает последних слов прадеда: «Я зарыл кубышку под старой берёзой в палисаднике...» Кубышка не найдена, жизнь продолжается. Орденоносный штабной офицер способствует медицинской карьере отца, тот в свою очередь, — сына, героя №2.

И вот два героя встречаются.

Их детство и юность проходят в одном доме. Судьбы чем-то похожи, невзирая ни на что, — они изворотливо успешны. На улице времена приватизаций и первичного накопления капитала, где кулаками, где обыкновенным хамством с презрением проталкиваясь сквозь толпу претендентов на счастье. Еще чуть-чуть и герой№1 укажет место герою№2 — он сильнее и удачливей. Тут-то и прозвучат роковые слова: «... вам осталось жить...»

О герое №1 можно забыть. Болезнь до неузнаваемости изменила его и будто лишила всех прежних навыков и способностей, более того, отныне он косноязычен. А у героя №2 планов громадье, и он не упустит своего. И что с того, что прежний соперник слаб, это даже к лучшему — отобрать его долю счастья и присвоить себе. В результате многоходовки герой №1 оказывается в «психушке».

Во второй книге герой №1, униженный и преследуемый местной «элитой» психоневрологического диспансера придумывает себе безобидный способ уйти от реальности. Он погружается в миры сказок.

А герой №2 почти осуществляет свой план, ему теперь мало быть «обыкновенным» директором знаменитого санатория, он захнулся стать его полновластным хозяином.

Удивительным образом сказки героя №1 стали частью реальности и помешали осуществлению «сказочных» планов обогащения. Начались события совсем ирреальные. В психушку попадает «пациент ниоткуда», пациент, обладающий и силой и волей. Для своего освобождения он задумывает и осуществляет восстание «Самоушедших». После ряда перипетий восстание побеждает. Всемогущие патроны героя №2, братья-олигархи, бегут в Париж, он и сам почти на чемоданах, помешал случай. И вот когда «революция Самоушедших» свершилась, её вождь по воле случая теряет свои прежние силы и волю, он на самом деле требует медицинского присмотра. Присматривает, кто бы вы думали, естественно герой №2, он же врач. И конечно получает преференции на будущее.

А что же герой №1, он не участник событий, он в стороне, восстание лишь помогает ему покинуть стены ненавистой «психушки». Для всех «активистов» он «неприкаянный», для нуждающихся и больных — первый помощник и целитель.

В книге третьей акценты направлены на родителей героя №1 и деде по отцовской линии, несокрушимом сталинисте.

Его отец не вполне обыкновенный бухгалтер. Наследуя дедовский характер (революционного рубаки-кавалериста), честность и склонность к добропорядочности — совесть у него первая подсказчица, — и он коммунист. Однако к девяностым он уже изрядно изношен, устал. Взрывной норов и склонность к выпивке превращают его из бойца (который под каждой цифрой бухгалтерского отчёта умеет разглядеть человека и побороться за него, отстаивая интересы перед руководством) в усталого «просядалу на рабочем месте».

Жена любить его и всегда служит подспорьем во всём.

Для героя №1 она идеал женщины, матери и жены.

Спасает отца героя №1 от окончательного «ожирения» письмо от деда. Письмо, можно сказать, «от туда».

Письмо написано из далёкого Забайкалья, из гулаговского лагеря. Доставил письмо один из бывших «малолеток», которого спас и наставил когда-то дед-сталинист, помог встать на честный трудовой путь.

Вполне ожидаемо было прочесть в письме обиду и даже озлобление на те времена. Отцу известно, что деда осудили несправедливо, и он добился реабилитации уже после смерти. Вместо этого читает письмо-откровение, письмо полное сил и надежд и ни слова осуждения и проклятия — только «понимание момента». — «... тут один поп рассказывал мне о чистилище у католиков — мы в чистилище». Нужно ли оно? Взять хотя бы его — преданного делу Сталина, коммунисту — оказывается нужно. «Человек так зачерствел и озверел... вот взять хотя бы меня: рубил, факт, рубил. За идею, факт, за идею и всё же — рубил. И морды бил, и мстил... Так мне и надо. Но я и тут за идею постою».

Удивительное, неоднозначное письмо «от туда» имело какие-то вдохновляющие силы, отец героя №1 бросил пить и воспрянул, однако сердце уже подорвано.

Мать, похоронив мужа, приходит в храм (в советское время она, втайне от мужа, крестила сына). Теперь вера её обретала новые силы... через реставратора.

Реставратор — это легенда третьей книги трилогии. Он мистичен и реален одновременно. Некто просит реставрировать храм. Вместо восстановления прежнего благолепия он выносит всё из него и превращает в гору мусора. Более того, рушит сами стены, на вопрос, зачем он так поступил, спокойно отвечает вопросом: «А разве веру можно превратить в руины? Вера, даже пройдя сквозь самые жёсткие жернова судьбы — остаётся верой. Она дух, а дух нерушим. Дух исцеляет. А вот жизнь наделяет недугами и болезнями».

Роман жизнеутверждающий, и вместе с тем требует от героев переосмысления всего прежнего существования.

Наталья Александровна Джурович(Унгерова)

Родилась в 1987 г в Москве.

Там же в 2009 году закончила филологический факультет Российского Православного Университета.

Автор поэтического сборника «Нескончаемое лето», книги прозы и поэзии «Крстоносна Румија/Румија крстоносна»(автор и переводчик с сербского), поэтического сборника «Двуречие».

Живет и работает в Черногории.

ГУСИ

Детство пахнет картошкой варёной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихой речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.
Детство пряное; блёклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.
На просторном лугу чуть подальше,
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб.
Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится,
И свирепое чудится «Га!».
Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка как раньше журчала,
Там, где бабушка вечно жива.

ОГОРОДЫ

Огороды, огороды,
Конь горланит: «Иго-го»,
— «Размалынился немного,
Потерпи же, дорогой».
С лошадьё тумачит дядька,
Конь к руке его приник,
И смеются мои братья,
Как дурачится старик.
Что тогда мы понимали?
Что сменилось с прошлых лет?
Братья дядьками уж стали,
Отдышаться — время нет.
Видно, так у нас в привычке.
И несёт тамбовский волк
Чернозёмное величье,
И земля нам знает срок.
Огороды, огороды,
В грядках наскоро обед.
Заточили тяпки бодро —
Не догонит нас сосед!
Уж обычаи, чего там,
Первым землю распахать,
Мальша гонять до пота,
А потом всю ночь вздыхать.
Огороды — вёсны, зимы...
Рвётся за конём душа.
И лишь только баба Сима
Бога славит неспеша.

* * *

Первый шаг мой и первый мой дом,
Было ль что-то до них — не скажу.
Полоса чернозёма с песком
Проложила по жизни между.
Эта память мне счастьем и есть,
Ей же — болью и мукой мне быть.
— «Тяжело тебе, дитятка, несть?..»
Только с плеч тяжелее спустить.
Ты победная наша земля,
Сотня метров — подсолнух как щит...
По реке не прошло корабля,
Про запас не собрали рубля,
Только зяблик-бедняга трещит.
Почему ты назад не звала?
Почему не сказала: « Приди!»?
Я ведь сына уже родила,
Приложив ненадолго к груди.
Здесь и пота следы, и тоски,
Здесь твои и хлеба, и трава.
Возле рек — золотые пески,
О тебе — золотые слова.

ДРУГ ЗА ДРУГОМ

Такую, как была, уже не встречу,
Лишь в памяти хранится старый дом,
Где прежним остаётся только ветер
Да сено с перекошенным горбом.
Соседские берёзы поредели,
А как шумели первую листвою!
Я больше не встречала, в самом деле,

Весёлости взъерошенной такой!
Порог скоблили, чистили ножами,
Топили печь... Так было много лет.
Хозяина недавно провожали,
Берёзы — есть, а кто сажал их — нет.
В развалинах весной птицы вьются,
Фундамента шершавый лоб суров.
Но семена настойчиво пробьются
Сквозь неподъёмность каменных основ.
Так жили здесь без лишних проволочек,
Влюбляясь, провожая насовсем,
Встречая вновь, сынов рожая, дочек,
И не стесняясь, что живут как все,
Что друг за другом уходили просто,
Одной дорогой — ею жизнь и мерь —
От старого до нового погоста,
Он широко раскинулся теперь...

ВИШНИ В ЭТУ ЗЕМЛЮ

В эту землю кротко отцветаю
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется как в мае.
Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.
Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдце,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.

Мир как слёзы детские правдив,
А другие разве столько значат?
Сын рождается — Родина заплачет,
Никуда ещё не проводив.

ДОМ

Подорожник как сон, изумруд лягушат,
Полусонные лодки в осоке шуршат.
Старый дом пережил и рождение, и смерть,
Он без окон, как старец, как бедный слепец.
Но лет тридцать назад, он ведь помнит, тогда
По колено была нам в болоте вода.
Словно в сказке — герои её дураки —
Покорялись как царства нам все чердаки.
Посмотри, в небо, словно ковёр-самолёт,
Колыбель улетела в последний полёт,
Или древней ладьёй уплыла по реке,
Лишь осталось кольцо от неё в потолке.
Но ни с неба, ни с берега нету вестей.
Дом наш старый давно не встречает гостей,
Он остался в том мире, где память живёт.
Я, проснувшись сегодня, услышу его
И заплачу, что нет под ногами земли,
Где подсолнухи ярче, чем солнце цвели...
Как кукушка в малине, под первой звездой,
Нас пристроила жизнь в неродное гнездо.

ЗЕМНОЕ СЧАСТЬЕ

От года нам осталась только треть.
Так осторожны мысли, словно астры.

Трава права, пришла пора желтеть,
Но в том и есть её земное счастье.
Нет, не чернее гроздь бузины
Земли тамбовской, тем сумев поранить.
Во сне я обходила пол-страны,
По августовски муча свою память.
Там сенокос. К губам прильнёт вода..
Мне жаль, что я к страде той безучастна.
Я не люблю приморского плода,
Но в том и есть моё земное счастье.
Успеть, пока звенит на ветках медь,
Прильнуть к твоей земле нечернозёмной
Должны теперь мы. И её согреть.
И в то тепло смиренно бросить зёрна.
Смотри, лампадно вздрогнула печаль,
Печаль как хлеб, разломится на части..
Вкушай тот хлеб. И колыбель качай.
Она и есть — твоё земное счастье.

ПЕРВОЦВЕТ

Динь-дилинь — и закончился день.
Отзвенела синица на ветке.
Сокровенно ладошкой задень
Поскорее уютную клетку.
Как в норе засыпает метель,
Затихая с младенческим сапом,
Так неслышно стелю я постель,
Нежно так, как вчера не смогла бы.
Засыпай, до утра, до цветов,
До птенечьего пробужденья.
Скоро мир этот будет готов

К первоцвета святому рождению!
В окнах холода, и только согрет
Первобытный и добрый конверт,
Запечатан надёжно тот край,
Но ладонью и сердцем — читай!

* * *

Какие странные круги
Творит душа в преддверье мая!
Какие за тобой круги
Идут, тебя не догоняя?..
И снова дождь, прошение «Даждь!»,
Но так ли я сама послушна?
Дождь щели, словно карандаш,
Закрашивает в наших душах.
Шаги, шаги, шаги, шаги...
Замри уже, пригни колени.
Сердца — землястые комки,
Что до посевов околели.
А может, и не боронить
Весной земли на зависть брату?
Меня здесь будут хоронить,
Его же путь потом когда-то.
Зачем круженье, если миг
И плодоноснее, и ярче,
Когда ко мне мой брат приник
И снова будто мальчик плачет?..

* * *

Я сердцем возвращаюсь без конца
В голубоглазый сад, дыша едва ли.
Цветёт сирень, как будто и не рвали

Её для сокровенного венца.
Взмывают в небо чёрточки ресниц
«Пиши стихи, кричи, испепеляйся!
Здесь, может быть, случайно завалялся
Твой оберег из девичьих тряпиц...
Вот этот угол — узнаёшь ли?»
— Ах! Сплетенье веток — тайная светлица.
И стрекоза на плечи примостится
И — скроется, как стрелка на часах...
Я помню сливы прелые, потом —
Засохших косточек на крыше россыпь.
Так узнавала я, что скоро осень
И берегла надёжнее свой дом.
Теперь я словно косточка тверда.
Лишь дай мне Бог внутри не стать бы полой.
Как смело рассыпали мы глаголы!
Как редко сомневались в них тогда!

ЛОСКУТКИ

Печка, бабушка в платочке,
Мама, тётя, я и ты.
Мы играем в лоскуточки,
Лоскуточки, лоскуты...
«Сохранила вам Алёнка,
Будьте бережней чуток».
Загадаю, чтоб зелёный —
Мне достался лоскуток.
В комнате запахло хлебом,
Дым ерошится в трубе.
Вот тряпица — словно небо,
Синий лоскуток — тебе!

Наши тряпочки-тряпицы,
Даже бархата чуть-чуть!
Как такой не поделиться?!
Как над ней не прослезиться
Нам потом когда-нибудь?
Память — как узор на ткани:
Мама, тётя, я и ты.
Да странички поминанья.
Лоскуточки, лоскуты...

МАЙ 2020

Дремлет май, окутанный болезнью,
Не несём портреты мы солдат.
Глядя в безымянные созвездья,
Липы окрылённые стоят.
Ты холмиста от родных надгробий,
Плачь навек и навсегда ликуй.
Болью отзовусь внутриутробной,
Что к тебе приехать не могу.
Ты молчишь, и слышу издали,
Через море, что лежит меж нами,
Как седые холмики земли
Воскресают вместе с именами.
Буйна кипень белая в саду,
Самолёты в синеве затихли.
По земле совсем чужой иду,
Но навстречу мне — Иван да Тихон!
Раны ваши с вами разделю,
Перевив пурпурным переплётом.
В дальнем незапамятном краю
Ищут Якова Иван да Пётр.

* * *

Узнав солёные ветра,
Высоты гор, что всё ж покорны,
Я говорю себе: «Пора
Достать запряжанные зёрна
И бросить в скудные пески,
Пусть напугают иноверцев,
Когда взойдут мои ростки,
Затронув, всё же, чьё-то сердце».
Учила, нет ли я слова,
Нарочно не запоминая?
...Лишь вздрогнет храма голова,
Сей головы не приклоняя.
Не преклоняясь! Неспроста
Ушёл наш Дед, как в сорок первом,
И позолотою с креста
Его нас освещает вера.
Пусть ваши всё ещё пути
Петляют словно в сказке плуты,
Нас есть теперь, кому вести
Сквозь все соблазны и маршруты.
Вот горсть земли и соль в горсти,
Её возьму я троеперстьем.
Меня сейчас перекрести.
А сына — вместе перекрестим.

* * *

Ты печалишься много слишком,
Это время ли для кручин?
Вон, какой подрастает мальчишка,
Невозможный красавец-сын!

Улыбаться бы чаще — скажут —
Не тебе печаль замышлять...»
...Сын сложил самолёт бумажный,
Хочет в небо его отпустить...
Не ко времени и не к месту

* * *

...Вот это всё, что ждать от января
Приходится, ещё надеясь в детство
Вернуться и набрать себе наследства
Из рваных книг и нитки янтаря.
Но этот почерневших бусин блеск
Пробьётся в мир сегодняшний навряд ли.
Зачем-то этим утром я нарядна,
А дождь, стекло царапая, залез
Ко мне в воображаемые стены,
Где фото прилепив на пластилин,
Вообразила выставку картин,
Которые, как я сама, бесценны.

* * *

В простынях, а без отдыха,
Сны не идут ко мне.
Сердце моё огородное,
Лишь не окаменей.
Хватит ли сил разделаться
С каменной зыбью той?
Вырастить сыну деревце,
С душу его высотой?
Я будто грядка выпрямлюсь,
Требуя прямоты
Да перегнойной примеси,

Чтобы росли кусты.
Верю в комочки рыхлые,
Верю в грачиный крик.
Все, кто без спроса рыкали,
В этой земле поник.
Падает клубень заживо,
Чтобы росток пустить,
Учит собою каждого
Для продолженья жить.

ПОРЯДКИ

Улицы — не улицы — порядки:
Клюев, Самодуровка, Затон...
Тут и там — дерюжки, тяпки, грядки,
Лишь порядка нет при всём при том.
Наперегонки с соседом бьёшься,
Первым упахаться — это честь.
Нет, не баба здесь я, просто лошадь,
Ни остановиться, ни присесть.
Сорняки свои расставив сети,
Вьются по картофельным кустам.
Сладок дым от сорняков от этих,
Почему ж от сора сладко нам?
А уходишь с огорода — темень —
Где ростки, где сор — не разобрать.
Не очароваться бы не теми,
Сгоряча своих не обругать.
Кто сказал, что нет теперь порядков?
Память не предаст, не убежит.
Если дым то горек мне, то сладок,
Может, упорядочена жизнь?

* * *

Подслушивать звуки спросонья —
Но в этом ли утра уют?
Как ветер в расщелинах стонет,
И кошки бездомно поют,
Как плачут жуки, как скребутся
В душе не ожившие сны,
Как стонет забытое блюдо
От трещинок давней весны...
Постыднее, памятной, горше...
Закрою глаза — не пройдёт:
Распятие с детской ладошкой...
Не детский гудит самолёт...
Надрывно кричащим плакатом,
С, казалось, забытым гудком,
Весна в девяносто девятом...
Развалы высотки с венком...
Весенние плачи планеты,
Что в разных концах и веках...
...И девочка, в платье одета,
Не в маминых бьётся руках.

ВЫЖИТЬ БЫ

Выжить бы в век безумного святотатства,
слышишь ли наши молитвы, Отец Святой?
По двору май в инвалидной коляске катится,
в детской кровати спит сиротой.
Разве не слышишь, мы всё ещё склонны к песням,
вдовьим, сиротским, копясь в земле, поём.
Ты отхлестай прутом, дубиною тресни,

Если забыли о Слове Твоём.
Не притворюсь я мученицей, не стану
волосы рвать на себе от немоготы,
с братом солдатиков на табуретке расставлю,
рукой недолюбленной сироты.
Только б обнять ещё раз тот май руками,
песней остаться у баб на слуху...
Выжить бы, пылью под сапогами,
птицей, рассыпавшейся в труху.

Александр Сергеевич Донских

Родился 27 ноября 1959 г. в селе Малая Хета Красноярского края. Детство прошло в посёлках Китой и Тайтурка Иркутской области. С 1978 по 1980 гг. служил в Хабаровске в Военно-воздушных силах в должности начальника радиорелейной станции. Там же, в 1979 г., начался его литературный путь: в качестве внештатного армейского корреспондента печатал очерки и статьи в газете Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». Позже, в качестве внештатного корреспондента сотрудничал с «Восточно-Сибирской правдой». С 2003 г. активно печатается в журналах: «Аврора», «Молодая гвардия», «Сибирь», «День и ночь», «Наш современник», «Первоцвет» (который с группой литераторов в 1998 г. и учредил), «Роман-журнал 21 век», «Дальний Восток». В 2004 г. вступил в Союз писателей России. Член Правления и Ревизионной комиссии Иркутского регионального отделения Союза писателей России. С 2012 г. входит в редакцию журнала «Сибирь». Изданные книги: «Человек с горы», рассказы, повести, 1999 г., Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство; «Родовая земля», роман, 2009 г., Иркутск, издательство «Оттиск»; «Крепка, как смерть, любовь», роман, 2011 г., Красноярск, издательство «ВВВ» при журнале «День и ночь»; «В дороге», рассказы, повести, 2012 г., Москва, издательство «ИНФРА-М»; «Солнце всегда взойдёт», повесть в новеллах, 2012 г., Москва, издательство «Digital Books».

ВИЖУ СЕРДЦЕМ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОЧЕРК

(отрывок)

Ярко, но и горестно помнился и умом и сердцем Алексея Строкина один жуткий день, поворотивший его мысли и чувства.

Однажды, в мае 53-го, в том чудесном солнцегревном мае, когда яростно набирались цвета черёмухи, а подснежники и багульники уже рассыпались своим скромным и ласковым первоцветом по земле сибирской, Алексея, в те поры секретаря райкома комсомола Иркутска, на несколько дней направили с комсомольским студенческим десантом на стройку, развернувшуюся сразу после окончания войны у реки Китой недалеко от её впадения в Ангару. Нужно было «аврально-ударно», «с огоньком», так понапутствовали их в райкоме партии, подсобить на вспомогательных работах — заливке бетона, перетаскивании бруса и досок, «и всего такого прочего».

Сама строительная площадка — соцгородок (социалистический городок) и промзона (промышленная зона), которые несколько позднее стали повсеместно известны как город Ангарск и АНХК — Ангарский нефтехимический комбинат, была огромна, грандиозна, с размахом на другой десяток километров. Алексей и его парни комсомольцы впервые здесь оказались — сидя на занозистых лавках в открытом кузове грузовика, лихо подпрыгивавшего на кочках разбитой гусеничной техникой дороги, ошалело озирались от самой Суховской.

— Фу ты, чёрт: во наворотили!

— Ну, братцы, страна даёт!..

Куда ни глянут — нескончаемо возводятся объекты: дома и цеха, мосты и виадуки, водонапорные башни и многометровые дымовыводящие трубы, тянущиеся выше и выше. Бульдозерами пробиваются в лесных чащобах и следом обустраиваются дороги, вбиваются железобетонные сваи, устанавливаются столбы, поднимаются растяжки мачты высоковольтных линий, монтируются провода и трансформаторные будки и невесть что ещё творится вокруг и всюду. Грохочет, дымит, рычит, скрипит, семафорит всяческая техника. Снуют туда-сюда, как муравьи, люди, облачённые

в роботы и кирзачи. Кумачовым ором отовсюду, чуть ли не с самого неба, величают и взывают плакаты и транспаранты:

*«Партия и народ — едины!»,
«Да здравствует великий Сталин!»,
«Рабочий, тобою гордится страна Советов!»,
«Даёшь 6-ой пятилетний план в три года!».*

А из репродукторов рвёт кондово-смолистый, густо-прехлый воздух недавно оттаявшей тайги:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...*

И дым, и пар, и свист, и крик, и лягз, а кругом в необозримости вселенской — тайга, великая, безбрежная тайга, она горами-волнами накатывается и откатывается, будто ещё может пребывать в сомнениях: отдать ли людям свои приволья и леса?

Вдали, отстранённая от всего мира и суетности людской, лучится Ангара. Сковываемая растущей дамбой (перемычкой) в Иркутске, подчиняемая там человеку, здесь она — всецело вольна, величава, привередлива, поворачивая свои воды как ей хочется, по какому-то своему умыслу тысячелетиями торя русло в неведомые далёкие земли Севера. «К Погадаевке бежит», — ласково подумалось Алексею о своём родном селе, селе детства и юности его.

Заметили сразу, потому что и невозможно было не заметить, очень высокие, безобразно вычерненные и покоробленные солнцем и непогодами заборы, увенчанные накрутками колючей проволоки, с торчащими смотровыми вышками, на которых бдят солдаты с автоматами ППШ. За заборами, с высоты кузова, проглядываются седо-серые шеренги неказистых бараков, однако встречаются и необычные строения — юрты, но нелепо огромные, щелисто дощатые.

Понятно: зоны.

Зона на зоне.

Слышал Алексей, что помимо вольнонаёмных работников на стройке трудятся и заключённые, однако никак не ожидал, что лагерей столько много. Не трудно догадаться, что здесь десятки тысяч невольников.

У одного из строений, какого-то склада, машина затормозила. Спрыгнули на землю. Размяться бы, стряхнуть пыль с себя, повынимать занозы, да из-за заборов обвалились звуки, перебивая желания и недомогания: озлобленный лай собак, рубленные командные окрики, вязкий и тяжкий топот сотен ног.

— Смотрите, смотрите, ребята: заключённых ведут!

— Где, где!?

— Тихо вы, горлопаны! — с начальственной строгостью прицкнул Алексей.

Но сам, однако, весь вытянулся, даже, будучи изрядно рослее своих подопечных, на цыпочки привстал, чтобы получше рассмотреть, как по длинному коридору из колючей проволоки конвойные с раззадоренными, науськанными собаками гнали чёрными пыльными шеренгами заключённых из жилой зоны в промышленную — на строящиеся многоэтажные дома, по периметру целого квартала обтянутые колючей проволокой. Алексей жадно всматривался в лица заключённых, впервые в жизни им увиденных, — сплошь безобразно серые, мертвенные, задеревенелые.

Эти люди представились ему какой-то однообразной жидкогрязной массой, которая перетекала из одного места в другое. И воли у этой живой консистенции нет как нет: куда подтолкнут, накренят чашу жизни — туда и течёт, переваливается всей своей тяжкой грузностью.

Алексей заметил: какой-то горбоватый, безобразно отощальный, с неестественно маленьким, представилось, что засохшим, личиком старик-арестант перед тем как со всей колонной унырнуть

внутри подвала строящегося здания замедлился на мгновение-другое, поднял голову и посмотрел, точно в последний раз, в небо.

Небо жило в нежной юношеской недоразбуженности этого раннего тёплого утра. Его искрасна подкрашенный восходящим солнцем лазоревый купол уже поднялся неведомыми, но могучими силами довольно высоко и будет раздвигаться ободом окоёма всё шире, подниматься всё выше, в какую-то беспредельность свободы и величия.

Неожиданно к этому жалкому, возможно, доживающему свои последние дни старику подскочил сопровождающий окриками и тычками колонну заключённый, видимо, бригадир, хотя и упитанный, но такой же серый, и — пинком его. Старик, с внешне шутовской подскочкой лёгкого предмета, подпрыгнул и выстелился на строительном мусоре. Казалось, что не встать ему уже, не жить, не видеть более этого чудесного, вечного неба. Однако он, как нередко случается с затравленными зверьками, переполошно подскочил на ноги и что было сил метнулся к чёрному зеву подвала. Бригадир успел ещё разок подцепить свою жертву сапогом и даже хватить кулаком по спине. Всё это он проделал в какой-то мрачной веселости, несомненно, на усладу себе и на потеху конвоирам, которые, ласково потрёпывая скулящих собак, благодушно посмеивались.

У Алексея невольно сжались кулаки.

К нему и его комсомольцам подошёл бойким шагом бравый мужчина в спецодежде, в заливхватски заломленной, захватанной кепке, с погасшей и обмусоленной на мундштуке беломориной в углу рта:

— Здорово, что ли, комсомол! Молодцы, что приехали. Нам помощники до зарезу нужны. Три дня ударно поработаете — каждому по грамоте выпишу. Ударно! Уговор? Кто у вас старшой?

— Ну... я, — мрачно отозвался Алексей.

— Я тебе не лошадь — не нукай. Чего такой кислый, командир?

— За что того старика?

— А-а, брось, не бери в голову! У эка свои законы. Потому их с собаками и под прицелом водят, что они и сами уже зверьё лютое.

— Зверьё? — возможно, судорогой повело щёку Алексея.

— А что, не зверьё, думаешь? Зверьё, зверьё, говорю тебе. Я тут с ними уже пятый годок маюсь — только из-под палки и способны работать. У нас, вольнонаёмных, жёсткий план, а они, сволочи, раз за разом срывают его. Им что: хоть работай, хоть не работай — срок один хрен отматывается назад. А у нас — государственный план. Государственный! Понимать надо, братишка. Хорошо кукситься, всякую кислую достоевщину с тухлой поповщиной мне тут разводите! Давайте-ка знакомиться: прораб Захарьин Иван Степанович. Под моим чутким руководством три этих денька-денёчка и поработаете. Пойдёмте, покажу вам бытовку, где будете отдыхать и поночёвничать. Покормим вас и-и — на стройучасток шагом арш! Ну-кась, ладошки покажите, хлопцы. Ай, розовенькие какие! Маменькины сыночки, видать, все вы. Загнать бы вас на зону на недельку-другую — людьми бы, глядишь, вышли оттуда. Испужались? Шучу, шучу! Я и сам боюсь туда угодить. Порой план трещит по швам — вот и ночами маешься, да так, что и про жёнку забываешь, а она, родная душа, под боком сопит, посапывает. Мыслишка так и свербит мозгу мою: вот-вот постучат посерёд ночи, загребут, скрутят, печёнку да почки отшибут и — хана мне. Папиросу за папиросой смолишь, всю подушку затрухаешь — жёнка утром свирепеет. Поэтому план — и наш бог, и чёрт в одном лице. Молимся, выходит, и богу, и чёрту. Ну, хорош лясы точить. Айда в бытовку, племя младое, незнакомое! Шагом арш! Эй, конвойные, собак сюда! Шучу, шучу, хлопцы! Ать-два, левой, ать-два, левой!

«Тоже мне, массовик-затейник, — притворялся сердитым Алексей, но Иван Степанович ему явно глянулся. — Сейчас, чего доброго, на кладбище приведёт нас и пляски устроит. Н-да, кому горе, кому потеха. Эх! пойми нас, человеков».

* * *

Проходили дорогой по вдоль забора жилой зоны. Обочина и кювет казались припорошенными снегом — в каких-то клочках бумаги.

— Записочки. С того света, — охотно пояснил Захарын, зачем-то расшвыривая сапогом бумажные навалы.

— Что? — не понял Алексей.

— Мимо этого забора вольный народ на работу и с работы ходит, а зэка денно и ночью записочки подбрасывает: жалобятся, сердешные, на своё житьё-бытьё, просят переслать письмо их родственникам, деньжат да харча выканючивают: перебросьте-мол, сердобольные граждане, через забор. Находятся жалостливые — чего-нибудь бросают им. Как собакам. Но узрит постовой — может и пальнуть. И не в воздух, а — безотлагательно по цели. Тут у нас порядки ещё те!

Алексей, как и ещё несколько парней, подмахнул рукой одну из бумажек, пожухлую, схожую с палым листом. Ясно, уже давно здесь лежит. Развернул:

«Здравствуй, добрый Человек! Я, Ильенко Александр Петрович, ни за что ни про что десять годов мыкаюсь по лагерям. На тюрьме гнобили меня два с лихвой годка. Выколачивали, чтоб братовъёв своих сдал с потрохами. Что-де они колхозные вредители и ненавистники колхозного строя. Не сдал. А братовья после ушли на фронт. Сложили головы за Вождя и Отечество. А меня кинули в Тайшетлаг. Гнил в болотах на торфяниках, лес валил и корчевал. Обморозился, нутря застудил смертно. Потом лазарет. А там

блатота заправляет. Бугаи месяцами отлёживаются, спирт хлещут, медсестрёнок насилуют. Однажды ночью они нас, доходяг, подвели к раскочегаринной печке. Накалили тавро в виде звезды. Сказали: если дёрнитесь — пёрышком брюхо вспорем. И — калёным железом всем нам, доходягам, на ж... по звезде выжгли. Сказали: от коммунистов вам по звезде героя Советского Союза. Я чуть не помер, а они ржут. Потом — Китайский ИТЛ, вот эта промзона. Вроде ничё: кормёжка — не баланда, да норма выработки мне уже не по силам, кровью я харкаю, спину едва-едва разгибаю. Товарищи! Невмочь уже измывательства и пытки терпеть. Особенно лютуют чечены и ингуши. Все хлебные должности скупили, собаки, нам, русским людям и другим нациям, никакого продыху не дают. Товарищи, пожалуйста, напишите нашему дорогому Вождю и Учителю товарищу Сталину. Сообщите ему о невмочной доле честного ээка».

Алексей смял бумажку, но не выбросил — в кулаке держал. «Помер вождь!» — подумал, зачем-то взглянув в сторону промзоны, где трудились заключённые.

— Чего, паря, там нацарапано? — поинтересовался Захарьин. — Плачутся, поди? Эт-т они мастера ещё те, а чтоб поработать на славу — дудки вам! А ты чего с лица-то спал? У-у, не с привычки, молод ещё! Ну, ну. А я уж, брат, тут, кажись, зачерствел в корень. Из меня жалость не вышибешь даже, пожалуй, кувалдой. А вот она и ваша бытовка. Располагайтесь, переодевайтесь в робу, потом — шагом арш в столовку и — на участок. Во-он к тому домику подойдёте. Я вам наряд на работы выпишу. Бывайте. Да выше нос: коммунизм как-никак строим! А то записочку прочитал и — скуксился.

— Да я не... я ничего... я так... — бормотал смешавшийся и густо покрасневший Алексей.

— Рассказывай мне, стреляному воробью, — хитро подмигнул Захарьин.

Но неожиданно склонившись к самому уху Алексея, жарко выдохнул:

— Да у меня, братишка, у самого нутро переворачивается, когда я читаю их чёртовые писульки. Что ж мы творим, что ж мы творим, ироды рода человеческого!

И снова — неожиданно и бодро:

— Выше, выше, ещё выше нос! Не сегодня-завтра — коммунизм, а вы тут развели, понимаешь ли, поповщину с Достоевщиной!

До поздна Алексей со своими комсомольцами на лесопильном заводе подкатывал и затягивал на транспортёрную ленту брёвна. Звенели и трубили пилорамы, раскраивая туши брёвен. Весёлым роем вылетали из станков и пуржили опилки. На выходе, на погрузочном пяточке, — солнечно-жёлтые новорожденные крепыши-бруски. В воздухе бродил молодой, терпкий дух смолы и корья. Работалось бодро, радостно, споро, с доброжелательными подначками друг другу, однако мысли Алексея переваливались в голове тяжёлыми жерновами, словно бы перетирая его ставшими нелёгкими по приезду сюда чувства. Хотелось с кем-нибудь поговорить, да с кем?

Усталые, разгорячённые, пропотелые и пропечённые щедрым солнцем, поужинали, помылись. Многие завалились в бытовке на нары и лавки. Некоторые поперебрасывались шуточками, поперекидывались в «дурака», пощёлкали по столу домино, однако вскоре отовсюду послышался сонный посвист и храп. «Умаялась моя кабинетная комсомолия», — последним расположился ко сну Алексей. Тоже утомился, тоже гудели у него кости и мышцы с непривычки к непосильному физическому труду. Когда ездил к родственникам в Погадаевку помочь по хозяйству — забыл уже, заверченный в своей, понимал с горечью, «бумажной» и «речистой» райкомовской жизни. Уснуть бы, но решительно не спалось. Ворочался, про себя считал, а то и притворно зевал, — не помогало.

Наконец, встал, слегка облачился, вышел на воздух. Ночь приветно приласкалась бархатистой прохладой, можно было подумать, что поджидала его, не давала сна, как всем. Млечный путь вольным разбросом звёзд пылливо заглянул в его глаза. Стоял под этим прекрасным небом, дышал воздухом тайги. Вроде бы для того и вышел. Однако неожиданно, по какому-то внутреннему толчку, рывку сердца — пошёл. Казалось, не по воле своей шёл, а ноги сами несли его.

Записки, как и Млечный путь, светятся здесь, на земле, дорожкой. Где-то скулят и подвывают овчарки. Где-то уставные выклики и команды:

— Рядовой Иванников пост сдал!

— Рядовой Подлузский пост принял!

— Шагом марш!

Алексей воровато огляделся, сгрёб ворох бумажек, запихнул в карман брюк. Ещё подцепил, в другой карман втиснул, чуть не разорвал его.

В бытовке не стал включать свет — в аварийном ящичке свечка нашлась.

Вынимал из кармана по одной — читал, темнея или зажига-ясь душой.

Дмитрий Анатольевич Ермаков

Родился в 1969 г. в Вологде, член Союза писателей России. Рассказы, повести, романы, очерки, статьи Дмитрия Ермакова публиковались в «Литературной газете», в газетах: «Российский писатель», «Литературная Россия», «День литературы». В журналах: «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Российская Федерация сегодня», «Русский дом», «Алтай», «Север», «Двина», «Подъём», «Дон» и др. Дмитрий Ермаков автор двенадцати сборников прозы. Отдельные его произведения переведены на эстонский, арабский, китайский языки.

Дмитрий Ермаков лауреат премии журнала «Наш современник», лауреат Всероссийского конкурса им. В. М. Шукшина «Светлые души», лауреат международной литературной премии «Югра». Лауреат первого международного православного литературного конкурса «Благословение» (2014 г.). Лауреат международной Германской премии «Лучшая книга года — 2015», финалист премии имени Фёдора Абрамова «Чистая книга» (2020), обладатель Золотого Диплома Форума славянской культуры «Золотой Витязь» (2020). Член постоянно действующего форума при Издательском Совете РПЦ «Мир Слова», член редколлегии журнала «Подъём».

Живет в Вологде.

О ПОВЕСТИ:

Повесть «Восхождение» посвящена событиям 1918 года в Кириллове, Ферапонтове и других монастырях, деревнях и сёлах местности, называемой в церковной литературе «Северная Фиваида», о событиях, которые привели к бессудной казни епископа Варсонофия (Лебедева), игумена

нии Ферапонтова монастыря Серафимы (Сулимовой), четырёх мирян: Михаила Трубникова, Николая Бурлакова, Анатолия Барашкова, Филиппа Марышева и иерея Ферапонтова монастыря Иоанна Иванова.

«Восхождение» — не документальное повествование, это попытка художественного осмысления состояния общества, попытка проникнуть в мысли и души героев, разобраться в том, что привело одних из них к греху неверия и поругания веры, а других к подвигу во имя веры.

ВОСХОЖДЕНИЕ

(отрывок)

Памяти святых новомучеников Кирилловских

*«На костях мучеников, как на крепком фундаменте,
будет воздвигнута Русь новая...»
Св. прав. Иоанн Кронштадтский*

1

Туман стремительно истаивал, открывая водную гладь. Багровая полоса ширилась над неровной линией заозёрного леса. Солнце поднималось всё выше, румяня воду, благодатно освещая весь мир...

... Будто ниоткуда явился тот ветерок. Он окреп в вершинах двух прибрежных сосен, пустил по воде рябь, разбивая отражение солнца, сосен, стены и ближней башни монастыря на мириады искрящихся осколков. Чайка, скрипуче крича, прочертила пространство над озером, окончательно разрушая утренний мир и покой.

Владыка Варсонофий, стоявший у кромки воды, развернулся, прошёл по мокрой гальке и двинулся дальше по тропе вдоль стены. Высокий, прямой, широкоплечий, он шёл и со скрипом втыкал посох в крупнозернистый песок.

... Крепки стены монастыря, могучи башни Кирилловой обители. Даже в смуту семнадцатого века, когда отрядами польских панов и воровских казаков были разграблены города и веси по всему русскому северу — Кирилло-Белозерский монастырь устоял, выдержав шесть вражеских приступов.

«Ныне же враги не в обитель — в душу народа пробрались. А когда враг в душе — можно и окопы на фронте оставить, и церковные ценности «изъять», и Царя к отречению принудить... «Если Бога нет — всё позволено», — точный диагноз Фёдор Михайлович поставил. Но Бог есть!...» — так думал и шёл, втыкая в песок свой посох, владыка. «Бог есть! И остались верные ему».

Чуть более года назад Варсонофий был рукоположен во епископа Кирилловского, стал настоятелем обители и викарием Новгородской епархии. Его рукоположение и назначение совпало ещё не с окончательным крушением, но с великим потрясением устоев российского государства и общества.

Он приехал в Кириллов из Великого Новгорода в начале января 1917 года. В это же время в городе и округе солдаты-дезертиры и пропагандисты всех мастей сбивали

народ с толку, кричали о свободе и революции... И выходило, что свобода и революция — это вседозволенность и безверие, вечный пьяный праздник да безудержный кутёж. И ведь были те (и было их немало), кто слушали их, шли за ними. И лилась рекой самогонка, дым коромыслом стоял в подпольных кабаках, до утра не смолкали «революционные» песни...

Варсонофия тогда удивило, как точно написал ему в письме старец одного из Валаамских скитов, давний его знакомец и духовный приятель отец Никодим (вскоре он преставился ко Господу): «Свершилось ныне на Руси то, о чём умные-то люди (не говорю «образованные») боялись и думать. Из какого-то адского колодца вылезла эта гидра: «режпублика»... Прощай, Самодержавие, а с ним и Русь Святая. Революцёнеры укрываются, конечно же, за народ. Добра, вишь, народу русскому желают. Потекут, мол, теперь молочные реки в кисельных берегах. Но это ложь! Ежели, будет на Руси «народное правительство», то, нет сомнения, во главе его станут люди не с русским сердцем и не с православною душой. Слишком много среди «ревнителей народных» инородцев-иноверцев. А мы, русские, как всегда, верим и сами суём шею в ярмо. О! С каким дьявольским умыслом ведутся подкопы и подкладываются мины под русскую народность и Церковь! Да ещё эта несчастная затяжная война, с исчадиями её: смертоубийством, дезертирством, предательством... Боже мой! Какая в будущем грозит нам разруха, какое предвидится смутное время!»

И ведь, как по писаному в том письме всё и идёт...

Нападения на монастырь и его разграбления можно было ожидать в любой момент. Особенно тревожно было первое время после октябрьского переворота. Впрочем, за прошедшие полгода большевики укрепили власть, появилась хотя бы видимость закона. «Если и будут грабить — так по закону», — невесело шутит монастырская братия.

В течении февраля 1918 года в Кирилловской волости да и во всём Череповецком уезде были национализированы (отняты у хозяев) фабрики, лесопилни, баржи, склады... В марте новая власть провела перепись монастырского имущества. Пришлось согласиться — это ведь ещё не изъятие. Но приходским советом постановили: более никаких переписей не допускать, выступать против любых попыток изъятия монастырского имущества без согласия церковной власти. Такие же постановления были приняты во всех ближайших приходах и монастырях — Ферапонтовом, Горицком, Нила Сорского и в других.

Здесь, в Кириллове, Варсонофий создал из прихожан «Братство православных жен и мужей» — слабая, а всё же защита. И от грабителей и от «законной» несправедливости. Слабая защита или нет — а не разграблена до сей поры обитель, служатся службы в храме, возносятся молитвы... И значит — не всё ещё потеряно, не всё...

В позапрошлую ночь звучало и отзывалось повсей Православной Вселенной: «Христос воскрес! Воистину воскрес!», и крестный ход, как святая живая река тѣк вокруг храма и верилось, что не обезводит этой «реки» никакой злой силе...

... Мечутся над Сиверским озером чайки, кричат, носят на крыльях тревогу...

Монах-привратник распахнул перед владыкой калитку. Ударил колокол. Монахи и трудники шли в храм к заутрене.

Начинался новый день 6 мая 1918 года.

2

В двадцати верстах от Кириллова — Ферапонтов Богородице-Рождественский монастырь...

... Ферапонт, сподвижник Кирилла, основал монастырь в конце 14 века. При святом Мартиниане, уже в 15 веке, достигла обитель наибольшего расцвета. Великий иконописец Дионисий с сыновьями расписал храм Рождества Богородицы. Отдалённость и бедность монастыря в последние два века, спасли его от поновлений и реставраций до того времени, когда в обитель, по воле матушки Таисии — игумении Леушинской, и по благословию отца Иоанна Кронштадского, пришли монахини, а вскоре появились и первые исследователи, рассказавшие миру о чуде, сохранившихся в далёком северном монастыре храмовых росписях Дионисия...

В этот день в Ферапонтовой обители ждали гостей.

Гости жданные да незванные — комиссия по переписи монастырского имущества... Переписи? Или же конфискации, ведь перепись уже была совсем недавно, зачем ещё раз переписывать?

О том, что комиссия собирается к ним узнали накануне — слухами земля полнится. Настоятельница монастыря Серафима перед вечерней службой обратилась за помощью к приходскому священнику Иоанну Иванову:

— Отче, нет у нас иной защиты, кроме как Господь и верные ему...

— Не переживай, матушка Серафима, — говорил рассудительно пожилой священник. — С Советом у нас договорённость: любые действия в монастыре они совершают с разрешения и в присутствии приходской комиссии. Всё по закону сделаем: мандат спросим, скажем, что в марте перепись уже была...

Он говорил твёрдо, уверенно, и Серафима успокоилась.

А, обращаясь после службы к прихожанам, отец Иоанн говорил так:

— Если услышите колокол в неурочный час — придите, не дайте обитель и сестёр в обиду...

Думалось ему, что если много людей придёт — не решатся на явное беззаконие. Но сам же себе мысленно говорил: «Так они ж законы-то и пишут. Какой надо им — такой и примут закон».

— Не дадим в обиду монахинь!

— Не дадим!

Отвечали прихожане — женщины и мужчины.

— Ну, с Богом ступайте, молитесь об обители, — отпустил паству отец Иоанн.

Игуменья стояла рядом, но ей ничего не сказал больше священник. Хотя теперь, после этого разговора с людьми, он ещё меньше был уверен, что нужно в случае чего собирать народ. «Но с другой стороны, — рассуждал сам с собой, — и отказать прихожанам в праве на защиту тоже нельзя. Пусть люди скажут своё слово, если будет нужно, главное же — удержать их от насилия».

Так для себя решил отец Иоанн, пока шёл из монастыря домой. А домик, где живёт он, вдовец, с младшей дочерью, тут же, вблизи стен древней обители, за речкой, соединяющей два озерца, между которыми и стоит монастырь.

Но на душе всё было беспокойно и он, уже дома, долго молился перед иконой Спасителя. И тихонько молилась в своём закутке его дочь Евгения.

В монастыре закончилась вечерняя трапеза.

— Простите меня окаянную, — с поклоном сказала Серафима, выходя из трапезной. Каждый вечер так прощалась она с сёстрами. В келье стала молиться. И встал перед внутренним взором отец Иоанн Кронштадтский... И уже будто не в ферапонтовской келье она, а в храме подворья Леушинского монастыря в Петрограде на Бассейной. Отслужена обедня, все ждут проповедь. Отец Иоанн вышел из алтаря и, воздев руки, воскликнул: «Кайтесь! Кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!...» Он уже кричал, и ужас охватывал душу, и невольно думалось, что же это будет скоро: война, мор, природная катастрофа?.. Монахини рыдали и становились на колени. А отец Иоанн, будто в изнеможении, опустил руки, и слёзы блестели в его бороде. И тут старица Феодора подошла к нему и спросила: «Когда же, батюшка, это время будет?» И он ответил: «Мы с тобой, матушка, не доживём, а вот они, — он кивнул на монахинь, кажется, именно на неё, Серафиму, кивнул, — они доживут». И Серафима как бы одновременно слышит и «они», и «она».

«Неужели же дожили? Дожила?.. Прости, Господи, меня грешницу оканную... Святые отцы Ферапонт и Мартириан, молитесь Бога о нас грешных. Научите меня неразумную, что делать, как защитить обитель. Не оставьте молитвою своею, управьте мною, святые отцы», — молилась игуменья небесным покровителям обители.

В тот день и вечер никакая комиссия так и не приехала...

И на следующий день уже верилось Серафиме, что не будет комиссии — утром не приехали, и днём, уже и вечерняя служба заканчивалась...

Но, ударил колокол. Выполняя наказ Серафимы, звонила сестра Ульяна, увидев ехавшую через мост к монастырским воротам коляску.

Коляска встала у ворот, трое выпрыгнули из неё. Тот, что был за возницу, привязал, не выпрягая, лошадь к коновязи, и все трое шагнули к воротам. Матушка Серафима почти бежала из храма, махнула Ульяне, успела выйти за ворота и встретила гостей снаружи...

В храме продолжалась служба, но многие прихожане вышли вслед за настоятельницей, кто-то, услышав неурочный колокол, шёл торопливо и из посада...

— Гражданка С-Сулимова?

Серафима, молча, кивнула.

Спрашивал высокий, вислоусый, в кожаной фуражке, кожаной же куртке, в военных галифе и в до блеска начищенных сапогах. Рядом с ним стоял коренастый, с круглой и бугристой, как картофелина, головой, с обширной лысиной, в перешитом из шинели пальто, в городских брюках и ботинках. Третий, тот, что управлялся с лошадью — в деревенском картузе, в гимнастёрке под чёрным пиджаком, в галифе и сапогах, самый молодой из них, улыбчивый.

— Мы п-приехали, чтобы п-произвести учёт и опись монастырского имущества, — продолжил вислоусый.

— Опись у нас делали в марте, — ответила не дрогнувшим голосом Серафима, продолжая перебирать в левой руке чётки.

Коренастый, стоявший за спиной старшего, оглядывался по сторонам и хмурился, то ли от того, что видел, как собираются вокруг монахини и миряне, то ли ещё от чего. Молодой же в это время свернул и прикурил самокрутку, и, наоборот, улыбался чему-то, пуская струйкой дым...

И кто-то (мужской голос) громко сказал: «Ишь, лыбится...»

— Есть п-постановление с-совета и исполкома. Вот м-мандат. М-моя фамилия П-поляков. Со мной товарищи Шульц и Петряков.

— А по имени-отчеству? — спросила настоятельница, не взглянув в казённую бумагу.

— Семён Иванович, — ответил Поляков, от растерянности, что ли, даже не заикнувшийся. Но тут же добавил: — Можно просто — т-товарищ Поляков.

— Хорошо, Семён Иванович, — ответила Серафима, — но сегодня уже поздно. Для вас готова комната, вы и ваши товарищи можете переночевать там, ужин вам принесут, а утром и начнёте.

— Добро, — кивнул Поляков.

— Пропустите, — твёрдо сказала настоятельница, монахини и народ расступились, и тяжёлые монастырские ворота, под двумя остrokонечными башенками (которые

очень любят рисовать и фотографировать заезжие столичные фотографы и реставраторы) распахнулись.

— В келью что ли? — хихикал молодой, отвязывая лошадь и ведя её во двор.

— Папироску-то брось! — опять, уже в полный голос, сказал кто-то из толпы.

— Василий, брось! — строго сказал коренастый Шульц.

Но и во дворе уже собралась толпа, тех, кто вышли с вечерней службы.

«Кто такие?», «Чего надо?» — слышались вопросы.

— Г-граждане, дайте пройти, мы уп-полномочены советом! — громко сказал Поляков, правясь за монахиней, ведущей их в гостевой дом. За ним угрюмый Шульц и Василий, ведущий под уздцы лошадь, запряженную в коляску.

— Мы уполномочены! — повторил Поляков.

— Дьяволом вы уполномочены!

— Не дадим сестёр в обиду!

— Была уже опись!

Толпа из весьма сурового вида мужчин и решительно настроенных женщин — прихожан монастырского храма, смыкалась вокруг них.

— Братья и сёстры! — подала голос Серафима. (Сейчас она поняла, какую ошибку совершила вчера, обратившись за помощью к отцу Иоанну и прихожанам. «Но где же отец Иоанн! Только он теперь остановит...»). — Православные, не делайте вреда этим людям. Они гости обители...

— Шапку-тоними в монастыре, нехристь! — не скрываясь, сказал Полякову густобородый широкоплечий мужик в пиджаке и поддёвке, стоявший в первом ряду.

Поляков невольно потянулся к кожаной фуражке с красной звёздочкой над козырьком, но лишь поправил её на голове. Его движение в точности повторил правой рукой Васька Петряков, в левой — повод. Шульц был без головного убора, он уже давно держал руку в правом кармане пальто-шинели...

— Вон из обители! — визгливо крикнула баба, только что вышедшая из храма. За ней шёл отец Иоанн, подвинув плечом бабу, он поспешил к толпе...

... Первый камень ударил Ваську в спину.

Молодой мужик или парень выскочил и рывком выдернул руку Шульца из кармана и хлопнул по поле пальто:

— Покажь-ка, чего там у тебя?

— Ничего, — скривил губу Шульц и оттолкнул парня, за что сразу же и получил ответный удар в ухо, вполне мужицкий. Шульц за ухо схватился, присел...

В Полякова даже через голову настоятельница кто-то кинул ком земли... И тут он по-армейски скомандовал своим подчинённым:

— Отходим!

Васька стал пытаться развернуть лошадь и коляску. А его уже колотили в несколько рук.

— Да брось ты... — Шульц схватил его за рукав и потащил за ворота. Но и там их уже ждала толпа...

И тут к воротам протолкался священник:

— Остановитесь, пропустите их, они уходят! — громко сказал, выставив перед собой руки, будто пытаясь отжать толпу.

Люди расступились.

Поляков тут и успел сказать отцу Иоанну:

— Ну, здравствуй, б-батюшка. В-вот и в-встретились... Ещё п-поговорим...

— Здравствуй, Семён. Поговорим, конечно. Жаль, что так встретились...

— Ничего... — Поляков решительно, играя желваками, шёл через враждебную толпу, рядом Шульц и Васька. Кто-то развернул лошадь с коляской, и она пошла вслед уполномоченными. Васька подхватил вожжи, остановил... И тут из-за узенькой речки, откуда-то из-за ближних домов, может из чьего-то палисада, грохнул выстрел. Поляков и Шульц мигом уселись, Васька вспрыгнул на козлы, и коляска — лакированная, на ошиненных резиной колёсах (реквизированная у кого-то из кирилловских «буржуев»), резво покатила от ворот к мосту.

Это был именно выстрел. Из винтовки или обреза. Стреляли, конечно же, в воздух. Но именно этот выстрел впоследствии дал возможность говорить о вооружённом нападении на представителей советской власти.

Коляска неслась под горку к мосту через речку, всё ускоряясь, быстрее и быстрее...

— Василий, держи! — Шульц крикнул.

— На мост правь! — Поляков закричал.

— Прыгайте! — в отчаянии завопил Васька. Он изо всех сил натягивал вожжи, но лошадь не останавливалась.

Поляков и Шульц не прыгнули (куда там — шею свернётся!), а тоже повисли на вожжах, и лошадь стала замедляться. Коляска едва-едва попала всеми колёсами на мост. На спуске с моста лошадь снова дёрнулась, но её уже надёжно держали.

На ровной дороге, когда уже успокоилась и лошадь и седоки, поняли, в чём дело: лошадь и коляска были реквизированы у разных хозяев, и длинна оглобель была сделана под другую лошадь. При запряжке Васька Петряков на это внимания не обратил. Пока ехали по ровной дороге и в гору — всё было нормально. А вот когда лошадь побежала от монастырских ворот под горку, она стала бить задними копытами о передок коляски и, думая, что её подгоняют, ускоряться, тем самым ещё сильнее подгоняя себя...

— Кто ж так запрягает-то! — сурово сказал Шульц.

Васька молча курил и делал вид, что никого не слышит.

— Н-ну и дрянь же у т-тебя т-табак! — сказал Семён Поляков, отгоняя рукой вонючий дым, и сплюнул в сторону.

Отец Иоанн вернулся домой (небольшой домик вблизи монастыря в ряду таких же деревянных, с палисадами и огородами домов). Евгения шла из церкви позади

него, не подходила, видя, что он расстроен, дома сразу принялась собирать ужин, поставила самовар...

Полякова отец Иоанн знал давно. Стой поры, когда ещё молодым священником приехал сюда, в Ферапонтово, и помимо службы в храме вёл Закон Божий в народном училище. Сёмка Поляков парнишка был подвижный, сообразительный, но в Законе Божьем не преуспевал. «Ты уж, батюшка, поставь ему, хоть удовлетворительную-то, чтоб на второй-то год не оставили да бумагу-ти дали», — униженно просил отец Сёмки — Иван Поляков, крестьянин небогатый и многодетный, изо всех сил старавшийся дать образование старшему сыну. Он пришёл в дом котцу Иоанну, просил и всё совал узелок, в котором угадывались яйца и ещё что-то съестное. «Это отнеси на канон в храм, мне не надо, — отвечал священник, — а с сыном поговори серьёзно, что ж он позорит тебя...» «Выпорю! Батюшка, выпорю, всю ету бестолочь из него выбью!» «Ну, ты полегче — а то, как бы наоборот не вышло: ум-то выбьешь, а бестолочь останется, — попытался смягчить, перевести всё в шутку отец Иоанн. — Парень-то он не плохой, сообразительный...» Так тогда поговорили, и, пожалев отца, поставил он Сёмке «удовлетворительно». Но чувствовал, что Семён невзлюбил его, именно за это — за то, что пожалел, что отец просил. Зло смотрел на него парень, хоть и не говорил ничего. А сразу после училища ушёл, говорили, что на заработки, сначала в Кириллов, потом уж и в Питер. А потом началась война. И уже с фронта стали приходиться от Семёна

домой нечастые письма. Вдруг весной семнадцатого Семён Поляков появился в ФерAPONTOBE. С красным бантом на серой шинели выхаживал и не скрывал, что с фронта дезертировал. (Хотя на самом деле было не совсем так, дезертировал он, всё-таки, из госпиталя, в который попал с сильной контузией, после которой и стал заикаться). Ещё с десятков таких же вокруг него сбились. Шлялись по округе, народ баламутили. Раз во время воскресной ярмарки митинг затеяли. Семён на телегу вспрыгнул, кулаком машет: «Свобода, равенство...» Куда и заикание его пропало! Тогда и сказал отец Иоанн, возвращавшийся со службы в монастырском храме: «Не вам бы о свободе говорить. За свободу России сейчас на фронте сражаются, а вы тут...» Может и крепко бы досталось тогда отцу Иоанну, да вступились за него крестьяне-прихожане, не дали дезертирам в обиду.

— Ну, мы с тобой ещё встретимся, ещё спляшешь мне краковяк в п-присядку! — пообещал тогда Поляков.

Потом он исчез, Временное правительство взялось за дезертиров — ловили и отправляли на фронт.

И вот Семён Поляков снова объявился — в кожаной тужурке и с мандатом. И теперь уж точно не простит... «Будь, что будет... Но плясать под их дудку — не буду... В Твои руки предаю, Господи, душу свою. Да свершится Твоя святая воля...» — шептал отец Иоанн.

— Папа, иди ужинать, — позвала дочь и прервала его мысли и молитву.

— Спасибо, Женя...

... Постучав в дверь, в келью вошла схимонахиня Ферапонта, родная старшая сестра Серафимы. У Ферапонты всегда строго сдвинуты брови, твёрдая походка и уверенные движения, она не знает сомнений. И не терпит сомнений в других. Её даже тайком называют «старшая настоятельница» — от её догляда не укроется лень ни в молитве, ни в труде... И Серафима тоже побаивается её строгости. Впрочем, так было и в детстве, до монашества, в Устюжне, в родном доме, где на первом этаже была их семейная торговая лавка, а на втором жила семья. Серафима тогда была Лизой, а Ферапонта (до схимы Нина) была Натальей. И был ещё брат Женя, тоже ставший монахом... Старшая сестра всегда присматривала за младшей, строжила. Но бывали и мгновения сестринской любви...

Ферапонта молча подошла к сидевшей у стола Серафиме, и вдруг прижала её голову к себе, зашептала: «Крепись, сестра, пришло наше время до конца стоять... Для того и пришли мы сюда... Это наш путь...»

Вспомнилось, как пришли сюда, в давно заброшенный монастырь, из Леушинской обители... Серафима не в первую очередь переехала из Леушина в Ферапонтов. Он давно уже пустовал, стех пор как в 1798 году был упразднён мужской монастырь. В начале 1904 года по благословию матушки Таисьи в Ферапонтово уехали первые

двадцать сестёр. Настоятельница тогда ещё не была назначена. В 1905 году для исполнения должности настоятельницы туда и была направлена она, Серафима, бывшая до того казначеей Леушинской обители. 2 июля 1906 года она была возведена в сан игуменьи.

Ох, и тяжело же было первым насельницам — не было ни одного пригодного для жизни помещения. Но сёстры мужественно переносили тяготы и неустройство, возрождая древнюю обитель. Сами возили камни, таскали кирпичи на строительство первого жилого дома. Вывезли за стены монастыря десятки возов мусора, разработали огород, насадили яблони, завели пчёл... А главное, в стенах обители основанной святым Ферапонтом зазвучали молитвы, возобновилась церковная жизнь. Вновь свершались чудеса исцеления у места упокоения Мартинаиана Белоозерского в храме его имени. Будто бы обновились и древние фрески работы Дионисия в соборе Рождества Богородицы. Вскоре появились и учёные люди, объяснившие древность и ценность чудом сохранившихся фресок.

Когда открылась обитель, в неё потянулись местные жители. Уже в 1905 году в монастырь поступили двадцать пять девушек из Ферапонтовской слободы и окрестных деревень: Щёлкова, Яршева, Лещёва, Глебовской...

К 1917 году, когда усилились и стали явными нестроения в государстве, обитель была в полном расцвете. Она имела налаженное хозяйство, были выстроены три больших двухэтажных келейных корпуса, гостиница с чайной.

Монастырь на свои средства построил и содержал школу. Налажено было ежедневное богослужение двумя священниками, составлен хороший хор...

В начале несчастливого 1918 года внезапно умер первый священник протоиерей Василий Подобедов, а второй священник отец Иоанн Иванов — дай Бог, чтобы теперь не пострадал...

... И две сестры, две монахини, опустились на колени перед иконами...

Александр Борисович Жданов

Поэт, прозаик, художник, искусствовед.

Член Союза российских писателей

и Творческого союза художников России

Родился в Баку. По окончании средней школы работал, служил в Армии. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Работал преподавателем русского языка и литературы. В 1989 переехал в Калининградскую область. Здесь прошёл все этапы газетной работы: корреспондент, заведующий отделом, ответственный секретарь, главный редактор районной газеты. Параллельно преподавал в художественной школе. На этой стезе написал три учебных пособия по истории изобразительного искусства (изданы для школ искусств в ГБУ «Образовательно-методический Центр» Министерства культуры Калининградской области).

В 2018 получил вторую специальность «Искусствовед».

Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», «Нева», «Берега», «Сибирские огни», «Великороссь», «Метаморфозы», «Литературная Армения» «День и ночь», «Новый свет» (Канада), в интернет-журналах «Твоя глава», «Бюро Постышева». Автор трёх сборников стихов, четырёх книг прозы, романа «И взойшла звезда полярный» (электронная публикация изд. «Эксмо»), альбома живописи и графики.

Призёр и лауреат Международных ряда литературных конкурсов.

ВСАДНИК, ИМЕЮЩИЙ МЕРУ

(отрывок)

1

Евдокимов спешил. А тут эта старая цыганка — подняла на него, торопливо проходившего мимо, взгляд и сказала:

— Не надо тебе ходить за мост.

Сказала спокойно, словно продолжала прерванный разговор. А, сказав, откинулась на спинку скамейки, закурила. Евдокимов опешил.

Ему бы пройти мимо, будто и не произошло ничего, а он остановился и промямлил:

— Да не собираюсь я. У меня и визы-то нет.

И тут же сжался внутренне, решив, что цыганка сейчас ухватится за эту его якобы готовность к общению, разговорит и, чего доброго, облапошит.

Цыганка сидела на скамейке спиной к библиотеке и лицом к тому самому мосту через Неман. Здесь, на берегу, обрывался теперь российский город, который благодаря встрече двух императоров в 1807 году попал в историю, а на противоположном берегу сразу начинался литовский поселок. Мост связал два государства. Потому-то и сказал Евдокимов о визе. А цыганка кивнула одобрительно:

— Вот и хорошо. И не спеши.

Затянулась и прикрыла глаза.

А Евдокимов все же спешил: шел с покупкой — с чернилами.

С недавнего времени Евдокимов отказался от шариковых ручек и стал писать чернилами. Как когда-то в школе. К этому он решил вернуться, когда однажды, копаясь в глубинах своего стола, обнаружил старую авторучку с золотым пером. Авторучку он промыл теплой водой, аккуратно протер и побежал по канцелярским магазинам за чернилами. В магазинах чернил не было. Некоторые молоденькие продавщицы даже понять не могли, о чем речь. А он с досадой вынимал ручку из кармана, снимал колпачок, раскручивал, показывал, объяснял. Продавщицы виновато улыбались и пожимали плечами. Нашлись чернила лишь в двух магазинчиках

на окраине города — по бутылочке в каждом. Он купил обе. Чернила оказались старыми и потому бледными.

Евдокимов спешил на чердак, в мансарду — к себе в каморку. Втайне от семьи снимал он эту комнатку в глубине старой части города. Комнатка под черепичной крышей вызывала одновременно радостное беспокойство и умиротворение. Он скрывался здесь от родных, потому что сочинял. Дома ему все мешали, дома подтрунивали над его внезапно проснувшейся страстью. А он написал несколько рассказов, разместил их в социальных сетях — пришли одобрительные отзывы. Тогда решился на книжку, на электронное издание. Книжка появилась в интернет-магазинах, и вновь приходили доброжелательные, хоть и редкие отзывы, но дохода книжка не приносила. Вот и посмеивались домашние. Он же замахнулся на повесть, и ему нужно было полное уединение.

Комнатка досталась ему, если разобраться, чудная. С двумя окнами: одно в торцовой стене, а другое — мансардное, в самом скате крыши. Под этим окном прежние хозяева квартиры соорудили что-то вроде невысокого подиума или балкончика с оградкой. На балкончике он уместил письменный стол, а на него водрузил лампу — тяжелую, мраморную, с орлом у подножья. Хозяева ее оставили, а тем, видно, тоже перешла с давних довоенных лет. Только абажура не было — торчала одна лампочка. Тогда он ринулся на барахолку и отыскал ведь похожую лампу! Правда, металлическую, грубо покрашенную под бронзу. Но на ней был стеклянный зеленый абажур. Он-то и перекочевал на ту самую мраморную. Впрочем, лампа была не единственным старым предметом в комнате. Евдокимову очень нравилась этажерка — ротанговая, с изогнутыми ножками. В детстве Евдокимов видел похожую у бабушки, когда приезжал к ней на каникулы. Этажерке Евдокимов был рад

особенно и сразу уставил ее книгами. Зеленая лампа и этажерка вызвали литературные и исторические размышления. Однако писать получалось не всегда.

Не писалось и сейчас. С досады Евдокимов во всех своих бедах винил цыганку. Мол, не может он после ее предостережения ни о чем другом думать. Наконец после раздумий написал: «Однобокая, как гнутый пятак, луна выплыла из-за кирхи, боком стоявшей к проспекту». И тут же, усмехнувшись, зачеркнул строку. «Гнутый пятак» — где они сейчас, такие крупные пятаки? Мелочь одна во всех смыслах. А ведь еще лет тридцать назад получился бы неплохой, зримый образ. Многое изменилось в жизни. Вот и Неман стал границей. Права старая цыганка — нечего туда ходить. Евдокимов чуть ли не физически ощущал преграду, словно отсекала река его, арестовывала.

Писать не получалось, мысли скакали где-то далеко. Дальше фразы об однобокой луне дело не шло. Он чертил на бумаге стрелки и черточки, а потом вывел первое, что пришло в голову: «Sator Arepo tenet opera rotas». Палиндром, который помнил со студенческих лет. Перечитал его несколько раз слева направо и справа налево. Потом записал фразу иначе — каждое слово с новой строки:

SATOR

AREPO

TENET

OPERA

ROTAS

Теперь фраза читалась одинаково не только в двух направлениях, но и сверху вниз и снизу вверх. А потом подумал и расчертил по линейке часть листа на квадратики и записал фразу вот так:

S	A	T	O	R
A	R	E	P	O
T	E	N	E	T
O	P	E	R	A
R	O	T	A	S

Подумал, что в средние века в квадратном этом палиндроме наверняка усматривали что-то мистическое, возможно, и ужас он вселял в людей. А какой-нибудь чернокнижник мог, наверное, включать его в свои заклинания. Хотя смысла его был безобидным: «Сеятель Арепо сдерживает свою повозку (колесо)». «Сдерживает свою повозку»... То есть сдерживает от работы, не дает разойтись. Ему тоже нередко приходилось сдерживать слова, когда они торопливо толпились, наталкивались одно на другое. Тогда надо было властно остановить их бег, заставить каждое слово встать на свое место. И это было самым увлекательным в его работе. Но сейчас бега не было. Он снова обратился к начерченному на листе квадрату, снова перечитал фразу по всем направлениям, пририсовал к каждому маленькому квадратику по периметру дуги — работа не двигалась.

За узким окошком становилось темнее. Он включил лампу. Свет падал на лист бумаги на столе, где орел отбрасывал зловещую тень. Падал свет и на пол, образуя светлый полукруг. Он то и дело бросал туда взгляд. На улице совсем стемнело, от внезапно сгустившегося тумана ночь казалась серой. Вместе с туманом сгущалась головная боль.

Что-то еще, помимо головной боли, мешало ему сосредоточиться, словно смотрел кто на него со стороны. Несколько раз он оборачивался, взглядывал через плечо, но ничего не находил. Тогда он решил подсветить, передвинул лампу к краю стола и заметил то, на что до сих пор не обращал внимания, — из стены слегка

выдавался уголок кирпича. Штукатурка в этом месте недавно обвалилась, обнажилась кладка, и сейчас один кирпич явно выпирал.

Он подошёл к стене, провел пальцами по кирпичам — выступ и впрямь выпирал. Евдокимов вернулся к столу, взял разрезальный ножик (любил он изящные старинные, в наше время совсем не нужные вещицы!), затем рукояткой ножа постучал по кирпичу — стена за ним отозвалась гулкой пустотой. «Это что же — тайник?», — подумал он и хотел уже попытаться выковырять этот кирпич, заглянуть внутрь, но в это время звякнул дверной колокольчик, потом еще раз. И еще. Гостей он не ждал, открывать никому не хотелось, но он обернулся к двери, подумав одновременно, что никакого висячего колокольчика у него нет и откуда быть звону. И тут увидел стоявшего в дверях человека в плаще.

— У вас не заперто. Я пытался позвонить, но электрический звонок, похоже, не работает. Я и вошел.

В руках у ночного посетителя был холщовый пакет, в котором позвякивали бутылки. Евдокимов так и стоял спиной к тайнику в стене. Стоял и молчал. А гость продолжал:

— Туман сгущается невероятно, в трех шагах ничего не видно. Вы позволите мне переждать у вас недолго?

Не дожидаясь ответа, гость снял плащ, стряхнул успешную осесть на него влагу, повесил на стоящую в углу вешалку и, припадая на одну ногу, прошел в комнатку, где продолжал:

— Прескверная погода. Авто гудят, шофёры ничего не видят.

Не сразу осознал Евдокимов, что гость его говорит странно, старомодно — так говорили лет сто назад. И он сам, перенимая против своей воли манеру гостя, пробормотал:

— Не извольте беспокоиться, проходите, располагайтесь.

Но гость уже сам уселся на диванчике, выставив вперед ногу. Потом тяжело встал, подошел к столу и нежно, как старого знакомого, погладил мраморного орла. Эта бесцеремонность злила Евдокимова, захотелось выставить гостя, но он сказал лишь:

— Вы так себя ведете, будто хорошо все знаете здесь.

— Так это моя каморка. Я снимал её. Вот и лампа та же, и этажерка. Только кресла не вижу. Здесь я рассказ писал, прятал рукопись в тайнике. Виноват — не представился: поручик 270 пехотного Гатчинского полка Иван Николаевич Поляков.

2

Подходя к драгунским казармам на Банхофштрассе, поручик Поляков с раздражением посмотрел на две низкорослые колонны у входа. Их венчали нелепые капители, которые и вызывали раздражение: выбивались они из общего строгого с претензией на готику стиля здания — внушительного сооружения из красного кирпича с восемью мишуклями на фасаде под крышей. Прежде здесь располагался немецкий Драгунский принца Альбрехта Прусского полк, теперь вот разместились русские.

Поручик ловко взбежал по лестнице, намереваясь быстро прошмыгнуть в комнату, которую он занимал вдвоем с молчуном поручиком Игнатовым. Но тут его окликнули:

— Никак, Поляков, опять у своей немочки были? И, наверное, опять наперебой стихи читали! Кого на этот раз — Новалиса? Шиллера? Давайте-ка лучше на бильярде сыграем!

— С вами, Иноземцев, играть невозможно: либо кий сломаете, либо снова сукно прорвете, — сдерживая досаду, сказал Поляков.

И был прав: штабс-капитан Иноземцев бильярд любил страстно, но страстность эта мешала. Из-за нее он не мог в доста-

точной мере достичь мастерства, горячился, терял контроль над игрой. Накануне он так увлекся, что сильно ковырнул кием и пропорол сукно на столе. Как новичок. Поляков хотел было пройти мимо, но Иноземцев не отставал:

— А как вы разговариваете с вашей немочкой? По-немецки? Откуда у вас такое хорошее знание языка?

— Ни для кого не секрет, что бабка моя по материнской линии — немка. Анна Ивановна, урожденная фон Кнабе. Да и в гимназии были хорошие учителя, — Поляков говорил подчеркнуто сухо и серьезно, не принимая фривольный тон Иноземцева. Он коротко поклонился и сказал:

— С вашего позволения, господин штабс-капитан, я пойду. Мне надо отдохнуть. Сегодня заступаю в караул.

В караул Поляков не заступал, но надо было как-то избавиться от штабс-капитана. В комнате поручик лег на койку, не снимая сапог, свесив ноги. Он заложил руки за голову и подумал, что Иноземцев прав: его частые отлучки становятся заметными, и всем ясно, что он проводит время не в кафе, как другие офицеры, а в обществе Марты Вагнер, дочери доктора местного госпиталя. Как ни крути, а враги...

Обычно они с Мартой виделись в кирхе. В ней — единственной в городе — мог отправлять службу для русских солдат и офицеров их полковой священник, хотя прихожанами кирхи были немцы и живущие в Тильзите литовцы-лютеране. Кирха и до этого удивляла Полякова необычной полукруглой формой, но недавно удивили и слова Марты:

— А вы знаете, что это русская императрица дала деньги, и строительство смогли быстро завершить?

Три дня, всего три дня был знаком поручик с этой немецкой девушкой, а казалось, что они знают друг друга вечность. И это чувствовал не только Поляков. Марте тоже было легко с этим учтивым

русским. Но сегодня — ошибался штабс-капитан — они не виделись, сегодня переплелось слишком много других событий

Еще накануне поручик стоял у моста через Неман. Немцы называли реку Мемелем, и название это не нравилось Полякову: было в нем что-то невнятное, мямлящее. Зато мост с уходящими на другой берег полукруглыми фермами и изящной аркой радовал. И картуш с профилем королевы Луизы, чье имя носил мост, тоже нравился. Как-никак королева — бабка блаженной памяти русского императора. Стало быть, с родственниками воюем, горько подумал поручик, вспомнив о троюродном брате Иоганне, сыне дяди Ульриха, который жил в Кенигсберге. Наверняка Иоганн сейчас тоже воюет — с другой стороны.

На площади Поляков с интересом рассматривал выросшую на берегу кирху, ее лежащую на восьми шарах и уходящую в небо башню. Барочный купол башни перекликался с башенками арки моста, и уходила вдаль переключка, в перспективу улицы. Там дальше был шпиль городской ратуши, а еще дальше — крест Реформатской кирхи. Изломанная линия прочерчивалась по воздуху.

«Философы эти немцы, — думал Поляков. — Вот стоит эта Реформатская кирха у кладбища, рядом, на спуске к реке — бойня, а напротив кирхи и кладбища — театр. То, что рядом кладбище и бойня, не удивляет: когда-то здесь была окраина, проходила граница города, но поставить напротив театр?! Философы».

От шпиля ратуши шла и другая воздушная линия, к другому шпилю — той самой Литовской церкви, где они встречались с Мартой.

— Знаете, что и ратушу, и церковь проектировал один зодчий — Карл Людвиг Бергиус? — говорила Марта. Она была девушкой любознательной и начитанной.

Три дня были знакомы они с Мартой. Да и в Тильзит русские вошли совсем недавно. Вошли спокойно и бескровно. Утром

на улицах города показался конный патруль русских. А потом разъезд из пятидесяти всадников увидел немецкий офицер и поспешил к дому обер-бургомистра Поля. Полю доложили — и он появился в дверях очень быстро, успев вызвать через телефон бургомистра Роде. Градоначальники поспешили навстречу вошедшему отряду. Так и стояли оба, пешие, пред русскими конными. Уставленные вверх пики всадников покачивались в такт переступавшим лошадям. Пауза затянулась.

Наконец старший из них спешился, подошел к Полю и представился:

— Поручик Кавалергардского императрицы Марии Федоровны полка флигель-адъютант князь Константин Багратион-Мухранский.

Князь был строен, подтянут, кровь предков в нем выдавали лишь крупные глаза и слегка изогнутый нос. Поручик говорил по-французски, немецкий градоначальник чуть замешкался, но тут из небольшой толпы горожан, уже собравшейся к этому времени вышла дама и сказала, что может взять на себя роль переводчицы. И князь, и Поль одновременно, как по команде повернулись к ней и благодарно поклонились. Впрочем, речь командира разъезда была краткой. Он объявил, что русские войска разместятся в городе, и потребовал обеспечить их продовольствием и фуражом. Потом, несколько смущаясь, попросил сто плиток шоколада и даже протянул обер-бургомистру сто марок. Поль еле заметно улыбнулся, денег не взял и распорядился, чтобы шоколад предоставили.

В тот же день генерал Ренненкампф доносил в штаб фронта: «25 августа вечером в Тильзит вошла пограничная стража, мосты целы, захвачены телеграфные, телефонные аппараты, корреспонденция. Приказал пограничникам охранять мосты до прихода полка 53 дивизии».

Оккупационные власти позволили сельскому населению въезжать в Тильзит и выезжать из него, а в самом городе работали рестораны, кафе, торговали в магазинах и на базаре. Был несколько смягчен первоначально жесткий запрет на передвижение горожан по реке. С улыбкой смотрел Поляков, как деловито спешили на уроки немецкие ребятишки: учебный год начался, и школы были открыты.

Светлана Олеговна Захарченко

Родилась в Челябинске. Училась в Витебском технологическом институте легкой промышленности, занималась в Витебском литературном объединении при Союзе писателей. Первое стихотворение опубликовано в белорусской прессе, в газете «Витебский рабочий» в 1983 году.

Переехала в Петрозаводск на родину мамы. С 1984 по 1990-е гг. занималась в литературном объединении при Союзе писателей России. В июле 1987 года участвовала в работе всесоюзного совещания молодых поэтов, проходившего в Алма-Ате. В 1994 году поступила в Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ) на филологический факультет. В 2006 году стала стипендиаткой поэтической премии им. Роберта Рождественского Правительства Республики Карелия. В 2005 году защитила диссертацию на тему «Поэтическая универсалия в творчестве Сергея Орлова». С 2006 г. кандидат филологических наук. В настоящее время — доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

Член Союза российских писателей с 2006 г. Автор шести поэтических книг «Птица Света» (2005), «Образ времени» (2006), «Разговор наедине» (2006), «Уединение» (2008), «Псалом на снегу» (2009), «Подрамник слова» (2020), исторической книги «Обитель Божия под ангельским крылом» (2007), книг повестей и рассказов для подростков «Забывтый день рождения» (2014) и «Замкадьё по-заонежски» (2019).

ЗАМКАДЬЕ ПО-ЗАОНЕЖСКИ

(отрывок)

Сборник рассказов «Замкадье по-Заонежски» состоит из четырех частей. В первой части повествуется о событиях, произошедших в досюльное время. Во вторую входят истории о современном Заонежье. В третьей части собраны миниатюры, в которых описываются случаи, связанные с заонежской деревней Кондобережская. Четвёртая часть переносит читателя в городскую среду.

Рассказы основаны на реальных фактах и архивных документах XIX века.

В книге впервые публикуются материалы из семейного архива.

I

ДОСЮЛЬНОЕ

Прабабушкин кокошник

*Памяти прабабушки Александры
и прадеда Григория Лукиных*

У моей бабули Анны Григорьевны долгое время хранился досюльный заонежский свадебный головной убор, сделанный из конского волоса, на который нанизаны озёрные жемчужины — это приданое её мамы, моей прабабушки Александры Григорьевны Лукиной. Прабабушка, родом из кижской деревни Ерснево, была взамужем за Григорием Васильевичем Лукиным, ставшим глухонемым после контузии, полученной на полях сражений первой мировой войны.

— Бабуля, как это делалось-то? — Однажды спросила я, увидев прореху в кокошнике, — видимо, конский волос лопнул, и мелкие жемчужины, размером с два-три миллиметра, посыпались в же-

стяную коробку, в которой хранился свадебный убор. На иглу, самую тонкую, жемчужины не насаживались: больно отверстие было узким.

— Как положено, так и делалось, — ответила бабуля. Очки её отложены на газету, жилистые руки разглаживают белую накрахмаленную скатерть. — Сначала наречённый, доказывая, что у него серьёзные помыслы, да и сам он работающий, удачливый и без камня за пазухой, должен невестившейся девушке принести жемчужные раковины. В Онего вода чистая, и в тех местах, где ключи бьют, водился жемчуг.

— А наречённый — это жених? — спрашиваю я.

— Вот если в раковинах жемчуг есть, то станет женихом. А если нет — невеста задумает лампадку у божницы, то есть знак даёт, что отказывается замуж-то идти за него.

— Как это, нет жемчужин? А он, что, не мог дома проверить, с жемчугом раковины или нет, — изумляюсь я.

— Так положено-то ведь раковины вскрывать при невесте, — улыбается бабуля, — эдак-то каждый в женихи попадёт: купил на рынке, да и делов-то. А ты, голубчик, встань пораньше, до рабочих дел сплавай в укромное место, да своими руками и собери раковин на кокошник нареченной своей.

— А кокошник-то как делали потом? И кто? — допытывалась я, тщетно пытаюсь нанизать на расщеплённый конец конского волоса хотя бы одну жемчужину.

— Невеста кокошник шила. Она, в свою очередь, должна была себя показать. Это сейчас месяца не потерпят, в заксу бегут. У нас в деревне было принято приданое невесте самой готовить, с малолетства: ткать и пряхть. А вот кокошник на посиделках изготавливался. И если он готов к назначенному сроку не будет, то и свадьбы не будет.

— А если они жить друг без друга не могут? Как это — свадьбы не будет? — уже возмущалась я.

— В досюльное время было такое поверье, что человеку с нечистыми помыслами жемчуг не давался. А в раковинку заранее не залезешь. И невеста-неумёха тоже ведь в хозяйстве не помощница, а помешница... Что, никак не поймает жемчуг-то, — бабуля увидела, что у меня ничего не получается, — а ты волос-то в пальцах посучи, да пальцы вначале смочи.

Словно послушавшись бабулю, жемчужина ловко проскользнула по волосу.

* * *

Перед сном я долго ворочалась и никак не могла заснуть: перед глазами стояла картина рождаемого не один месяц свадебного кокошника, символа удачного будущего замужества.

И если я могла представить себе светёлку, где собирались на посиделки, то вот где прадед раковины жемчужные нашёл, в каком таком укромном месте да ещё столько много, чтобы на кокошник хватило, для меня так и осталось тайной.

Часть жемчужин из прабабушкиного кокошника я на свое свадебное платье потом нашла, а еще кусочек на память сохранился.

Ещё в сундуке хранился прабабушкин досюльный сарафан, в пол, коричневый, тисненный разводами серебристыми, с оборкой пышной и чёрными кружевами домашней работы. Но это уже другая история.

Финский бутерброд

*малолетним узницам,
мамочке моей Валентине Михайловне Захарченко
и тётушкам Людмиле Николаевне
и Тамаре Николаевне Ломаевым
посвящается*

В сенокосную пору трава была везде: она заполняла двор: где досыхали стожки, привезенные с дальних пожен, где трава была уложена и лишь травинки торчали из-за редко набитых досок сарая-сенника. Детвора перебиралась ночевать на сеновал. Духмяное сено щекотало ноздри и будоражило.

В конце июня сорок первого в Кондобережской только готовились к сенокосу. Весна была поздней, и травы только-только начинали зацветать.

Прасковья (Паня — по-деревенски) с дочерьми Томой и Люсей и её младшая сестра Нюра с дочкой Валею приехали на гостины к родителям Лукиным Григорию Васильевичу и Александре Григорьевне в первую декаду июня. Валентина была первенцем не только у своих родителей Михаила и Нюры, но и первой внучкой. И в этот год одиннадцатого июня Вале исполнилось пять лет.

Шестнадцатилетний Митя, который приходился Вале, Томе и Люсе родным дядей, устроил для девочек качели в углу двора, куда и сам приходил качаться по вечерам. Он рассказывал погодкам Вале и Томе страсти про домовых и прочую ерунду, отчего девочки вздрагивали от любого подозрительного шороха и долго не могли уснуть.

А потом началась война.

* * *

Николай, муж Пани, в милиции работал, звонил в Великогубскую совхозную контору и велел Пани с дочками срочно в город выезжать, потому что на финской границе стало беспокойно.

В город попадали по воде. Баржа утром выходила от Великой Губы, а вечером приставала в городе. Деревня Кондобережские в четырех верстах от посёлка находится, на самом берегу Онеги. Наши чаи гоняют и в окна смотрят, как баржа из Петрозаводска идет. Ну и успевали дойти до посёлка раньше баржи. В этот раз заранее собрались. Дед с бабой серебро фамильное, заработанное ими еще до революции, собрали дочкам в туесок, — ложки, ножи да вилки, а в сундук тарелки и блюда укладывали: война многого требует.

Затемно собрались выезжать: на баржу билеты еще достать нужно, а желающих на неё попасть, почитай, половина Заонежья, потому как много живой поросли пустили в городе корешки, много молодёжи угнездилось там: кто учился, а кто промышленность созидал.

В кассе на причале уже толпился народ. Нюра за билетами встала, но, когда очередь до неё дошла, ни о каких билетах и речи быть не могло: баржа не резиновая, — в неё и так набилось столько людей, что на два корабля хватило бы.

Паня приглядывала за детьми и за вещами. Люся с Томой в туалет запросились. Тогда Паня Валю на сундук неподъёмный с серебряной укладкой усадила, в руки ей туесок с приборами дала: стереги!

Но когда Паня с дочками вернулась, то увидела, что Валя, ни жива, ни мертва, сидит на лавке, а ни сундука, ни туеска нет. Никто из находившихся рядом заонежан ничего не видел — давка такая, что не протолкнуться. Сердобольные земляки успокаивали: хорошо, что дитя не тронули.

Просидели сестры с детьми на водной станции до следующего утра: ждали, вдруг будет баржа. А утром Митя приехал на Зорком: к военкому ходил, тот даже не стал слушать малолетку. Тут-то он сестёр встретил на пристани и в деревню обратно свёз.

Мать с отцом погоревали, что не уехали дочери. Но, видно, так было Богу угодно. А серебро? Что серебро? Сами живы, а добро — дело наживное!

Через несколько дней стало известно, что та баржа, на которую сестрам билетов не хватило, попала под бомбёжку в открытом Онеге. Никто не спасся.

* * *

Финны в начале Филиппьевского поста заняли Заонежье и установили свои порядки. Во-первых, растянули на выездах из Заонежья колючую проволоку, и впускали и выпускали только по спецпропускам. Заонежье превратилось в огромный концлагерь. Во-вторых, издали указ, что в семье на одного трудоспособного должно быть не более двух иждивенцев. А трудоспособными считались лица от 18 до 50 лет.

А в Лукинском доме два старика-родителя Григорий и Александра, которым было далеко за пятьдесят, их дочери: Паня с двумя детишками (Томе четыре, Люсе полтора года) и Нюра с пятилетней Валею. Сёстры молодки, двадцать четыре да двадцать два года, мужья воюют, брат их меньшей — тоже.

Переписи финны не устраивали, но прошли все дома и посчитали всё население. Вторым пунктом указа была отправка лишних ртов в концлагерь. Паня и Нюра были трудоспособными, а их дети — иждивенцы. Дед с бабушкой даже и слышать не хотели, чтобы кого-то из детей отправлять в концлагерь.

— Куда дитё без родителей денут? Оно за себя и постоять не сможет, — ворчала Александра, укладывая свои и вещи мужа, — а мы с дедом жизнь вместе жили и помирать вместе будем, а здесь ли или в лагере это будет, — одному Богу известно.

Григорий с Александрой не расставались со дня свадьбы. К тому же, с тех пор, как Митя в начале осени ушёл со сверстниками в Медгору окопы рыть противотанковые, дед слёг. Дед и раньше

молчком жил. Заикался потому что сильно. «Гы да гы» — одна бабушка его и понимала. А попробовал бы кто смеяться над Григорием-немым, — да и не пробовали, знали силу заступы его полюбленной. Она к нему склонится, слышит что будто, а потом и скажет:

— Григорий так решил... — говорит, да на мужа и смотрит: так ли? Тот выслушает (А все остальные тоже на него во все глаза глядят) и, подумав, кивнёт сурово: так, мол.

И весь тут сказ. Старшая никогда без Григория хозяйственного да и чего другого не решала. А уж полозя гнуть, он — первый мастер на всё Заонежье. Заказчики соловьём, а он всё — на ум. Без жены обходился, головой кивнёт, пальцы выкинет. Сколько пальцев, столько недель и — спорь ни спорь, но срок назначен. А за работу плату не брал — это уже к жене, та все расчёты бухгалтерские вела. У них с Григорием все расценки обговорены.

Немой-то, немой, а иной раз шуманёт Александра домашних: то не так, да это не по-таковски, а он из угла своего голос подаст, она тут же вскинется:

— Ой, Гришенька, молчу, — и к нему в комнату. Сразу — тихо, муха пролетит — услышишь. Слово он, что ли, какое знал, но старшая беспрекословна была. А может что ещё, но добро в доме не переводилось.

А тогда увезли стариков под зиму. Тут и Онего встало. Лёд толстенный. Дорога по озеру до Великой открылась. По ней и ходили сёстры на лесозаготовки, куда финны работать определили. Там и меню делали.

Зима 1942-го была холодной и голодной. Паня слегла в горячке. Нюра ухаживала за сестрой. Соответственно, на работу никто не ходил три дня. Все это время сидели на тюре из мороженных овощей. У малых животы стали пухнуть. Нужен был хлеб или мука. А идти менять некому. Нюра и справила послать дочь свою, саму

старшу из детей, на мѣну. Тая (та) на озеро вышла, а дом наш крайний по озёрной-то стороне деревни, из окон Великую видать.

Нюра за дочей в закатное оконце-то приглядывает и вдруг видит, как финн в белом маскхалате мимо Вали пробегает, на полозья широченные лыж своих ставит и — нет дочери: снег белый, финн белый, — ничего не видать. Ни жива, ни мертва была Нюра несколько часов, то от Пани, бредящей, к детям её, то к окошечку: «Где моя-то единственна-ненаглядна? Вернулась бы только. Не́кудь боле (никуда больше) ня пуцу.

Пришла, наконец. Глазищи вытаращены. Рассказывают:

— До Великой молча ехали. В Великую при́шли, он не ссаживат. До дому какого в серѣдье (в центре) доихал. Остановился, мяня на крыльцо поставил. Мни яга (его) с него не́как, по́тому как дорогу он за́ступил (перекрыл). Ну, он лыжи снял и сам — на крыльцо. В двирь — стук, и в дом мяня толк. А там тёпло, свѣтло, стол ужинный, финны по вокруг. Он лопочет по-свойскому, а мяня (меня) на лавку подсадил и против (напротив) сел. Говорит что и на мяня глядит. А я молчу. Он большой ломоть булки белой (!) бѣрет, маслом (!) мажет, а сверху пѣском сахарным (!) сыпет густо. И мне. Я взять-то не́ могу, а исть (есть) — тем боле... Так горло свѣло.

Нюра слушала дочь и месила тесто. Она знала об этой дочкиной особенности: от волнения у неё появлялись спазмы в горле.

Больше Нюра Валю в Великую не посылаала. Только волосы свои поседевшие стала финским кофе-эрзац подкрашивать.

* * *

Нюрин свѣкр Александр Михайлович Кирьянов умер этой же зимой сорок второго от водянки. В деревне кладбища отродясь не было, хоронили летом в Сибово (там деревянная, летняя церковь была), зимой — в Великой, где каменный храм Алексея, Божиего человека.

На санях с гробом поехали вдова Катерина и Нюра, — свёкр её любил. Лошадь с санями выпросили у финнов в Великой Губе за пять пайков.

Утро зимой тёмное: небо висит тяжело и безысходно. Снег на дороге скрипит под полозьями. Своего батюшки в селе не было с тридцатых годов, после закрытия храма. Откуда был священник, который ждал их в храме, теперь и не вспомнить.

Кроме священника в храме был только дьячок. Он помог Катерине с Нюрой внести гроб в храм. Во время отпевания Нюра чуть не заснула. Хотя в храме было не топлено, но всё теплее, чем на улице. В полумраке мерцала пара свечей. Невысокого роста старый дьячок бубнил псалмы. А с небес храма смотрели на печальную убогую картину похорон нарисованные синие звёзды.

Николай Федорович Иванов

Председатель правления Союза писателей России.

Родился в 1956 году на Брянщине.

Закончил Московское суворовское военное училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», Благодарностью Президента.

В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобожден через 4 месяца в результате спецоперации.

В качестве военного корреспондента принимал участие в освещении «горячих точек» — во время Грузино-осетинской войны 2008 года, событий в Крыму, на Донбассе, дважды в Сирии. Награжден медалью «За возвращение Крыма», «Участнику военной операции в Сирии». В течение 10 лет ведет курсы выживания журналистов в экстремальных условиях на курсах «Бастион».

Автор более 30 книг прозы и драматургии на военно-патриотическую тематику: («Вход в плен бесплатный», «Черные береты», «Наружка», «Шторм» начать раньше», «Новеллы цвета хаки» и др.).

В Уссурийске и Брянске шли его театральные спектакли.

Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», «Прохоровское поле», «Золотое перо границы», ФСБ России, «Большой литературной премии» и других.

РЕКИ ПОМНЯТ СВОИ БЕРЕГА

{отрывок из романа}

ГЛАВА 1

Холод никуда не спешил.

Жертва, оставленная ему на прокорм, прикована к стене. Стена — в пещере. Пещера — в горе. Гора — среди кишашей гадами колумбийской сельвы. Кашею Бессмертному обзавидоваться, но не найти более надёжного места, чтобы спрятать свою смерть.

И времени — до утра. Много времени — сто звёзд упадут с небес, промелькнув отражением в священном озере Гуатавита, в котором смывал с себя позолоту вождь Эльдорадо¹.

В жертву принесён человек. Роста небольшого, потому что охранникам, которые привели его сюда, пришлось удлинять цепь, оставшуюся после предыдущего узника. Это не сильно облегчило жизнь пленника, но теперь он имел возможность хотя бы слегка касаться ногами пола, а не висеть на цепи.

Почему пленник здесь, холоду знать неинтересно. Люди вообще странные существа. На одном языке говорить не научились, но при этом спорят, кто из них ближе к Богу. Только ведь Всевышний охранной грамоты на главенство никому не выдавал, а потому и подвешивают раз за разом здесь несчастных...

Едва охранники вышли, холод коснулся оголённых рук пленника. Сбитые в кровь, жилистые, они не понравились ни на вкус, ни на запах. Тронул лицо, ощупывая скулы, изучая разрез глаз, трогая

¹ Обычай чибча-муисков, когда нового правителя этого колумбийского племени натирали смолой и покрывали золотым порошком. На восходе солнца, сверкая в лучах, он плыл на плоту на середину озера и бросался в воду, смывая с себя золото в дар Гуатавита.

жѣсткие чѣрные усы. Попытался понять, конкистадору¹ из какой страны оно может принадлежать. Угадывались черты перса, но это наверняка внешний обман, разгаданный логопедами: чужестранец способен приобрести черты народа, среди которого живѣт, потому что звуки и слова на местном диалекте заставляют напрягать определённые группы мышц, которые и формируют облик.

Да и холоду не раз предоставлялась возможность видеть здесь людей, которые в паспорте значились под одним именем, а потом признавались в иных. Следует лишь немного подождать: на каком языке человек молит о пощаде, оттуда и родом.

Пленник попытался размять лицо левой, свободной от наручников рукой. На какое-то мгновение оно покраснелось, и холод чуть отступил. Но не из-за страха перед ожогами, а чтобы сосредоточиться: где-то он уже видел такие покрасневшиеся на морозе лица, где-то встречал на земле этот жест. Где-то на севере, потому что тут, в Колумбии, особой надобности людям учить северные движения нет. К сожалению, темнота, даже не постучавшись, уже вползла в грот, и какие-то детали, позволившие бы раскрыть тайну с ходу разглядеть не удалось. Да и важно ли, в конце концов, чья кровь начнѣт застывать в несчастном теле?

Переждав, холод подступился к жертве вновь. Одежда на ней, хотя и летняя, для жаркого дня предназначенная, всё же мешала завладеть пленником сразу и полностью. Но ведь и ночь только началась. И темнота звала, увлекала сиреной в самые дальние закутки. Нет большей гармонии и идиллии на земле, чем союз мрака и холода, при которых люди солнца обречены на погибель. И впрямь, надо лишь чуть подождать, и вкусный плод сам упадѣт к твоим ногам.

¹ По-испански — завоеватель. Как правило, европеец, которого гнала в Южную Америку жажда наживы, романтика золота. Именно конкистадоры первыми начали искать сказочную страну Эльдорадо, прослышав о ритуале прихода к власти вождя племени чибча-муисков.

...Потом холод так и не вспомнил, в какой момент прикрыл в блаженстве и усталости глаза. Но когда спохватился, выход из пещеры для него самого оказался отрезан: проснувшееся солнце бо-сой ножкой-лучиком уже заступало в подземелье. Темнота, всю ночь набивавшаяся в жены, улизнула из пещеры в одиночку, не предупредив о рассвете ни вдохом, ни выдохом. Видать, женщинам если и страшно одиночество, то лишь ночью. При свете они все — неподступные королевы!

Зато никуда не исчез человек. Он висел на цепи без движения, пристроив голову около вздернутого плеча. Можно было ещё раз подступиться к сонному, потерявшему бдительность чужаку и пощипать его хотя бы в отместку за ночную неудачу, но временная победа не имеет мудрости. Не все песчинки на дне священного озера Гуатавита успеет осветить и пересчитать солнце, а день опять истлеет. Жертву же, судя по всему, привезли надолго. Так что время позабавиться ею ещё наступит.

У входа в пещеру послышался скрежет гравия. Холод юркнул в первую попавшуюся расселину, и вовремя: вошедший охранник освещал себе путь жарким факелом. Подвернись такому под руку — бока подпалит, не спросив фамилию.

Пришелец проделал это с человеком, ткнув смердящий огонь под его вздернутую руку. Пленник, вмиг проснувшись, отбил факел свободной рукой. Охранник остался недоволен, но играть огнём перестал. О чём-то заговорил. До расселины, где затаился случайный свидетель пыток, донеслось лишь одно разборчивое слово — «советский», и холод, едва не выдав себя, хлопнул по лбу: точно, его ночной соперник — славянин, из России. Как же он сразу не догадался! Именно там при его появлении трут носы и щёки. Там в сто-давние времена его измеряли не в градусах, а в смешных записях «зело» или «не зело холодно». После появления термометра, научив красный ртутный шарик скользить в стеклянной трубке,

опять же там требовали от наблюдателей «смотреть накрепко, чтобы в близости оно́го инструмента никакая чужая теплота, кроме той, которая по воздуху чинится, не была». Уважали. Ценили его в России. По большому счёту, там его историческая родина.

Но какие ветры занесли человека с края света в самый центр Земли? И стоит ли подтверждать «советскую» догадку надзирателю с факелом? Не получится ли, что вместо благодарности самому ткнут в лицо огнём, требуя подробности?

— Е-гор Бу-е-ра-шин.

Голос факельщика тихий, вкрадчивый. Так сдерживают радость, когда узнают тайну. Она — в имени?

— Е-гор Бу-е-ра-шин, — повторилось с ещё большим ехидством, теперь уже над самым ухом пленника.

Факел рисовал на стенах мало кому понятные разводы. В их дрожащих завитках прятал свои щупальца и холод, с интересом разглядывая при свете жертву. Пленник оказался настолько слаб, что повис на руке, не имея сил распрямить колени и опереться носками о пол. Прозвучавшее имя открыло ему глаза, но веки в тот же миг вновь бессильно опустились, оставив для света лишь тончайшую сеточку из ресниц. Возможно, чтобы увидеть приближающуюся смерть.

Охранник, освобождая ей путь, ушёл, воткнув факел в расщелину. Огонь потянулся следом за хозяином, но оторваться от маслянистой, пузырящейся пакли сил не хватило. Оглянулся на того, с кем предстояло коротать время, и несказанно удивился перемене, вдруг произошедшей с пленником. И колени у того выпрямились, и ноги обрели упругость, и пальцы заработали, сжимаясь в кулаки. Значит, всё происходящее с ним, — обман?

Но едва охранник вновь появился в пещере, русский обмяк, повис на наручниках, уронил голову на грудь.

— Смотри не подохни, пададь, — пригрозил конвоир.

Сказал на своём языке, но понятно и для огня, и для холода, и для несчастной жертвы. Но вместе с пренебрежением к пленнику в голосе послышалась и тревога. Скорее всего, в планы сторожей не входило заполучить подвешенный на наручниках труп.

— Эй, ты жив?

«Жив, — бессловесно откликнулся тот, кого называли Егором Буерашиным. — Но ты подойди, посмотри».

Умолял не зря: вплотную охранники приближались к пленнику, если действовали в паре. Это случалось лишь по вечерам, когда снимали с петли — вывести в туалет и дать лепёшку с чаем. Сейчас день, и надзиратель зашёл один: пленник хирел на глазах и требовалось наблюдать за ним чаще.

Колумбиец приблизился настолько, что почувствовался запах чеснока и перегара. Егор задержал дыхание, и охранник сделал ещё один шагок. В ту же секунду Буерашин выбросил вперёд ноги, обхватил ими шею врага. Тот запоздало попытался отпрыгнуть, но свободной рукой пленник уже ухватил его за волосы. Правая рука обрывалась на цепи, не выдерживая двойную тяжесть, но Егор продолжал тащить к себе отбивающегося тюремщика. И едва позволило расстояние, замкнул ноги на горле у чесночного пьяницы.

Захрипели — один от боли, второй от напряжения. Победителем мог выйти только один, и когда под коленкой Егора мягко хрустнуло, тело охранника мгновенно обмякло.

— Стоять! — зашептал Егор, заваливая мертвеца себе на грудь.

Труднее, чем совладать с колумбийцем, оказалось удержать его на весу, не дать упасть: ключ от наручников лежал в кармане, и теперь предстояла не менее сложная задача — достать его.

— Стоя-ять, — уговаривая и угрожая, шипел Егор в ухо мертвецу.

Тело удержалось, и пленник смог опереться на одну ногу, дал передышку правой руке, по которой текла кровь от содранной

кожи. Осторожно заскользил рукой к карману, боясь оплошным движением уронить труп.

Сумел. Дотянулся до вожделенного схрона, мелким воришкой запустил внутрь пальцы. Ухватил щепоткой нить, на которой — он помнил всегда! — висели два блестящих, словно от шифоньера, ключа. На этом силы кончились, и он опустошённо стряхнул с себя тюремщика. Теперь можно, теперь весь мир под ногами, когда в руках ключи от собственной свободы.

Передохнув и прислушавшись, Егор встал на труп. Не церемонились с ним, бьётся за жизнь и он. Дотянулся до наручников, не с первого раза, но попал ключиком в отверстие.

Рука, освобождённая из металлического захвата, упала вниз. От неё, покалеченной и прижаренной, помощи ждать не приходилось, и Егор сунул болявую меж оборванных пуговиц рубашки к животу: греться, лечиться.

Ещё пару секунд потратил на то, чтобы однолапо обшарить одежду убитого. Оружия не оказалось, попался лишь складной нож, а в нагрудном кармане куртки — плоская зажигалка да завёрнутый в фольгу кусок недоеденной шоколадки.

— Спасибо, — порадовался находкам Егор. Пленнику вредно мечтать о будущем: чтобы оно существовало, необходимо подчиняться только настоящему.

А оно звало к выходу.

Факел, остающийся в пещере в одиночестве, заметался от страха, потянулся за сокамерником — возьми с собой. Не возьмёт. От выхода сеялось зыбкое свечение наступающего дня, и это шло бывшему заключённому на руку: ночью в сельве делать нечего, к темноте нужно готовиться, чтобы проснуться утром живым, а не убажывать брюхо койота или крокодила.

Густеющий с каждым шагом свет манил, но Егор, как мог, сдерживал порыв. Свободы ещё нет, она лишь приподняла вуаль со

своего прекрасного личика. Существует ли внешняя охрана пещеры? С какой целью его прячут в сельве? От кого? Сколько времени прошло после ареста¹?

Недалеко от входа послышались голоса, но охрана, на счастье, занималась утренней приборкой лагеря и пропавшего сотоварища могла хватиться не сразу. Но как узнали его имя? Кто из группы не выдержал²?

Егор осторожно осмотрел местность. Перед гротом лежала небольшая, свернувшаяся преданной собачкой, поляна. Справа — сборно-щитовой домик. Дверь распахнута, словно приглашает в гости. Спасибо, когда-нибудь в следующий раз. И желательно не в этой жизни. А вот налево должна уходить тропинка к туалету — это Егор помнил по ночным выводам. Где-то внизу протекает ручей — водили мыться. Туда по склону и легче бежать, но разведчик юркнул за пещеру. В густую, даже на вид непроходимую, влажную лесную гущу.

ГЛАВА 2

У старого с малым отношения — клятву пионера читать не надо, всё рядком и чередком.

— Дедуль, вот сколько живу на свете, столько и удивляюсь!

— Что я опять не то сделал?

— А глянь сам: одна колошина ворует, а другая — караулит.

— Так это я специально брючину закатал, когда ехал на велосипеде. Чтобы в цепь не попала.

¹ Разведчикам, находящимся в тюрьмах иностранных государств, день засчитывается за шесть.

² Группу Е. Буерашина вскрыло РУМО — военная разведка США, после того, как советские боевые пловцы, обеспечивая скрытый заход советских субмарин в Карибское море, «заглушили» американские контрольные буи, установленные на морском дне. Более подробно о действиях советских боевых пловцов за пределами страны говорить ещё рано.

— А дед Петя штанину прищепкой схватывает.

— Дед Петя живёт с выгодой. Он молодец.

— Ты у меня молодец лучше. Я тебя люблю.

— Я тебя тоже.

Старому с малым всё к сердцу, когда они рядом.

— А можно я поеду в Пустынь на багажнике, а не на раме?

— Можно, если пятки в колесо не станешь совать...

— Что я, совсем без царя в голове? У девочек ноги должны быть красивыми.

Фёдор Максимович Буерашин оторвался от корыта, по старости лет переведённого из помоечных нужд на хранение скобяной мелочи. В задумчивости посмотрел на девятилетнюю внучку, пытающуюся совместить Василису Прекрасную с Василисой Премудрой. Аня сидела на ступеньках крыльца перед ведром с запаренными отрубями, жеманно поглаживая пятнистые от зелёнки и йода колени.

— Красивые, красивые, — не позволила деду ни возразить, ни возмутиться девочка. — А то кто ж меня замуж позовёт.

— Не скажу насчёт замужества, а я точно не возьму, ежели язык будет мести помелом.

— И что мне теперь, немтырём расти? Ой, лихо мне, — внучка от праведного возмущения хлопнула по только что взлелеянным коленкам.

Получилось больновато, и, скрывая досаду, девочка закатила глаза к небу: прости, Боженька, моего дедушку, что такой непонятливый растёт. Это оттого, что по лесу в одиночку много ходит, леших пугает. Что ему знать о женской доле?

Посчитав, что просьбе хватило времени долететь до неба, достала карамельку: подсластить рот и судьбу.

— Расти как растётся, — разрешил внучке Фёдор Максимович. — Только кур не забудь покормить. И сама конфет меньше ешь, а то твои красивые ножки от сладкого возьмут и отвалятся. Вместе с ручками.

Настал черёд Анечке замереть: угадывала, сколь серьёзна угроза. На всякий случай быстро разгрызла сосалку, подвинула ведро и взялась разминать муку, слипшуюся комочками в горячей воде.

Вернулся к своему корыту и Фёдор, высматривая среди собранных за десятки лет гвоздей, гаек, штырей и болтов, моточков проволоки, подшипников, старых журналов «Наука и жизнь» запропастившееся зубило. Тому, видать, самому надоело царапать бока и нюхать ржавую труху, подлезло под руку. И не прогадало: хозяин огладил его ладонями, завернул в тряпицу и положил вместе с молотком в холщовую сумку.

Новое соседство для зубила оказалось благоприятным. Тут лежали и обёрнутые в газету варёные яйца, и бутылка молока, и соль в спичечном коробке. Густел, настаивался в пакете с укропом запах варёной картошки, хлеба, малосольных огурцов, редиски, лука и помидоров. Сладко будоражили воображение и подтаявшие конфеты, так что новому постояльцу оставалось надеяться на тесноту, при которой можно протереть обёртку и подсластить губы.

Что касалось самого Фёдора, тому прожить день без крошки во рту — занятие привычное. Туесок собирался для той, которая о ногах и замужестве с девяти лет беспокоится.

Аня уже разбрасывала корм по двору:

— Куря, куря, куря.

Зря люди грешат на куриные мозги. Уйти от дома так далеко, чтобы не слышать голос хозяйки — таких дур в птичьем семействе днём с огнём не найти. Мчатся по первому зову из любых закутков.

— Кыш, чужая, — замахнулась Аня, разглядев в стае подрезанный хвост.

Посторонняя курица редко бежит на чужой зов. За это и петух может наступать клювом по темечку, и хозяйка запустить чем ни попадя, и собака не поленится обгавкать.

Так что короткохвостка заранее знала за собой вину и отскочила от общей трапезы без лишних понуканий. Но поскольку маленькая хозяйка большого страха не внушила, а петух вместе с собакой сам подзагулял на чужих задворках, скатерть-самобранку не покинула. Сновала вокруг, исподтишка ухватывая крохи, отлетающие от перепачканных клювов соперниц. Так бы и насытилась невзначай, не вмешайся мужской голос:

— Пошла, топчешься тут. Степану квохтать будешь.

Хвосты своему выводку обрезал сосед, чтобы сослепу не кормить приبلудных. Но поскольку свой ларь с зерном он открывал раз в день, а в ковшик зачерпывал зерна не более трёх пригоршней, то квочки и шныряли голодные по чужим дворам, позоря хозяина.

— Всё, дедушка, — доложила внучка. Сполоснула руки в чугушке нагретой солнцем водой, делово поинтересовалась: — Дверь запираешь?

— Запирай, а то Тузик куда-то хвостом вильнул. Но ты вправду сказала деду с бабушкой, что уезжаешь?

— Ой, дедуль, — вздохнула девочка, благоразумно не став больше бить по коленям. — Я же не с бухты-баракты согласилась в такую даль мостылиться. И Васька знает.

— Ну-ну, — покивал Фёдор, не особо доверяя ясному взору внучки: тут старого от малого разделяет целая жизнь. — Брата твоего самого ищи как блоху на собаке. Так что гляди, девка, сама: ежели хватятся, отлаупцуют тебя, а не меня.

— А мы им водицы святой привезём, ещё и похвалят, — успокоила Аня.

— Хитрая ты.

— Не хитрая, а умная. Сам говорил.

— Я много чего говорил. Только ты вот запоминаешь одну свою выгоду.

— Сердцу не прикажешь, — не к месту, но с полным оправданием себя пояснила Аня. И поставила точку: — А будем и дальше антимионию разводить, вообще никуда не доедем.

Ехать и взаправду — не близкий путь, хоть и на велосипеде. По селу дорога ещё ничего, успели до перестройки уложить асфальт. А вот за околицей как стоял с дореволюционных времён бурьян, так и советская власть с ним не справилась. И хотя Фёдор пытался какое-то время крутить педали, спина взмокла быстро.

— А ты сиди, — остановил внучку, сам слезая с седла.

Но та, жалея деда, тоже спрыгнула наземь. Сняла сандалии: деревня приучает беречь обувь, а не ноги. Даже если они и важны для замужества.

Потацились по солнцепёку пешком.

— Дождичка бы, — помечтала Аня. Он ей и за пять копеек не был нужен, но бабки около магазина по нему вздыхали с весны.

На дождь дед согласился охотно:

— Не помешал бы.

— Господи, помоги, — опять повторила взрослые слова внучка.

Фёдор скосил на неё глаза: рано ещё в Бога ударяться. Когда глаза к небу поднять — жизнь подскажет, а не старухи у магазина.

Поднял гул самолётов. Военный аэродром располагался хоть и рядом, но уже на Украине, так что знатные женихи доставались украинским девочкам. Да и у военных, видать, кризис с горючкой, потому как редко нарушается тишина гулом моторов над Журиничами, не летают орлами, как раньше, по небу хлопцы.

— А мы на кладбище к папке с мамкой зайдём? — не смогла долго находиться наедине с собой Аня.

— К папке с мамкой надо ходить обязательно.

— Я им гостинец несу.

Оттопырила кармашек в сарафане, оглядела оставшиеся конфеты. Удивилась их малому количеству: если делиться с родителями, то выходило по одной. Запустила руку пошарить дыру, но худинки не нашла. Как испарились...

— А почему ты со вторым дедушкой не дружишь? — поспешила перевести разговор.

— Кто тебе отчебучил такую глупость?

— А у меня у самой глаз, что ль, нетути? — не дала провести себя внука. — И бабушка Маня часто вздыхает, что ты не хочешь с ними знаться.

— Бабушка вечно что-нибудь выдумает.

— Хорошо, если так, — согласилась на обман Аня и замолчала, нащупывая сквозь кармашек конфетки: эти хоть не исчезли?

А Фёдор задумался о своём. Возраст такой, когда внукам — сладкие конфеты, а ему — горькие воспоминания. А их у Фёдора Буерашина — целая жизнь, почти от гражданской войны.

Хотя на судьбу грех обижаться, перепадали и счастливые времена за семьдесят пять годков. Да вот крылья у ангела, что прикрывал доселе их род, видать, сильно истончились, а беда как ждала за воротами. Сначала списали по сердцу из лётчиков старшего сына Ивана. Словно доказывая врачебную ошибку, боясь оказаться ненужным, сразу же подрядился на ликвидацию аварии на Чернобыле. Да ещё с женой. Успокаивал земным: за день работы в заражённой зоне — месячный оклад. Зато дом обустраивает.

Да только когда это дармовая копейка счастье приносила? Свой угол с Марией не успели поставить, здоровье долго не продержалось. Купили имеющийся колхозный. Да пожили в нём совсем ничего, и всё больше в радиационных муках. Чернобыль закрыли в саркофаг, а Ивана с женой — в домовины...

Сердце ещё не перестало разрываться за детей, а на погост вслед за ними отправилась жена. Думал, после всех напастей от пушинки повалится, но и случившегося кому-то показалось мало —

пропал младший сын Егор. Считай, с Нового года ни слуху, ни духу. Был бы пьяница или коммерсант, волнений меньше: память отшибло или дела закрутили. Но тут расклад иной, офицерский. Военком, знамо дело, убеждён в лучшем:

— Раз процент от его зарплаты переводят вам строго по месяцам, то жив. Значит, он так велел финансистам делать.

— Но ведь не случилось, чтобы на 23 февраля не поздравил.

У военкома и на это свой расчёт:

— По погибшим платят другим макарон и один раз.

Майор вышел в начальники из местных и не чурался земляков. Шепнул военную тайну:

— Скорее всего, на каком-либо задании ваш Егор. Может, и за границей. Вот поглядите, моя будет правда.

При другом случае погордиться можно было бы секретным заданием сына, но ведь неспроста ни с того ни с сего эти почтовые проценты-переводы идут, всё-таки страхась с Егором какая-то беда. Бог с ним, с Днём Советской армии, но и в День Победы весточки не подал...

А что не нравятся сваты, то сроку той занозе — с самой войны. И не он тому виной. В 41-м, при оккупации, выбор в селе встал одинаково для всех: или в партизаны на еловые шишки, или в полицаи — на сало. Времени на раздумья не оказалось, власть в районе поменялась за одну ночь. И вышло у них со сватом глядеть друг на друга из разных окопов. И хотя по молодости война случилась, и отсидел за свою белую повязку на рукаве Пётр сполна, знаться с ним Фёдор более не желал категорически.

Сюрприз поджидал Фёдора через несколько лет, когда подросли дети и пожелаал его Иван взять в жены дочку Петра и Мани. Уж как просил не связываться! Грешным делом даже на городских девок кивал, приезжавших летом на молоко и чистый воздух. Сын лишь усмехался, подтверждая свою взрослость:

— Такой же чернозём, только издалека привезён.

— Но она ж дочь полиция! А потом полицейские внуки пойдут!

— Внуки будут партизанские.

— Ох, Ванька, дуришь.

— Не, батя, не дую. Люблю, — бесхитростно улыбался Иван. —

И жить нам с ней до гроба.

Пророчество нестрашное, если проговорено шуткой. Только вот с Чернобылем слишком быстро всё исполнилось наяву...

Вообще-то плохо старикам в дальней дороге, слишком много дум за порогом ждёт. А за спиной к тому же топают маленькими ножками новые большие проблемы. Переводы от Егорки и держат на плаву...

ГЛАВА 3

Ручей то подныривал под поваленные деревья, то протискивался меж скал и волочил себя по камням, чтобы через несколько метров увязнуть в топи, дав отдохнуть своему побитому, изломанному телу. Наглотавшись болотной тухлятины, сам же и вытаскивал себя из вязкой тины, чтобы вновь биться лбом о новые стволы и скалы. Ему бы уgomониться, свернуться калачиком в каком-нибудь укромном местечке и стать озерцом на радость себе и природе...

Но манила горный ручей неведомая даль, ждала его у подножия Анд почтенная дама сверхбальзаковского возраста — Магдалена, считающаяся самой большой рекой Колумбии. Ради встречи с ней ручей и готов был настырно выбираться из сельвы на просторы льянос¹.

Ручьям и рекам в сельве другая напасть: как ни прячься в заросли из бамбука, кокосовых и слоновых пальм, под коряги каучуконосов, как ни старайся идти гладью, без шума, но в любом случае к ним приползёт, прискачет, прилетит великое множество всякой твари по паре. И за право припасть губами или клювом к влаге, а

¹ В Колумбии так называют саванну.

значит, за право выжить в сухой сезон на берегах идут жесточайшие схватки.

Жить хотел и человек-шатун, спускающийся вместе с водой в долину. Ручей в горах — единственно точный проводник, которому можно безоговорочно верить, потому что течь он может только в долину, только к большей реке, только к океану.

Судя по разбитой обуви, перетянутой лианами, шатун шёл по чаще довольно долго. На шее ожерельем висели нанизанные на прут мальки, превращаясь на влажном солнце в тарань — для разнообразия пищи и в запас. Кто знает, сколько ещё той дороги, куда выведет?

Вывела к широкой пойме, на глубоком дне которой, повторяя полукруг берега, теснился к океану город. Над ним колыхалось марево, искажая предметы и скрадывая расстояние. Человек, раздирая в кровь тело, покатился по крутому склону к этому миражу, но в какой-то момент сумел остановить себя. Он не смог бы рассказать, какие растения укрывали его от сторонних глаз, какой живностью питался, какой сегодня день и месяц и даже в какой стране он на данный момент находится. Но ведал иное: самое страшное в разведке — это потерять бдительность на последнем шаге. Когда кажется, что всё позади, и начинаешь беспричинно улыбаться, уверовав в удачу. А под ногой — ловушка. Капкан. И всё сначала — плен, пытки...

Человек присел на корточки, огляделся. На слух отыскал увильнувшее в сторону русло реки. Нашёл в его извилистом, зажатом камнями теле укромный изгиб. Разделся. Сначала постирал одежду, потом тщательно вымылся сам, используя вместо мочалки песок. словно товар на прилавок, выложил на ствол слоновой пальмы бороду, постарался поровнее отчекрыжить ножом лишнюю длину. Развевая волосы среди тростника.

Знал, учили: не потому он смог оторваться от погони, что преследователи оказались плохими ищейками. Настоящий охотник не

гонится за зверем, он перехватывает его близ водопоев, на перевалах, у переходов через реки и ущелья. По отношению к Егору задача у них одна — водворить беглеца на прежнее место. К прежним оковам. Но уже на обе руки. И на ноги тоже. И шею. И каждое утро затягивать на них болты на четверть оборота. Сначала это покажется незаметным, но со временем именно рассветы превратятся в ожидание очередной ступеньки в сужающийся ад.

Не дождавшись, когда до конца просохнет одежда, облачился в неё и медленно заскользил вниз. Бездомные и нищие в Латинской Америке на каждом шагу, и до темноты следовало просочиться в город, затеряться в его трущобах, чтобы утром проснуться уже жителем пока ещё незнакомого ему города.

Марево над ним тем временем стало рассеиваться, делая более чёткой картинку. Однако путник всё внимание уделял берегам, где его могут ждать охранники.

Долготерпение вознаградилось: около одной из излучин мелькнули две фигуры. Это могли быть рыбаки, путешественники, туристы, обыкновенные горожане — издали рассмотреть их не представлялось возможным. Но звоночек прозвучал, тетива натянулась: на пути в город находятся люди. Разведчик застыл, не сводя глаз с опасного места, и не успели они заслезиться от напряжения, увидел парочку вновь — она возвращалась тем же маршрутом.

— Ничего хорошего, — прошептал беглец по-русски, и это подтвердило: тюремщики находились на верном пути к его разоблачению.

Взгляд зацепился за песчаную полосу вдоль воды, на которой млеял на солнце вальяжный крокодил с раскрытой пастью. Около застывших челюстей скакал на тонюсеньких ножках коричневатый, с бело-чёрной полоской, чибис. Временами он исчезал в пасти бронированного ящура, выхватывая застрявшую меж клыков пищу или присосавшихся пиявок. И если в природе гармония нашлась у тьмы с холодом, то среди зверья нет более прочного союза, чем эта

нежданная парочка. Одна — универсальная зубная щетка, другой — склад пищевых продуктов. Уж они нашли бы способ скрытно преодолеть любой пост. Хоть по отдельности, хоть вместе...

«Вместе»...

Путник застыл от неожиданного озарения: не вместе, а вместе! И как он мог забыть «Закон крокодила»: не возвращайся по тому пути, по которому пришёл. Как ни универсально и неуязвимо бронированное чудище с острыми гребёнками по спине, охотники за его шкурой прекрасно знают главный недостаток рептилии: в воду он возвращается только по своему следу...

Теперь для разведчика самую большую опасность представлял верткий и осторожный чибис. Он не только чистит зубы аллигатору, но является и непревзойдённым сторожем. В отличие от полицейских, птица бдительности не теряет, и если тревожно вспорхнёт, крокодил тут же сомкнёт все тридцать клыков и бросит тело в родную водную стихию.

Спецназовец вытащил нож, потрогал заострённый конец лезвия, похвалил чесночного полицейского, не поскупившегося на хорошую сталь. Самая безопасная охота на крокодила — это, конечно, выстрелить в его улыбку, в уголок губ. Но где тот карабин!

Отыскав в зарослях корявый сук, проткнул его лезвием. В траве бесшумно подползти к сладкой парочке не удастся, самый оптимальный, но и самый опасный путь — это вода, приблизительно тридцать метров среди пиявок и возможных собратьев пляжного ловеласа! При этом зная, что крокодилы не сразу поедают свою жертву, а затаскивают её в подземные пещеры и дают время размокнуть, чтобы потом рвать кусками. Бр-р-р-р...

Охотник передёрнулся, но ступил в воду, держа наготове нож с уродливой рукояткой. Приходилось надеяться, что мощные особи не трепят рядом в водоёме себе подобных.

У самого берега ногу обожгло чьё-то прикосновение. Скорее всего, о тело споткнулся какой-нибудь малёк, но пловец поторопился на сушу. Это в Африке о попавшем в пасть крокодилу спокойно говорят: «Хаизуру схаури йя мунгу — Ничего не произошло, на то была воля Божья». Но не надо такой высшей воли! Нам желательно вкопать деревяшку с торчащим ножом в след, оставленный на песке аллигатором...

Вкопал. Отполз обратно в воду. Отплыл вниз по течению. Прихватив со дна камень поувесистей, восстановил дыхание и с шумом выскочил на берег. А вот теперь давай, чижик-пыжик, поднимай тревогу!

Чибис вспорхнул так стремительно, что едва не оставил лапки меж клыков. Крокодилу же пришлось сначала разворачиваться на сто восемьдесят градусов, а потом лишь бросаться к воде. Достичь её в один прыжок с коротких лап не смог, и тогда сильным гребком подтянул себя незащищённым брюхом к реке — да по песку, да по собственному следу, а там — по торчащему острию ножа. Из раскрывшейся пасти раздался утробный звук, ящур попытался вырваться из боли, жгущей снизу, но резкое движение только усугубило её.

Боясь, что добыча уйдёт, человек бросился к раненому чудищу, что есть силы ударил камнем меж глаз-перископов. Тут же отскочил, опасаясь удара хвостом. Вовремя — острый наконечник едва не достал ног. Охотник схватил новый камень, бросил его в открывшуюся навстречу пасть. Хвост вновь взметнулся, но уже не чувствовалось в замахе стремительности и неотвратимости возмездия. А спецназовец всё бросал и бросал в голову, в пасть камни. И коряга под нож, видать, попала удачная, держалась в песке надёжно, причиняя рептилии дополнительные страдания при каждом новом движении.

Когда обессиленный хищник оставил попытки вырваться из западни, человек сел неподалеку и, подобно чибису, принялся сторожить его. Это для аборигенов вся живность делится на два вида: много мяса и мало мяса. Змеи, косули, броненосцы съедаются сразу, а вот буйволы, крокодилы разделяются на части, мясо вялится на будущее. Знал и охотник, что делать. Сначала выпотрошить внутренности, отделить себе несколько кусочков мяса, по вкусу похожего то ли на курицу, то ли лягушку. Остальное закопать в песок, чтобы ничего не попало в воду и не привлекло запахом новых рептилий. Потом залезть внутрь чучела и на рассвете проплыть в нём меж полицейских постов...

...Рано утром по залитому солнцем, провонявшему рыбой городу бродил глухонемой старик. До него никому не имело дела, и это помогало бродяге исподлобья изучать дорогу в порт.

Там кипела своя, прибрежная жизнь: люди скандалили, что-то меняли, продавали, попрошайничали, готовили кушанья. Бродячие музыканты выщипывали из гитарных струн популярную здесь мургу, выдували трели на свирелях-чиримиях. Детвора гоняла в футбол, бородатые метисы, особо не прячась, предлагали прохожим белые пакетики с наркотиками. А в воздухе витал, царствовал божественный запах касуэла-де-марискос — тушёных морепродуктов.

Здесь легко было затеряться на года, но в толпу старик не пошёл. Он отыскал себе местечко в тени пальмы, где никто не мешал оглядеть и изучить флаги на кораблях, стоявших на рейде и под погрузкой.

Тамара Васильевна Ковальчук

Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), кандидат в члены Союза писателей Беларуси.

Автор 15 сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках.

Автор-составитель Международных коллективных сборников «Память храним» (2019), «Пока звонят колокола» (2020);

Победитель Международных литературных конкурсов «Мой аленький цветочек» (2018), «Прысвячэніі песняру» (2018), «Созвездие Духовности» (2019-2020), «Мгинские мосты» (2021), Всероссийского литконкурса «Весна Духовная» (2021), Международного конкурса, посвящённого 105-летию Константина Симонова (2020), Международного литературного конкурса «Центр Европы» в номинации «Художественный перевод» (2021). Обладатель литературной премии имени В. Никитина (2020); дипломант Международного литературного конкурса «Балтийский гамаюн» (2019), лауреат Международного конкурса «Мир без войны и насилия» (2020) Польша, золотой лауреат Международного конкурса «Десятая планета» в номинациях «Малахитовая шкатулка» и «Сказка ложь — да в ней намёк»; дипломант конкурса «Триумф короткого сюжета» (2021), Международного конкурса «Балтийский гамаюн» (2019), Всероссийского литературно-музыкального конкурса «Память» (2021). Литературный редактор Международного альманаха «Созвездие». Руководитель литературного объединения «Литератор» города Осиповичи Могилёвской области.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ БОРИСА ЭЛЬПИНЕРА

Художественно-документальная повесть (отрывок)

День первый Четырнадцатое мая Пробуждение

Его разбудил странный шёпот и пение птиц. Он открыл глаза и увидел перед собой белый потолок с одиноко висевшей лампочкой.

— Что, брат, очнулся? — услышал голос соседа справа.

— Где я? — спросил он вполголоса.

— Как и мы все — в госпитале, — весело защебетал парень. — Мы давно уже за тобой наблюдаем. Даже поспорили на число, в которое ты откроешь глаза.

Дверь широко распахнулась, и в палату вошёл доктор в белом халате. Он был маленького роста, с пролысинами на седой голове. На носу восседали маленькие очки. Заложив руки за спину, он уверенно подошёл к кровати и заговорил:

— Ну, что, батенька, как самочувствие? Вижу, что всему удивляетесь. Вы помните своё имя?

— Борис.

— А фамилию свою помните? — не унимался доктор.

— Кажется, Эльпинер.

— Ну, тогда я за вас спокоен. О полном выздоровлении говорить ещё рано, но успехи налицо. Сейчас вам сделают укольчик, а потом мы побеседуем.

Доктор ушёл, а Борис ещё раз окинул взглядом палату, в которой стояли рядами восемь кроватей. Рядом с ним лежал рыжеволосый парень высокого роста с правильными чертами лица, немного худощавый и очень бледный. Он читал книгу с названием «Овод». «Молодец, — подумал Борис, — образованный». Совсем скоро он узнает, что его соседа зовут Алёшка Белов. Далее стояла

кровать, не по размеру широкая. На ней лежал очень полный лысый мужчина. Это был Сан Саныч. Две пули пробили ему лёгкое и дышал он с трудом. Как человек остался жив, никто понять не мог. Но он жил, каждый день ведя бой со смертью. Во втором ряду на кровати от стены сидел маленького роста молодой человек лет тридцати. Это Саша Зайцев. Имя его и то, что был он снайпером, и то, что боялись его фашисты, как огня, Борис узнает потом. Немцы называли Сашу маленьким дьяволом. На следующей кровати сидел очень красивый парень, ровесник Бориса. Его голубые глаза и белокурые волосы выдавали в нём белоруса.

— Ты из Белоруссии?

— Нет. Из Брянска я, а вот мама родом из города Могилёва. Отец мой русский. Зовут меня Иван Петров. В Белоруссии бывал с матушкой очень часто. Там бабушка с дедушкой до войны жили.

— А сейчас, где они?

— Сожгли их немцы. Заживо.

Иван сжал кулаки, лицо его стало напряжённым, каждый мускул играл, как заводной.....

— Не казни себя, Иван. Ты ни в чём не виноват. А этим гадам,..мы ещё отомстим, — как мог, успокаивал Ивана Борис.

В палате нависла тишина. Борис никак не мог взять в толк своё появление среди этих ребят.

— Ребята, а как долго я нахожусь в госпитале?

— Да уже больше месяца. Только без сознания ты всё это время находился.

Борис закрыл глаза, пытаясь хоть что-либо вспомнить. Но, ничего на память не приходило.

— Послушай, Борис, — услышал он голос соседа, — а семья у тебя есть, помнишь отца?

— Маму. Маму, кажется, помню. А как тебя зовут, красноармеец?

— Лёшка. Алексей Белов.

— Спасибо тебе, Алексей Белов, за подсказку. Маму свою я люблю больше всех на свете.

Она у меня самая лучшая, самая красивая.

— А девушка у тебя есть, Борис?

— Нет, Алёша, не успел я по-настоящему влюбиться. Война помешала. Вот закончится она, проклятушая, тогда и влюблюсь, и семьёй обзаведусь, и детишки у меня появятся. Тогда всё будет, Алёша.

Удивлённый Алексей не знал, что и сказать. Он не хотел расстраивать товарища, но и молчать не мог. Как можно мягче он заговорил:

— Видишь ли, Боря, закончилась война. На дворе уже 1949 год. Весна. Четыре года мы живём без фрица. Последствия, конечно же, имеются, а войны нет. Она осталась в тебе, во мне, в миллионах советских людей, а фашистов мы растоптали. Знаешь, как мы их, упырей, гнали со своей земли! У меня вот у самого сердца сидит осколок, а я ещё жив. Он там шевелится, а я живу. Поверь, Борис, я ему не сдамся, и ты не сдавайся. На зло фашисту живи..

Борис онемел от услышанного. Как же так? Почему он не помнит этого?

Отвернувшись к стене, он заплакал. Слёзы текли на подушку и впитывались в наволочку. В памяти воскресли родители, многочисленные родственники, соседи...

Семья

Мама Бориса Михля была очень красивой еврейской женщиной с пышной копной чёрных волос, карими глазами и тонкими, чувственными губами. Худенькая, всегда опрятная, она привлекала взгляды мужчин и потому очень рано вышла замуж за хозяйственного, работающего Наровлянского еврея Моисея Эльпинера. Моисей

обожал свою жену, которая родила ему пятерых детей: Эстер, Ханну, Григория, Фирочку и Бориса.

Михля заботливо относилась к своим детям, но особое внимание было к самому младшенькому — Борису. Мать вставала очень рано, готовила завтрак в русской печи, ставила обед.... Затем шла доить корову, кормить курей, гусей, уток и спешила в дом, чтобы разбудить детей. Пока ребята одевались, она накрывала на стол. Для детей всегда были готовы пшённая каша, чашки с молоком. Старших детей заботливая мама отправляла в школу, а с младшими занималась, как могла, образованием: учила распознавать буквы, описывать картинки, считать на пальчиках до десяти. И только один Борис посапывал в своей люльке. Иногда он кричал и плакал. Тогда Михля оставляла детей и прикладывала маленького крикуна к груди.

В годик Борис уже стоял на своих маленьких ножках и с осторожностью преодолевал расстояние от кровати до стула, стоявшего у окна. Кучерявые волосы и карие глазки делали его похожим на девочку. Мать с замиранием сердца смотрела на своего мальчика, и говорила слова благодарности Всевышнему за это чудо. Отец всегда был занят на работе, Он рано уходил и поздно возвращался. Но детей своих очень любил.

Борис помнил себя лет с пяти. Как самого младшенького, его все любили.

Часто отец брал его с собой в выходной день на рынок, куда сходились почти все нарояляне, нарядившись в свои самые лучшие костюмы и платья. Надо сказать, что население посёлка на 70% составляли евреи. Но всем было комфортно и хорошо. И именно на рынке все друг перед другом раскланивались в приветствии, менялись товаром, покупали друг у друга живность, овощи, фрукты, кожу и многое другое.

Моисей, молчаливый и почтенный ко всем, с гордостью вёл своего любимца. А Борис, поняв, что может манипулировать отцом, выпрашивал у него сахарного петушка на палочке.

А ещё у Бориса был дед Натан, который имел в Наровле свою кожевенную фабрику. Мальчик очень любил бывать у деда. Здесь пахло кожей и солёным раствором, и ещё чем-то таким, чего маленький Боря не мог распознать. Так же у бабушки был очень красивый дом с высоким крыльцом в пятнадцать ступенек. И как только Борис подходил к дому, на крыльце появлялась бабушка Таисия. Она по-доброму улыбалась мальчику и протягивала свои тоненькие руки. От бабушки всегда пахло пирогами и молоком. Часто она угощала внука этими пирожками либо со сметаной, либо с вареньем. О, как это было вкусно!

У бабушки был ещё брат Аарон. Но Борис мало что о нём помнил и знал.

Сестра отца Норма ещё до революции уехала в Америку и обосновалась в Нью-Йорке, пела в театре «Карнеги Холл». Борис часто смотрел на фотографию красивой тётушки, которую никогда в жизни не видел.

Дети в семье подрастали. Эстер, которая родилась в тысяча девятьсот тринадцатом году, уже в восемнадцать лет вышла замуж и уехала с мужем Наумом в Хабаровск. Там родила детей Осипа, Голика и Григория. Первенец, девочка, умерла вскоре после появления на свет. Борису очень хотелось увидеть племянников, но те жили слишком далеко.

Ханна, тысяча девятьсот пятнадцатого года рождения, также сразу после окончания школы выскочила замуж за красавца Макса. Они жили отдельно от родителей, обзавелись хозяйством и родили доченьку Таечку. Борис иногда убегал к сестре, чтобы поддержать девочку за пухленькую ручку. Это ему доставляло большое удовольствие.

Григорий, родившийся в тысяча девятьсот семнадцатом году, выучился, так же как и Эстер, Ханна и Фира на бухгалтера. Затем встретил девушку Гину, на которой вскоре женился. И у Бориса появились ещё двое племянников: Толик и Марина.

Любимой сестрой Бориса была Фирочка тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения. Он не мог прожить без неё ни дня. Девушка также любила брата, занималась с ним, учила всему, что знала сама. Но Фирочка также вышла замуж за красивого, высокого, чернявого парня Яшку Райхельсона. Как завидовал тогда Борис Яшке! Как ненавидел его за то, что забирает сестру! Но, прошло время, Фирочка родила маленького Толика, и мальчик всю свою любовь отдал племяннику. Он уже не злился на Яшку, а с благодарностью смотрел на него. Когда сыну Фирочки исполнилось четыре года, Борис стал брать его с собой на реку Припять, которая протекала в сотне шагов от дома. Иногда они прихватывали удочки и часами наблюдали за поплавками. А как только ведёрко наполнялось рыбой, весело шагали домой. Но больше всего Борису нравилось, когда Толик визжал от восторга, видя трепещущих в траве раков.

Всё складывалось хорошо, Борис рос, учился и мечтал после школы поступить в военное училище. Уж очень хотелось ему надеть военную форму. Он часто представлял себе, как им будет гордиться мама, как отец будет рассказывать о его службе друзьям.

Окончив школу, он так и сделал: подал документы в военное училище. Это был тысяча девятьсот тридцать девятый год. Началась вторая мировая война. В Европе было неспокойно. Мама очень переживала за сына и в каждом письме просила не ехать в Испанию, как это делали многие ребята. Борис заверял мать, в том, что не ослушается её. А сам всей душой уже был там, на фронте.

Через год он получил отпуск и приехал домой. Маме он привёз цветной платок с бахромой. Михая не находила слов, чтобы от-

благодарить сына за внимание. Отцу Борис подарил большие командирские часы. Моисей долго их рассматривал, затем тщательно протёр мягкой тряпочкой и положил в коробочку.

— Отец, зачем же ты их спрятал? Часы надо носить на руке, — озадаченно обратился Борис к отцу.

— Так целее будут, сынок. Не дай Бог ненароком ударю, и что тогда? Нет, сын, пускай в шкафу лежат, надёжнее будет, — ответил Моисей, пряча коробочку в шкаф под слой полотенец.

Мать старалась накормить сына вкусно и пекла для него блины, тушила курицу, готовила то, что он больше всего любил. Как радовался Борис, когда вся семья собиралась за столом, выскобленном мамой до жёлтого цвета! Прибегал племянник Толик, просил рассказать о большом городе, об учёбе. Они часами сидели на завалинке. Борис читал мальчику книжки, рассказывал о солдатской жизни. И хотя Толик был ещё маленький, но понимал всё, что ему говорил дядя.

Десять дней пробежали, как одно мгновение. Собрав вещмешок, Борис уехал. Учёба продолжалась. А немцы уже были в Польше. Волнения, неуверенность в завтрашнем дне выбивали почву из-под ног.

В июне тысяча девятьсот сорок первого года Борис приехал домой. Утро выходного дня двадцать второго числа было омрачено страшным известием о том, что фашисты без объявления войны напали на нашу страну. Борис в срочном порядке вернулся в училище. Он просился на фронт. Но все его попытки заканчивались отказом. В скором времени из курсантов был сформирован запасной полк, в котором Борис пробыл долгое время. Шла война. Враг всё дальше и дальше наступал на страну. Сводки не утешали. А их не отправляли на передний край.

Его воспоминания прервала медсестра, которая вложила в его руку таблетки. Подав стакан с водой, сказала:

— Пейте, товарищ старший сержант.

— Я в звании младшего сержанта, сестричка, — ответил он неуверенно.

— Документы не врут, — ответила невозмутимо медсестра и ушла.

Борис выпил таблетки и уткнулся в подушку. Чувство досады угнетало его. Слезы опять потекли из его глаз. Незаметно он уснул.

Дмитрий Витальевич Кравченко

Родился в 1991 году в г. Армавире в семье инженеров. В 2008 году окончил среднюю школу с медалью и уехал учиться в Ростов-на-Дону. Начал свой творческий путь в студенческом культурном центре РГЭУ(РИНХ), который окончил по двум специальностям (экономика, юриспруденция).

Первый литературный конкурс выиграл в 2009 году, опубликовав стихотворение о зиме.

Лауреат поэтических конкурсов «Вехи победы», «Мельница», «Городская Лира», «Зеленый листок».

В 2014 году организует городской проект «Литературная Гостиная», включивший в себя лучших молодых поэтов региона.

В 2017 году переезжает в Москву, продолжает развивать проект «Литературная гостиная» и развивается сам. Выпускает 5 сборников стихотворений «Счастье проще, чем...», «Белая медведица», «С любовью к женщине», «Многогранный», «Опиши меня прилагательным». Член Союза Российских Писателей. Победитель фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест — 2020».

Публиковался в «Литературной газете», альманахе «Мост» и др.

С 5 лет занимается спортом. Мастер спорта по греко-римской борьбе.

РОСТОВСКАЯ САГА

[Синопсис романа]

Ростов-на-Дону, роскошная и таинственная южная столица середины десятых двадцать первого века. Лере (главная героиня) всего тридцать лет, но она уже занимает должность управляющей лучшего в городе ресторана «Тростник». Она фанатично предана работе, с которой прекрасно справляется, отлично знает мужчин,

чувственная и красивая, но еще не встретила свою любовь и не верит, что встретит. Ее вполне устраивают отношения без обязательств, но даже таких у нее нет в данное время, так как нет достойного мужчины.

Не так давно Лере удалось осуществить давнюю мечту: купить маленькую гоночную «Мазду». Ее хобби — драйвинг, которым она занимается по ночам с такими же отчаянными драйверами как она. Несанкционированные гонки являются одним из самых ярких моментов жизни южной столицы. Персонажи, входящие в клуб драйверов, представляют собой лучшую часть мужского населения Ростова, пусть они далеко не идеальны уже хотя бы тем, что шумят по ночам. Но Лера относится к драйверам как к братьям, она — один из драйверов.

Соперниками и конкурентами драйверов являются мотоциклисты-бикеры (а не байкеры). Один из них (главный герой Максим Бобрик), владелец салатного «Кавасаки», обходит Леру, он делает фальстарт, потому что любит Леру и влюбляется в нее.

После ночных покатушек, которые для Леры становятся роковыми, она знакомится с капитаном дорожной полиции Марком Ребровым (главный герой). Она чувствует симпатию к этому уверенному и по всей видимости предприимчивому человеку, но он и раздражает ее. Ребров начинает ухаживать за Лерой и ему удается расположить ее к себе.

Вскоре Леру снова задерживают на дороге. На этот раз — лейтенант Бобрик, который предстал перед ней в виде полицейского, а не бикера. Секрет Бобрика раскрывается лишь в самом конце романа, а пока читатель не знает, кто такой бикер на «Кавасаки» и не знает, что между Марком и Максимом уже много лет идет серьезная вражда. Чтобы решить проблему, Лера зовет старшего по званию Реброва, тот называет Леру своей девушкой, угова-

ривает Максима отпустить ее и не лишать прав. Конфликт старшего и младшего по званию идет давно, и не факт, что побеждает в нем старший.

Лера влюбляется в Максима с первого взгляда, она чувствует, что с ней что-то происходит необычное, но пока не может понять. Она приглашает его в «Тростник», чтобы отблагодарить. Тем временем Ребров продолжает ухаживания, зовет Леру на хоррор-квест, и ряд обстоятельств, в частности, авария, в которую попадает один из драйверов, интеллектуал Яша, помогают ему добиться согласия Леры. Марк влюблен, Лера пока только позволяет себя любить, но предприимчивый полицейский симпатичен ей, и она начинает привязываться к нему.

Параллельно развиваются отношения Леры с Максимом, о чем Ребров догадывается по ревности, но подтверждений не получает. Отношения с Максимом совсем другие: это поглощающая взаимная страсть. После концерта Басты Лера устраивает разнос Максиму за то, что он якобы отказывается платить. Потом она подвозит его домой, но возвращается, возмущенная своей слабостью. Максим ревнует ее к Реброву, хотя не уверен, что есть причины. Чтобы вызвать чувства Леры, Максим приглашает официантку Гелю на свидание. Геля выдает секрет Лере, а та решает прийти на это свидание вместо Гели и заменяет ей выходной — рабочим днем, в рабочий день — выходным.

Первое страстное свидание влюбленных Леры и Максима происходит в самом центре южной столицы вечером и полно тревожных предзнаменований. Заканчивается оно почти ссорой, но такой же страстной, как и близость.

Тем временем таинственный бикер на салатом «Кавасаки» становится личным врагом Реброва. Бикер сбил зеркало машины Марка ногой, да еще в тот момент, когда в салоне была Лера. Марк

чувствует, что с этим странным бикером, который даже в среде бикеров мало известен, связано что-то, для него самого опасное, и начинает розыски, употребляя все возможные и невозможные методы.

Таинственный бикер оставляет под дворником Лериной «Мазды» записку с приглашением на гонки, чтобы она попыталась взять реванш. Сосед Леры Денис, с которым она иногда подолгу беседует о жизни, талантливый художник и архитектор, сообщает ей о записке. До назначенной в записке даты остается всего два дня.

Лера находится в недоумении. Она поняла, что любит двух мужчин одинаково сильно, но совсем по-разному.

Лера звонит Максиму и спрашивает, что он хочет за то, чтобы оставить ухаживания за Гелей. Максим называет свою цену: это участие в гонках на Лериной машине. Лера договаривается со своим коллегой по клубу драйверов Юрой, что он прикроет ее подмену на предстоящей гонке. Чтобы подготовить Максима, устраивает тест-драйв, после которого влюбленные снова ссорятся и, кажется, насовсем. Но Максим внезапно пропадает. Лера чувствует себя оскорбленной.

Максим не доволен тем, как развиваются его отношения с Лерой. Он не хочет делить ее с кем-то другим и решается на новое свидание с Гелей, чтобы забыть Леру. Лера узнает о свидании и напивается, после чего решается сделать выбор в пользу Марка. Их отношения начинают приобретать устойчивость. Максим отправляет Лере сообщение с признанием своей вины и с просьбой о встрече для разговора, но ответа не получает.

Тем временем настает время условленных бикером на «Кавасаки» ночных гонок. Денис уговаривает Леру взять его с собой. Во время гонок случается авария, в результате которой Лера чудом остается жива, а Денис погибает.

Бобрик спасает Леру, но не спас Дениса, потому что ремень безопасности, которым он пристегивался, заклинил. Но Бобрику

удается взять из рук Дениса листок бумаги, на котором его портрет. Он еще надеется рассказать Лере правду о себе, о своей любви и о Реброве.

В больнице Леру навещают сначала Максим, а потом Марк. Максим оставляет записку, в которой назначает свидание. Лера очень наблюдательная женщина. В рассказе Максима, который, кажется, никогда не врет, она замечает нестыковки, а в рассказе Марка, который, кажется, врет всегда, — все сходится. Она показывает записку от бикера на «Кавасаки» и записку Бобрика Марку. Подозрения Реброва получают доказательную базу. Он начинает охоту на Бобрика. Во время этой охоты происходит авария, где оба одноклассника и соперника гибнут.

Этой же ночью незнакомый человек в черном доставляет Лере коробку с подарком. Внутри лежат шлем бикера, который ездит на салатовом «Кавасаки», портрет Максима, сделанный Денисом, и письмо от Максима.

Лера осталась без соседа, с которым можно поговорить по душам на любую тему, и без двух мужчин, которых одинаково и так по-разному любит. Она решает оставить драйвинг.

В годы учебы Максим дружит с Викой, которая ему близка как сестра. Однако они не любовники. Максим знает, что Вика любит повеселиться в пьяной компании, но не запрещает ей. Вика после одной из таких вечеринок впадает в депрессию и выбрасывается из окна. Причиной оказывается распространенное по интернету видео, где пьяную Вику насилуют. Максим узнает на руке насильника браслет Марка. Он избивает Марка. Он надеется доказать его виновность, но ему не удается.

Этот роман нельзя отнести ни к категории fiction, ни к non-fiction, и в этом его достоинство, — потому что он будет интересен

в обеих. По жанру это скорее классический саспенс с мелодраматическим сюжетом. Тревожная атмосфера, дурные предзнаменования, страсть, сложные отношения — и все это на фоне неповторимой южной столицы, которую автор отлично знает и любит. Хочется отметить необычный трагический финал. Вроде бы героиня теряет все, а на самом деле — начинает совершенно новую жизнь. Роман не ведет к нарочитому катарсису, катарсис скорее остается за скобками. И это довольно новый и интересный ход. Вроде бы все мрачно и плохо — а вроде бы наступает обновление.

Виталий Митрофанович Молчанов

Председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», директор Областного Дома литераторов им С. Т. Аксакова. Родился 24 сентября 1967 года в г. Баку (АзССР), закончил Государственную академию нефти и газа им. И. М. Губкина.

Лауреат премии Губернатора Оренбургской области «Оренбургская лира», Региональной премии им. П. И. Рычкова, премии им. С. Т. Аксакова, Спец. премии Международной Волошинской премии, Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Общероссийского конкурса им. Н. А. Некрасова, Международного тургеневского конкурса фестиваля «Бежин луг», Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», Международного конкурса на соискание премии им. А. И. Куприна, Международного цветаевского конкурса, премии журнала «Дети Ра», лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции», финалист премии «Золотой Дельвиг» 2015 г., победитель IV международного поэтического конкурса имени С. И. Петрова, призёр всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» и т.д.

Публиковался в «Литературной газете», в «Независимой газете (Экслибрис)», в журналах «Дети Ра», «Наш современник», «Зинзивер», «День и ночь», «*Prosōdia*», «Футурум АРТ», «Южное Сияние», «Белая Вежа», «Огни Кузбасса», в альманахах «45 параллель», «Лёд и пламень», «Паровозъ», «ЛитЭра» (Москва), «Земляки» (Нижний Новгород), «Обзор» («Континент», США), «Русское литературное эхо» (Израиль), в альманахах «День Поэзии», «Московский Год Поэзии», «Башня» «Гостиный двор» (Оренбург), в антологии «Поэтический Атлас России» и т.д.

Автор восьми поэтических книг для взрослых и детей.

ДОНЕЦК

Поэма

*Земля — корабль!
Сергей Есенин*

1.

Ныряешь в сон, выныриваешь в явь.
Мы по шоссе-реке несёмся вплавь,
На «Шевроле» штурмуя расстоянье,
Земные мили вспенив за кормой.
Новоазовск объят вечерней тьмой,
За долгий день он вымотался крайне.

Таможня из окна глотает пыль,
К автомобилю льнёт автомобиль,
Полощет стяг осенний дымный ветер:
Там уголь чёрен, кровь на нём красна
Под синью неба... «Нет, не допоздна.
Досмотрим быстро», — прапор нам ответил.

Получены обратно паспорта,
Шофёр смеётся басом: «От винта!» —
Рубаха-парень с выучкой шахтёрской.
В Донецк, на полуостров ДНР
«Лачетти» правит на лихой манер,
И семечки мне сыплет полной горсткой.

2.

До фронта километров двадцать пять,
Здесь о войне не любят вспоминать,
И так она пылает в каждом слове,

В поступке, взгляде, жесте и судьбе.
— В пятнадцатом вернулись мы к себе,
Считай, весь год промаявшись в Ростове...

Плывём в Донецк сквозь шхеры блокпостов:
Погашен свет, порядок здесь таков —
Без фар включённых проходить проверку.
«Случалось, дальний врубят, и — огонь, —
Перевернул водитель наш ладонь:
«Мы, словно карпы, сразу пузом кверху».

Не льётся водопадом разговор.
Вопрос — ответ. С низины — на бугор.
Мелькают на обочинах лисицы.
— Зверья полно, но есть большое «но» —
Охотиться в войну запрещено.
Подумают, что враг сумел пробиться.

3.

Пейзаж донецкий с оренбургским схож.
Всё степь да степь... А тракт похож на нож,
Нацеленный Донецку прямо в сердце.
— Враг был отброшен, сломлен, не разбит.
Окраины трясёт, и центр дрожит, —
Вдавил педаль шофёр тяжёлым берцем.

Прекрасный город миллиона роз,
В край терриконов корневищем врос,
С Вождём одно носивший прежде имя,
Вновь по тебе стреляет подлый тать —
По школам бьёт, не в силах дух сломать...

Стерев слезу, прощаешься с родными.

Поверь, Донецк, Россия за спиной.

Ребёнок узнаёт снаряда вой:

— То ж мина, дядя. Видишь — пролетела?

Ныряешь в сон, вынырываешь в явь:

«Спасибо, брат, к причалу катер правь.

Час комендантский нарушать не дело».

4.

Стреляя в брата, попадёшь в себя.

Дырявый чёлн хлебнёт воды, скрипя

В последний раз над бурною стремниной.

— Без Авеля скитаюсь, не живу,

Рассудку вопреки его зову,

Над бездною склонившись — Украиной.

Распахнуто в гостинице окно,

Мы смотрим невесёлое кино —

Трамвай последний проутюжил рельсы,

На улице вечерней — ни души.

Не спит Донецк, живущий не по лжи,

Но под прицелом ВСУ и прессы.

Слова скупые сводок ДНР,

И голубой экран вдруг посерел:

Взмахнула смерть зазубренной косою,

Разрезав нити норн, впуская стынь.

Сражен отец и брат, супруг и сын

В квартале мирном, дочь прикрыв собою.

5.

Кровь с рук убийцы временем не смыть.
Газетчиков свидомых тщетна прыть,
Запрыгала на месте пропаганда,
Когда сказали: «Кокорев-полкаш
(Дончане — вот губитель гнусный ваш!)
Отдал приказ, и залпом била банда...

«Земля — корабль!». Есенин, как ты прав!
В ковчеге общем, жалкий скарб собрав,
Плечом к плечу, кто к смерти, кто в бессмертье,
Плывём сквозь галактическую тьму,
Несущие корону и суму
В житейской повседневной круговерти.

Да не померкнет в мире Русский свет!
В годину фронтовую шёл балет
На славной сцене в Оперном донецком.
Как много было радостных минут —
По морю плыл на родину Пер Гюнт,
И нам бы так уплыть в мечтанье детском.

6.

«Мой дядя, — говорил мне местный гид, —
В Сургуте жил — не клят, не мят, не бит.
В нефтянке заработал состоянье.
Построил в Запорожье новый дом,
Машинку приобрёл себе потом,
И денежку скопил на пропитанье.

Нам с мамой не подкинув ни рубля,

Звонит частенько: «Скинуть с корабля
Давно всех вас пора, сепаратисты,
И Украина дальше поплывёт!..».
Записан в «Правый сектор» идиот
И числится одним из активистов».

Им с Кокоревым, видно, по пути...
Брёл Каин грешный — гневно «Уходи!»
Кричали люди и бросали камни.
Стреляя в брата, попадёшь в себя,
Родную кровь несправедно губя.
Срок злодеяньям не бывает давним.

7.

Пусть розы, прорастая, рвут снаряд!
Четыре скорби выстроились в ряд,
Взывая к небу чёрным криком бронзы.
Погибшим — память, а живым — урок.
Остановись, не нажимай курок
По злобной воле западного бонзы.

В музее — залы новые войны.
Заблудших души в лапах сатаны
Дрожат от страха и харкают ядом.
Летит в Донецк пылающий свинец.
Мать, всю в слезах, прижмёт к себе отец:
— Сынок наш пал на поле битвы с адом.

Библиотекарь — юная вдова,
Находит сокровенные слова:
«Приехала к родне да и осталась».

Я здесь нужней, война ж не навсегда,
Вновь расцветут в Донбассе города,
Осталось подождать всего лишь малость».

8.

В Макеевке читающей стихи
Готов простить огрехи, не грехи —
Неточность рифм и ритма спотыкачи.
В четырнадцатом начала писать —
И горем переполнилась тетрадь,
Такая, что не плачущий заплачет.

К ней Муза приходила между дел,
Когда закончен вражеский обстрел
И раненые помощь получили.
Харону медный уплатив обол,
Садилась медсестра за шаткий стол
День превращать в рифмованные были.

Бушует Украины водоём —
Майдан, скандал, коррупция, погром.
Неправедные праведными правят.
Лишь доллары иудины в глазах,
Пора прикрыть от срама образа...
В Донецке снова сталь в мартенах плавят.

9.

Я в Оренбург вернусь не налегке.
Слова друзей на русском языке —
Стихи и прозу — соберу в дорогу.
Флаг чёрно-сине-красный и значок

С орлом двуглавым — в сумку на бочок,
И можно в путь обратный, слава Богу.

Опять плывёт по трассе «Шевроле»,
А мысли о растерзанной земле
Тревожат душу, беспокоят сердце:
Одна страна, один родной народ
В прицеле вражьем скоро пятый год.
Откройте дверь, раз растворили сенцы!

В Россию из России — только вслух!
Земля — корабль, и мощный русский дух —
Бессменный кормчий яростной планеты.
Пусть розы, прорастая, рвут снаряд,
Враги в костре истории стоят,
И город роз пожнёт свои букеты!

Светлана Николаевна Романова

Родилась в 1972 г. в городе Санкт-Петербург. В 1989 году поступила, а в 1994 году закончила Санкт-Петербургский Государственный Университет по специальности: социология, преподаватель социологии.

С 1994 по настоящее время работает в Государственном бюджетном учреждении дополнительного образования Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. Имеет многочисленные публикации по специальности в журналах и интернет — порталах районного, городского, всероссийского и международных уровней.

Активно занимается творческой деятельностью с 2009 года.

Публикации:

1. «Петенька и его семья», рассказы, издательство «STELLA», Германия — Бельгия, 2009 г.
2. «Перышко ты мое...» — победитель Международного литературного конкурса «Гоголь- фэнтези» им. Рудого Панька (Херсон — Каховка, 2010 г.),
3. «Когда я стану императрицей...», исторический роман, издательство «Stella», Германия — Бельгия, 2019 г.

Книги находится в библиотеках г. Мюнхена, Франкфурта — на — Майне, Берлина. По роману «Когда я стану императрицей...» создана аудиокнига (под патронажем издательства STELLA — VERLAG (Германия)), в создании которой приняли участие писатели из Израиля, России, Германии. Данному роману, а также новому произведению «Грозный князь Смарагд» посвящена страница <https://www.facebook.com/profile.php?id=100002887085476> (подписчики более 3600 человек).

КОГДА Я СТАНУ ИМПЕРАТРИЦЕЙ...

{Синопсис}

1701 год. Северная война. Польская княжна, Марта Скавронская, готовится к свадьбе с влиятельным гетманом, когда шведский король Карл насильно увозит ее в свой лагерь и надругается над ней. Она страстно клянется отомстить обидчику. Гетман расстрелян. У его друзей не получается освободить Марту. Лишь один из офицеров спасает ее от обезумевшего Карла и помогает Марте скрыться у его отца в шведском Мариенбурге. Движимая местью, Марта открывает ворота города во время осады города русскими войсками. Русский фельдмаршал Шереметев, в благодарность за содеянное, берет ее к себе прачкой и долгое время не догадывается, что Марта знатна и образована, настолько она не в ладах с собой, лишена мужества и сломлена духом.

В русском лагере ее замечает Александр Меншиков. Он похищает Марту и привозит в Москву, где она сталкивается с царем Петром, который, пожалев красивую иностранку, устраивает Марту в немецкую кондитерскую. Она — безвольная игрушка в руках судьбы до того момента, пока не решает начать жизнь с нового листа и уехать вместе с новым другом итальянцем Доменико Трезини в только что заложенный Санкт-Петербург. Она — нянька племянницы итальянца и его домоправительница. Все считают их поездку в Санкт-Петербург глупостью, ибо уверены, что царь Петр на Балтийском море потерпит крах.

Молодой город жаждут уничтожить войска шведского короля Карла, засылая в него шпионов, организовывая открытые нападения морской эскадры и коварные тайные диверсии. Взорвана новая Петропавловская крепость, похищен главный архитектор Доменико Трезини, подложена отравка в еду Александра Меншикова, едва не становится жертвой покушения сам царь Петр.

Враги города становятся для Марты символом всего того, что так долго мучает ее — страшные воспоминания, ужас пережитого, неуверенность в грядущем дне.

Осенью город переживает наводнение, а зима 1704 года приносит страшные морозы. Начинается цинга. Заготовленных впрок продуктов не хватает. Марта вместе с жителями города сопротивляется военной угрозе и природным катастрофам. В тяжелых жизненных лишениях и трудах начинается возрождение новой Марты, которая уже ничего не боится — обстоятельств, смерти, ответственности, любви друзей и ненависти врагов.

Девушка влюбляется в русского царя, признается ему в своих чувствах, но до взаимности ему далеко. Царь занят постройкой кораблей, закладкой новых заводов и мельниц. «Не вздумай полюбить его! — предупреждают Марту. — Металлургическое дело для него важнее поцелуев!» Но обаяние княжны, ее бескорыстие, доброта, мужество, знания привлекают к ней русского царя.

Санкт—Петербург теперь хорошо защищен, политические интриги шведов и британцев разрушены, и Петр увозит Марту в Москву, где она знакомится с сыном царя — Алексеем. Царевич поначалу не принимает новую возлюбленную своего отца, но Марта благородно помогает наследнику подружиться с купеческими дочерьми, которые его отвергают. Царевич, не вынося упреков и требований сурового отца, тайно уезжает в монастырь. Родные осуждают юношу, и только Марта защищает его. Он становится ей верным другом.

Шведский король Карл наступает на Москву. Получив ужасную весть, что царь Петр пленен, Марта храбро отправляется в армию и появляется прямо к началу Полтавской битвы.

После победы Марта не сидит сложа руки. Она — прекрасный лекарь, научившаяся врачевать еще в Мариенбурге, и потому

занимается ранеными — благородно не деля их на и русских и шведов, чем заслуживает особую симпатию русского царя. Петр остается в армии, а Марта возвращается домой.

В Москве к беременной княжне проникает бывшая супруга царя — Евдокия Лопухина. Хитростью она заманивает Марту в Новодевичий монастырь. Лопухина желает нанести мужу страшный непоправимый удар — запереть соперницу в монастыре до ее смерти. Марта в монастыре рождает дочь. Лопухина лелеет коварный план пострига ненавистной княжны и похищения ее младенца. Царь Петр готов на все, чтобы найти Марту. Он, царевич Алексей, глава Преображенского приказа Ромодановский, адмирал Апраксин и прочие самолично обыскивают самые страшные вертепы нищих в Москве, посылают гонцов к границе, проверяют всех, но отыскать следы Марты не удается. Никто не может вырвать княжну из неизбежного ужаса — за себя и за дочь Петра. Только благодаря помощи одной из монастырских послушниц Марта получает возможность передать о себе весточку возлюбленному. Петр приезжает за ней. Марта и их дочь Аннушка спасены.

Король Карл, желая морально сокрушить царя Петра, приглашает Марту в Швецию, обещая осыпать ее золотом и сделать ее своей императрицей. В свою очередь, хитрый шведский министр Пипер уговаривает Марту бросить холодную и неродную Россию, предлагая уехать в Стокгольм. Княжна боится, что, ради окончания Северной войны, ее отдадут Карлу. Но царь Петр наотрез отказывается торговать своими людьми. Северная война продолжается.

Марта принимает все большее участие в делах царской семьи — занимается театром с сестрой Петра, сообразно европейскому этикету организует встречи с послами европейских держав. Родственница царя Анна Иоанновна не принимает Марту с девочкой, считая дочь царя незаконнорожденной и не достойной жить

среди остальных. Царь Петр выдает Анну Иоанновну замуж и отправляет в Саксонию.

Бывает ли Марте тяжело с царем русским Петром? Конечно! Марте приходится бороться с его ревностью, мужскими предрассудками, вынужденно противостоять наветам и одиночеству.

Петр предлагает Марте свое сердце и имя. Та соглашается. Она не присутствует на важнейших битвах Северной войны, но сражается за дело своего любимого в Москве и в Петербурге. Исключение составляет только Прутский поход, когда она, уже законная жена, сопровождает царя в Турцию. Марта жертвует все свои драгоценности, чтобы попавшим в засаду русским войскам было чем откупиться от турецкого султана.

Русские войска свободны. Вся жизнь лежит перед суровым правителем северной страны Петром I и польской княжной Мартой Скавронской. Царевич Алексей ждет отца и мачеху на свое венчание в Торгау.

Марсель Шайнурович Салимов (Мар. Салим)

Писатель-сатирик, поэт, публицист, общественный деятель
Член Союза писателей России и Башкортостана,
член Союза журналистов России и Башкортостана,
почётный член Интернационального Союза писателей (Москва),
член Международной федерации журналистов (Брюссель),
член Союза писателей Северной Америки (Монреаль—Нью-Йорк),
член Евразийской творческой гильдии (Лондон), член Ассамблеи
народов Евразии,
действительный член Академии российской литературы,
Русской академии наук и искусств, член-корреспондент Академии
поэзии (Россия),
академик Международной Академии русской словесности,
Международной Академии литературы и искусств Украины,
Международной Академии литературы, искусства, коммуникации
(Германия).

*Народный писатель Республики Башкортостан, заслуженный ра-
ботник культуры РФ и БССР;*
кавалер ордена Дружбы и общественных орденов «За вклад в про-
свещение» и имени
В. Маяковского; обладатель Индульгенции Международного Дома
юмора и сатиры (Габрово),
Знака ордена св. Александра Невского «За труды и Отечество»
и званий «Посол мира» (Германия, США), «Золотое перо России»,
«Серебряное перо Руси» и «Золотое перо Руси»; лауреат междуна-
родных литературных премий имени С. Михалкова, В. Гиляров-
ского, В. Набокова (Россия), «Алеко» (Болгария), имени Н. Гоголя
(Украина), имени Э. Хемингуэя, М. Твена (Канада), имени Дж. Лон-

дона (США) и Лондонской премии имени Ч. Диккенса (Великобритания); лауреат Евразийской международной премии с вручением Золотой медали; лауреат XIV Артиады народов России; лауреат премий Союза журналистов России и Кабинета Министров РБ имени Ш. Худайбердина; лауреат международной общественной премии имени М. Гафури (Башкортостан); лауреат международных фестивалей «Словенское поле» (Псков), «ЯЛОС» (Ялта), «Интеллигентный сезон» (Саки), «Поехали! В Астрахань!»; лауреат международного конкурса имени де Ришелье (Одесса — Франкфурт-на-Майне); лауреат всероссийских конкурсов «Бумажный ранет», «Золотая полка отечественной журналистики»; лауреат «АИФФТ» с вручением Серебряной медали (Сочи) и Золотой медали (Москва); победитель конкурсов «Лучшие поэты и писатели России 2013» с вручением именного «Золотого пера», «Российская литературная премия 2018» с вручением медали «За заслуги в области культуры и искусства», «Агальматолитовое перо» (Тува).

Председатель совета Объединения ветеранов журналистики Башкортостана и член совета Союза журналистов РБ, руководитель секции сатиры и юмора и член правления Союза писателей РБ, председатель комиссии по связям с общественностью и массовыми коммуникациями и член президиума Башкирского республиканского совета ветеранов,

член совета Башкирского регионального отделения Российского общества «Знание», член правления Международной ассоциации творческих работников, член редколлегии газеты «Ветеран Башкортостана» и журнала «Хэнэк» («Вилы»), член редакционного совета всероссийского литературного журнала «ЛИФФТ».

(Главный редактор башкирского сатирического журнала «Хэнэк» в 1980—2010 годах, основатель и первый главный редактор юмористического журнала «Вилы» в 1992—2010 годах, председатель Союза журналистов Башкортостана в 1996—2006 годах; автор 48 книг на русском, башкирском, татарском, чувашском, английском и болгарском языках; отдельные произведения писателя переведены почти на полсотни языков и опубликованы во многих изданиях в России и за рубежом.)

СТРЕЛЫ АМУРА БАШКИРСКОГО САТИРИКА С ФРАНЦУЗСКИМ ИМЕНЕМ

От смешного до великого

«От великого до смешного — один шаг».

(Из уст Наполеона)

«Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и её пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на центральной улице увидел настоящего француза с отмороженными ушами...»

(Из фельетона Ярослава Гашека

«Из дневника уфимского буржуя»)

Наполеону кто мог помешать

Явить Европе норв свой и силу?!

Но понял он, придя с мечом в Россию,

Что меж великим и смешным — лишь шаг...

С тех пор прошло уже две сотни лет.
Но не случайно, видимо, что именно
Сегодня я —
башкир с французским именем —
Опять ту правду вытасил на свет.

Кому-то — смех, ну а кому — хоть плачь!..
Гоня французов, конники-башкиры,
Прошли вместе с Кутузовым полмира,
Чтоб по Парижу прокатиться вскачь.

Поди, сдержи в порыве к славе наших-ка!..
Век пролетел — и, повторив накал,
Уфа встречала Ярослава Гашека,
Что Колчака из города прогнал.

Мечтал ли Швейк, что этот край под снегом
Он покорит однажды навсегда?
Да, он пришёл с оружием сюда,
Но покорил сердца народа — смехом!

Он сделал то, что совершить не смог
Наполеон, изранив душу века.
Ведь мы за то и полюбили Швейка,
Что он проделать Гашеку помог
Тот путь, что от смешного до великого
Ведёт людей сквозь беды и года.
Горит над ним сатирикам звезда,
Всех остальных одаривая бликами.

Что нам от войн великих остаётся?
Народ читает Швейка — и смеётся...

ПОТОМКИ «СЕВЕРНЫХ АМУРОВ»

*«Нас особенно угнетают отряды башкир,
вооружённых копьями и луками».*

(Из записок французского мемуариста Дююи)

*«Они носились вокруг наших войск,
точно рои ос, прокрадываясь всюду».*

(Из мемуаров наполеоновского генерала де Марбо)

*«Наибольшее волнение у всех вызывали башкиры,
о которых можно было услышать самые невероятные
вещи и которые по слухам имели только один глаз на лбу,
длинные морды и огромные клыки вместо зубов...»
(Из рассказа Гусселя «Первые русские в Лейпциге»)*

Европейцы — бровь дугою —

Имя пробуют на вкус.

Так и эдак... Что такое?

— Мсье Марсель, ты кто, француз?

Отвечаю: — Я с Урала!

Имя там моё, пардон,

У башкир любимым стало,

Будто вина из Бордо.

— Неужели? Быть не может!

Где Уфа, а где Париж!!!

И с Уральских гор, похоже,

Ты его не разглядишь.

— Что ж, припомним время оно, —

Говорю своим друзьям, —

Тот «визит» Наполеона

«По нутру» пришёлся нам.

Вместе с русскими башкиры
(Кони, кони — пыль столбом!)
Императора-кумира
Проводили с ветерком.

Вились роем, словно осы,
Чтоб никто не заскучал.
И Париж немым вопросом
Смуглых всадников встречал.

Просвещённые французы
Лицезреют: «Что за люд?
Лук и стрелы... Эти «музы»
До добра не доведут».

Ждут погрома. Ждут изъяна.
«Дождались... — вздыхают в стон. —
Лошадей поить в фонтанах —
Это ж вовсе моветон!»

Пригляделись парижане,
А джигиты — вот те на! —
Не берут трофейной дани,
И война им не война.

Вольнолюбы, не понуры,
Что затеют — будет толк.
Званье «северных амуров»
Заслужил башкирский полк.

Ну, навёл я лоск на глянec,
Есть вина на них одна.
Брать в полон сердца красавиц —
Разве это не вина?

Вот Марат, Марсель, Диана,
Вот Луиза... В край родной
Имена заместо дани
Увозил башкир с собой.

И когда такое дело,
Кто-то хочет воевать?
Не взыщите! — надоело
Всех до дому «провожать».

Да, башкир гостеприимен.
Но не сын ли он страны —
Той степной, где и поныне
Не остыли скакуны?

Два столетья миновало.
Год за годом двести лет.
Много это или мало?
Кто мне сможет дать ответ?..

Сотней дум обуреваем,
Вновь в Париж вернулся я
И с холма обзираю
Елисейские поля.

Башни Эйфеля не трону,
И фонтаны — стороной.
На зелёные газоны
Я — ну что вы! — ни ногой.

Сатирические стрелы
Сдал в ломбард, и вот он я!
Привечайте, менестрели, —
Нет ни лука, ни копья.

Правнук «северных амуров»,
По Парижу я иду...
Неужели стрел Амура
Для красоток не найду?!

ГОРОД МОЕГО ИМЕНИ

Знаю, знаю! Есть город такой...
Тёзка мой, он плечами покатай.
Мы сошлись под единой звездой,
И две молнии слились на карте.

О, Марсель... Старый порт... О, мой брат!
Никуда от судьбы нам не деться.
Только ты — Нотр-Дам-де-ля-Гард
Да над миром Мария с Младенцем.

Дух корсаров и зычных торгов.
На судах отбивают шесть склянок.
Нет отважней твоих моряков
И прелестнее дев-марсельянок!

Ах, как много великих людей,
Тех, что стали навек городами,
Так мужайте, потомки, смелей,
Наречённые их именами!..

А на улице Ля Канебьер
Вряд ли кто-то Марсея узнает.
Дует ветер. На новый манер
«Марсельезы» мотив напевает.

ПАРИЖ

— Где Париж?
Без лишних слов:
— На Урале! — утверждаю...
Там потомки казаков
В деревеньке проживают.

Из башкирских казаков,
Что в Париже, не на бале
Погостили средь дворцов
И гвоздя в пригляд не взяли.

Но француженок-невест —
Красотой весомей злата!..
Пуд-другой коню не вес,
А джигиту — быть богатым!

И версальских выше крыш
Вёз мечту батыр из дали,
Чтоб увидеть свой Париж
Поскорее на Урале.

Так возник Париж-башкир
И живёт легко и просто...
Славь, петух, окрестный мир
Поутру многоголосо!

Нет ни горя, ни забот,
Ни другой какой печали...
А поспрашивай народ,
Скажут: «Всяко повидали».

...Спит Урал седой.
В дыму —
Евразийская граница.
Спит Париж. Во сне ему
Соименник старший снится.

*С башкирского перевели
Николай Переяслов и Сергей Янаки.*

Сокова Ольга Будимировна

Родилась в г.Орле 4 октября 1967 года. Окончила художественно-графический факультет ОГПИ, магистратуру философского факультета ОГУ. В настоящее время свободный художник, автор собственных песен. Лауреат 1-го регионального конкурса авторской песни и романса им.В.Трахтенберга в номинации «Авторская песня» Член Союза российских писателей.

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО»

{отрывок}

РАССКАЗЫ СОСЕДА

Сентябрьский тёплый вечер. Под ногами яркие, красивые листья. Обычно закрытая, но теперь распахнутая настесь кодовая дверь. Если присесть на голубую, околоподъездную скамейку и окунуть лицо в заходящее солнце, кажется, вот оно счастье, и больше ничего в жизни не надо.

Нас трое, вышедших из холодных, не отопленных квартир и встретившихся под своими окнами. Иван Васильевич с тросточкой, остановившийся побеседовать, так и не донёсший мусорное ведро до контейнера, я и бабушка Валя. Лет ей немало, войну пережила, а на вид старушкой не назовёшь. «Как Вы интересно в прошлый раз рассказывали!» — стараюсь я удержать соседа. А он и рад поговорить.

«Во время войны мне тринадцать было. Сидим в школе. Вдруг вбегает бледный учитель. «Быстрее расходитесь по домам! Немцы уже в Кромах!» Сидим, прячемся в подвалах. Думали, бомбить будут. Наутро выходим — тихо. Вдруг жужжание на улице. И мимо пронёсся мотоцикл, а в нём — немец. В форме немецкой,

какую мы уже видели на картинках. Не до нас, детей, ему было. Потом стали стучаться в двери. Солдат расселять по квартирам. Жестами показывают: вы там живите, а мы эти комнаты займём. Вешали только партизан, а если тише воды ниже травы кто жил — ничего. Однако евреям сначала приказали носить жёлтую звезду на одежде. А потом те и вовсе из города исчезли. Расстреляли, видно». «Точно расстреляли, — вмешивается тётя Валя, — в ров свезли. А один, спасшийся, попросился спрятаться у одной женщины, а та его выдала. Но судьба потом так с её сыном обошлась — не дай бог никому». «А вот ещё, послушайте, — перебивает соседка-как-то идём с приятелем по ул. Ленинской, немец один подозвал нас: «кам!» Мы пошли за ним. Подвёл нас к грузовику. «Залезайте! — говорит по-немецки, — домой в девять вечера вернётесь». Пришлось нам трудиться, весь день ящики перетаскивать. Заглянули в щёлочку одного из них, а там — носки. Но хоть и нуждались мы в этом ценном товаре, спереть было нельзя — опасно. Обрати в город нас довели. Мама очень обрадовалась возвращению, ведь не знала, куда сын пропал. А в другой раз я за водой пошёл с ведрами, а немец зовёт «пошли!» Привёл меня к повару, вылил мои два ведра в котёл. И ещё заставил несколько раз воду принести. Под конец только сжалился, взял одно ведро, ношу со мной разделил». «А может быть, вообще на улицу не надо было выходить, чтоб не попадать в такие переделки?» — спрашиваю. «Нет, что ты! — машет рукой Иван Васильевич — так и с голодухи можно было помереть!» «А у нас оккупанты на квартире жили, — перехватывает разговор соседка, — десять человек детей в нашей семье было, голодно. Так немцы иногда пищей делились. Но однажды мою маленькую сестрёнку схватили на улице и привели к маме. Чтoб та подтвердила, что девочка не еврейка, волосы — то кучерявые... Пришлось и папе выйти, показать свою русскую физиономию. Но на самом деле, уговорив фашистов, сестру спас от смерти один человек, не помню его

фамилии. Его потом расстреляли. До сих пор вся наша семья ему благодарна!»

В осенних лужах — освещённые солнцем облака двадцать первого века. Но если взглядеться в тёмную, асфальтовую глубину отражения, сквозь приклеенные, будто в коллаже, кленовые листья, кажется: где-то там прячется прошлое. А мы радуемся каждому мгновению настоящего, ловим последние лучи заходящего солнца и расходимся по домам. Прошло несколько минут, Иван Васильевич успел уже дойти до контейнера, а я и бабушка Валя подняться по лестнице до своих квартир. А время змейкой бежит всё дальше и дальше...

ТВОРЕЦ ВО ДВОРЕ

Жила она в 25-й квартире, дверь необитая, неоткликающаяся на домофон. Да и некому было особо в гости ходить. Все лето, до самых холодов, старушка сидела перед подъездом на лавочке и вязала. Всю себя одела! И так красиво: шапочка по цвету с кофточкой сочетается да с носочками. Почти каждый день на ней новый вязаный наряд: то синего, то зеленого, то красного колера. Я соседка по дому, и когда мимо проходила, всегда восхищалась таким творческим человеком. Фотографировала бабушку не раз, дарила распечатанное. И неожиданно, вместо не взятых денег, в моих руках оказывались то масса очень вкусных натуральных огурцов с дачи, то полведра местного винограда, то огородный ядреный чеснок.

«Как схожу на дачу — сразу лучше себя чувствую», — улыбается Анна Захаровна, и все вокруг становится веселей, солнечней. И вдруг в звучании ее имени и отчества я замечаю ассонанс, подобный вязаным узорам. Машет рукой: «Старая стала, промахиваюсь иногда в петлях, не то, что раньше. А в старости время быстро идет,

надо что-то делать, вот и вяжу, чтоб не хандрить». Возражаю: «Художник, если промахнется в мазках, шедевр может создать, так что, ничего — главное, что вы творите, вы ж наша достопримечательность!»

Вяжет жизнерадостный ярко-зеленый носок, вдохновляет меня и весь двор, а сама рассказывает: «Угнали нас в войну немцы под Мценск для них противотанковые окопы копать. А мне еще 13 лет, соплячка. Так какие люди там были! (Прослезилась). Сейчас таких уж нет. Посиди, говорят, куда тебе, разве достанешь лопатой. Так меня ж расстреляют, говорю. Меня котенком называли. Не ходи, говорят, с молодым немцем на ночлег. А я не понимала тогда, почему. Смотрим, старый немец ковыляет. Вот с ним иди. Заботились. Однажды наши самолеты низко-низко пролетели. Я из-за куста репейника выглядываю, раньше они помельче были, не то что сейчас. Спрашиваю, а что не стреляют, патронов нет что ли? Да нет же, отвечают, видят, немца тут мало, а женщин и детей ни за что не заденут, знают — свои. А когда фашистам стало не до нас, ушли мы потихоньку. Я и еще трое. Меня в середину поставили. Так и добралась до дома. Мама, как увидела меня, заголосила: «А я думала, тебя уж в живых нет». В общем, все хорошо кончилось. В те годы была я маленькая, худенькая. Покосили, а я не могу, легла. Бежит мать испуганная — ей сказали: «Дочь лежит твоя». Работали много, а есть нечего было. Маленький кусочек хлеба только. Меня спрашивают: «Что не ешь?» Я говорю: «Не хочу». Так женщина: «Врешь, просто нет у тебя ничего», и поделилась. Вот как о чужих детях заботились. А сейчас о своих не заботятся».

Как-то сидит Анна Захаровна в красном жакете, словно флажок, держит в руке «Искру»: «Помнишь кофточку, которую я тебе показывала? Давай сейчас подарю, нравится?» — «Я только пуговицы поменяю, если найду красивее...» «Пуговицы, зачем? — расстроено, но, не показывая виду, взглянула на меня старушка. —

И это тоже уберешь?» — показывая на отделку. «Нет, конечно, разве можно такую красоту портить», — поняла я свой промах. Как можно что-то менять в творении? Творцу обидно. А ведь пуговицы подобраны по цвету хорошо, только что простые. Да и где пенсионерке взять денег на богатые пуговицы? А подаренная кофта — словно белое красивое облако, и легкая, и греет! И парит над всей земной суетой.

Как-то зашла Анна Захаровна ко мне плача: «Посмотри, трубы у меня текут!» На самом деле плакала ее душа, не только трубы. Ведь одна, помочь некому. В молодости с мужем разошлась, когда от тяжелой работы ребеночек нерожденный скинулся. После нашла человека по духу, скромного душой, так и прожила с ним до его смерти. А детишек так и не вышло. «Мужики бы без женщин не выжили — кивает моя соседка на проходящего парня, — хоть и кичатся они своим умом, а женщины все равно умнее их, только вот женщины рожают, поэтому тяжелее им».

Желаю здоровья этой худенькой женщине, без продыху двигающей руками со спицами. А в ответ — тройное усиленное: «И вам всего хорошего, крепкого здоровья и долгой жизни!» И ощущаю какое-то облегчение, какая-то легкая энергия идет от этой бабушки с единственными двумя передними зубами, прошедшей войну и голод.

Вспоминаю прошлое лето: цветами около домов сидят на лавочках бабули. И среди них Анна Захаровна: радуется, нитки у нее старые, добротные, а новые купишь, постираешь вещь — испортится вид. Наклоняется ко мне: «От тебя доброта исходит». «И от вас тоже», — вторю я. А придя домой, принимаюсь за вязание — пример-то какой во дворе!

Думаю: как этой творческой старушке сейчас, в послежизненном мире? Можно ли там вязать хотя бы виртуально? Или выращивать чудные огурцы? Или ругать тамошние порядки? Иду по нашей

улице, смеркается, фонари, стараясь изо всех сил, гудят светом в фиолетовый небосвод. С таким усердием моя соседка вязала ряд за рядом, и мысли о красоте затмевали мысли о проходящих годах. Акация, стоя в огромной луже, где, словно в параллельном мире, отражается ее ствол, предстает величественной и необычной. Не потому ли мы видим мир загадочным, полным тайны, что он, будто магнит, притягивает, впитывает души многих живших и живущих людей?

МАРУСИНА ЛЮБОВЬ

Несколько лет назад во дворе соседнего дома мне повстречалась незнакомая старушка. Некоторое время она шла рядом, затем заглянула в мое лицо и что-то спросила. Я ей вежливо ответила. «Ну, надо же! — удивилась пожилая женщина, — молодежь часто старикам грубит, а ты так со мной мило разговариваешь...» Я ей начала объяснять, что уважение к старшим — в порядке вещей, и что есть среди молодежи много культурных и умных людей.

Беседа, словно ширящийся ручеек, ненавязчиво потекла дальше. «Меня сюда родственники из деревни привезли, там природа, хорошо, но одной жить тяжело стало. Да и небезопасно: однажды смотрю, а в огород какой-то пьяница забрался». Бабушка Маруся, как она себя назвала, поначалу чувствовала себя в городе отщепенкой. Друзей вокруг не было, а с соседями еще не успела познакомиться. Но потихоньку жизнь вошла в свою колею. И я частенько видела из окна, как она смело расправляется с пылью огромных ковров и выставляет на солнце белые, надувшиеся паруса подушек.

Наши балконы, словно два корабля в море, любуются друг на друга. Как-то вышла я после долгой зимы во двор — а Маруся тут как тут. «Ну, вот и встретились, а я все ждала, думала, хоть на балконе тебя увижу». Много рассказывала старушка про свою

военную и послевоенную жизнь. Как уже через несколько лет после Победы ее дочь наткнулась на предательски запрятанную в лесу мину. «Сын у меня остался, а теперь и внучка, да правнуков двое».

Всматриваюсь в лицо перевидавшей многое женщины. В глубоких коричневых нишах — проникновенные, внимательные, чуткие глаза. «Люблю я людей!» — подтверждает мое впечатление о ней бабушка Маруся. И, порывшись в сумке, протягивает мне и местному мальчонке по красному яблоку. «Волшебные, что ли?» — думается невзначай. И я вдруг начинаю ощущать, как не зависящая ни от каких передряг и перепутий судьбы любовь стекает ручейком ее взгляда в мое сердце. А ведь не я одна, наверное, это почувствовала. Все чаще останавливаются побеседовать с новой соседкой старожилы — старики и старушки. Уверена, каждый из них слышит от нее только добрые слова.

Дело близится к осени. Скоро зима, и снова долгая разлука с моей знакомой. Ведь встречаемся мы с ней только во дворе в теплую погоду, зимой она редко выходит. В сумке неожиданно отыскался фотоаппарат. «Давайте ваш фотопортрет сделаю! Семье своей покажете», — предлагаю я. Но в ответ — покачивание головой. Скромности моей знакомой не занимать.

И я решаюсь нарисовать бабушку Марусю такой, какой видела ее сегодня. Когда я приближалась к ней издали, встречая ждущие, любящие, жаждающие встречи глаза, вокруг ее худенькой фигурки явственно была видна светлая аура. Зеленые язычки травы, предназначенные стать фоном, радостно выглядывали из-за портретного силуэта.

И так захотелось полюбить в ответ всех людей, весь мир, быть в гармонии с ним, как персонаж моего портрета. Что бы ни случилось, какие бы обстоятельства не происходили.

ЛЕСОВИЧОК

Начинающийся грипп корежил кости, залепливал мрамором тело, и я, спасаясь от него, неслась по снежной улице к своему дому, такому же холодному и одинокому, как мое внутреннее пространство. Где ждали собака и кот — и больше никого, где душа, крутясь, выделывая сальто, безнадежно падала Икарсом и мечтала стать птицей Фениксом.

И вдруг меня остановил старичок, похожий на доброго лесовичка: «Девушка, у Вас не будет двенадцать рублей на проезд?» В последнее время я наловчилась отвечать просягам-алкоголикам, вот-де, увы, без работы, мне бы кто подал... Так и ему ответила, только почему-то прибавила: «А вы мне дали бы?» — «Хватит!» — неожиданно командно выкрикнул дед и засеменял по дорожке. «Не орите!» — огрызнулась подростково я вслед. Через минуту прелесть схватки стала переплывать в ощущение греха. На водку-то обычно другую сумму просят, а тут точно двенадцать...

Я повернулась назад и посмотрела на утекающую дорожку. Она раздваивалась. По какой из двух ковыляет этот похожий на нищего человек? К остановке, ведь не врет. Наконец-то показался его силуэт с тросточкой! «Вам куда ехать?» — спрашиваю. — «На «Ботанику», а у вас валидола нет?» Я вгляделась в его лицо. Казалось, пятнистый от луж асфальт перекочевал на него, утемнив местами. «Может, скорую вызвать, Вам плохо?» — «Нет, не надо, а то заколют». Я побежала в ближайшую аптеку. Валидола не оказалось, купила мятных таблеток и глицин. «Глицин слабо действует, — заключил знаток болезни и попытался очистить от бумаги мятную таблетку, руки не слушались. — Один живу, родственники умерли, я военный, две ноги прострелены. Вы ко мне по-человечески отнеслись, в аптеку сходили...» — «А у меня тоже папа умер, я тоже одна, здоровья вам!» — «Спасибо, но я — уже все...» — горько махнул рукой старичок. «А сильно старым не выглядите...» — промямла я.

Подъехал троллейбус. Странный мужчина не торопился к транспорту, топтался на месте, словно был оглушен болезнью или старостью... «Скорей, следующий не скоро!» — я посигналила водителю, чтоб подождал. Заплатила за двоих. Проехали остановку. «Доедете дальше сами?» — спросилось само собой. «Доеду», — мужественно кивнул бывший военный. «Если плохо станет, скорую вызывайте», — доверительно наклонилась я к кондуктору и, довольная собой, выпрыгнула из раскрывшейся двери.

И вдруг самодовольство улетучилось. Представила: пожилой ветеран, выйдя на автовокзал, мечется, снова прося у кого-то двенадцать рублей теперь уже на трамвай. Или, зайдя в салон и не взяв билет, пытается объяснить кондуктору, что случайно вышло: оказался в чужом районе с болью в сердце от одиночества и без копейки денег. А кондуктор кричит, оскорбляет, пытается вытурить «зайца». Вагон трясется, словно корабль в шторм, и везет, везет куда-то этих двух спорящих. А после этого городская тьма с никого не ждущими, ровно светящими фонарями, поглотит, словно бездомного пса, заблудившегося в ней старика. И я больше никогда его не увижу и не смогу поговорить с ним. Не смогу проявить к нему чувство любви и спасти от одиночества. Может быть, мы друг друга спасли бы. Сидели бы и разговаривали. И время аборигеном плясало бы за окнами дикими огнями, фарами. И не могло пробраться своей суетой в комнату, где беседуют двое...

Бездомные собаки, пробежав мимо, исчезают из вида, мы забываем о них и никогда больше не вспоминаем. Так и старичок-лесовичок проковылял с тросточкой — и пропал из моей жизни. Но ведь где-то все остается... И я вижу этого человека, хоть он находится на одном конце города, а я на другом, ощущаю каждый момент его жизни до самой смерти. Я чувствую все его чувства, думаю все его мысли. Мы идем вместе вне времени и расстояния. Мы провожаем друг друга...

Вот так должны люди относиться ко всему вокруг, и тогда ветер суеты, сносящий головы, судьбы, разъединяющий, грустящийся над всем важным, ценным, что случается в жизни, успокоится...

ОЛЮШКА-КОЛОБОК

В голодных девяностых наша семья решила сдать комнату. И совсем рядом, за стеной и узким дверным проемом, огражденном лишь занавеской, поселилась девчоночка-студентка. Маленькая, кругленькая, стриженная коротко. Словом, почти шарик. Как-то раз села девочка-шарик на деревянный детский стульчик, а он развалился на кусочки. В другой раз, когда сливала горячую воду, тяжелая чугунная посуда в раковину полетела. Раковина — вдребезги. Думаю, из-за подобных мелких неуклюжестей квартирантка Оля переживала не меньше хозяев. И хорошо, что над всеми этими нелепостями и случайностями, словно добрый ангел, парила ее мама. Она привозила для всех картошки, покупала новую сантехнику взамен разбитой, и все в душах и в квартире становилось на свои места.

В художественном училище, где училась квартирантка, ей дали прозвище Колобок. Не только за округлости тела, но и за веселый, неунывающий характер. Бывало, услышит что-нибудь абсурдное да юморное, и так хохочет, что другие тоже начинают подхохатывать. Так и смеются молодые люди целый час, давно забыв, с чего все началось.

Однако на самом деле Оля оказалась достаточно серьезным человеком. Поначалу, учась на первом курсе, она исправно посещала занятия. Помню ее пленэрные работы после года обучения — выдержанные в колорите, почти профессиональные этюды. Не каждый первокурсник такое напишет. Но на втором курсе то ли не сложились отношения в группе, то ли Оля увлеклась книгами, которые то и дело читала у нас. То ли ей полезней учебных буден

показалось живое общение с друзьями... Но вдруг из училища приходит весть: отчисление. В общем, не ходила Ольга долго на учебу. Мы, конечно, удивились: как это так, человек талантлив, по живописи пять, а это не служит основанием, чтоб разобраться в психологических мотивах прогулянных уроков. Кто знает, может, на курсе у нее появилась несостоявшаяся любовь или еще какое-то непредвиденное обстоятельство. Снова случай, разбивающий на этот раз судьбу...

Но Оля — неунывающий колобок, не упала духом. А покати-лась в Тулу, в другое училище, по слухам, в ПТУ. И наверняка ее там чему-нибудь важному и нужному научили. Только не живописи. А этюды, словно старая змеиная кожа оставленные начинающей художницей в нашей квартире, то и дело останавливали на себе мой взгляд. Наверное, не настолько она их ценила, чтоб забрать с собой. Да и кто собирает по крупичкам, дрожит над каждой частью своего творчества в таком юном возрасте? Кажется, все еще впереди, будет много-много нового, интересного.

Каюсь, не все работы моей бывшей квартирантки я сохранила. Но одна так затронула сердце, что выбросить ее я не смогла. На картоне, покрытом масляными красками, шел дождь. Светящиеся круги от капель на поверхности луж казались настолько реальными, что становилось зябко и хотелось накинуть плащ или капюшон. Одиноким человеком, оглянувшись, смотрел на бездомную собачонку, увязнувшую почти до самого брюшка в холодной тротуарной воде. Что было в глазах пешехода? Жалость? Да. Но не только. Возможно, увидев несчастное животное, он ощутил связь своего внутреннего состояния, своего внутреннего страдания со страданием брошенного всеми маленького существа. Не об этом ли экзистенциальном одиночестве современного человека писали многие философы? Ведь бешеные темпы развития науки и техники не могут так же быстро научить людей состраданию, вниманию, любви

к ближним. И тогда тот, кто обделен этим вниманием или еще не способен одарить им других, выходит на безлюдную улицу, где идет дождь, и попадает в картину...

Где ты теперь, моя Оля — веселая жизнерадостная хохотушка? Наверное, давно вышла замуж и нарожала детишек-колобков? Кто знает... Только машет рукавами-крыльями, зовет за собой забытая бывшей квартиранткой, а теперь уже ставшая моей розовая куртка: летим, летим, прочь от одиночества, от бесконечной тоски — на юг души!

А в коридоре счастливо посапывает спасенный от настоящей, не нарисованной голодной смерти, наконец-то нашедший приют щенок.

Владимир Алексеевич Сутырин

Родился 04.06.1951 г. Член Союза писателей России с 1998 г. Автор более двадцати книг художественной и документальной прозы, в том числе на историческую тему — о династии уральских заводчиков Демидовых, изобретателе радио А. С. Попове, сказочнике П. П. Бажове (шорт-лист премии «Золотой Дельвиг»), поэтессе Ксении Некрасовой, русских связях О. де Бальзака; очерков об отдельных эпизодах ратной истории Отечества: «Майор с букетом сирени», «Москва салютовала дважды», «Горошки. Бунцлау. Кутузов» и др. Публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Балтика», «Урал», в «Литературной газете» и «Литературной России».

Лауреат премий «Имперская культура» Союза писателей России, Всероссийской литературной премии им. писателя-фронтовика Венедикта Станцева — «за продолжение лучших традиций военно-патриотической литературы», премии Губернатора Свердловской области, обладатель диплома Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» и др.

Живет в Екатеринбурге. Член правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России.

ДОКУМЕНТАЛЬНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ «О ТОМ, ЧТО ОСТАЕТСЯ ЗА КАДРОМ»

[Синopsis]

Повесть вышла отдельным изданием в 2020 г. в Издательских решениях, ISBN 978-5-4498-3099-9. Предварительно публиковалась в издании Союза писателей России «Роман-журнал. XXI век», №3, 2019 г. и отдельными главами — в газете Центрального военного округа «Уральские военные вести» (апрель, май, июнь 2020).

Что же сегодня, спустя три четверти века после завершения Великой Отечественной войны, «остается за кадром» и тем самым в определенной степени искажает подлинное представление новых поколений о причине нашей Победы?

Одним из таких табу в новые времена явилась военно-политическая работа в Красной Армии, которая показала себя действенным методом воспитания героизма и самоотверженности наших воинов. «А что это такое?» — спросит иной современный недоросль. — «Как и кем она осуществлялась, ведь об этом ничего в сегодняшних учебниках истории не сказано...»

Автор поставил перед собой задачу высветить этот весьма не маловажный для понимания причин и логики нашего морального преобладания над врагом вопрос, взяв за основу фронтовую биографию своего отца — политрука А. И. Сутырина и его боевых товарищей.

Первая глава Первой части повести посвящена деятельности 54-й и 52-й армий Волховского фронта, в которых служил отец. Привлекая архивные материалы, воспоминания участников этих сражений, а также свидетельства со стороны противника, автор на конкретных примерах показывает, что героизм наших воинов в тяжелейших условиях зимы 1941 г., численного и технического преобладания врага был результатом воспитательной, грамотно поставленной политической работы в войсках первой линии, которым предстояло не только остановить натиск вермахта, но и прорвать блокаду Ленинграда. Попутно автор ведет полемику с теми воспоминателями и публицистами (Н. Никулин, В. Гельфанд, А. Белоглазов, Б. Бешанов), которые педалируют отрицательные моменты военных событий, что недвусмысленно указывает на их намеренное стремление принизить подвиг Красной Армии.

Опираясь на воспоминания участников тех далеких событий и документы, автор касается и тяжелой темы гибели мирного населения, работы военных медиков в ближнем тылу по борьбе с таким неромантичным заболеванием как дизентерия, косившем ряды наших солдат и командиров, воевавших в сугубо антисанитарных условиях болотной местности...

Вторая глава на примере семьи центрального героя повести рассказывает об обстоятельствах жизни в тылу эвакуированного населения. Приводятся тексты подлинных писем с фронта... Основное же содержание главы посвящено деятельности 52-й армии по освобождению Украины и Молдавии (Черкасская, Корсунь-Щеченковская, Уманско-Ботошанская, Яско-Кишиневская операции), в которых участвовал отец в качестве парторга полка, рассказывается о подвигах, за которые он был удостоен первых своих наград, приводятся данные из архивных источников, публикации из дивизионной прессы о политработниках, всегда бывших в первых рядах наступающих войск.

Третья глава рассказывает о заграничном походе Красной Армии 1944 — 1945 гг., боях на чужой территории и самое главное — о политике Советского правительства в отношении освобожденных народов; о том, как создавались с нуля органы народного управления в Польше; о том, как менялась риторика газетной публицистики с пересечением границы с Германией; о строгости мер в наших войсках к мародерству и насилию отдельных военнослужащих по отношению к мирному населению. Война еще не окончилась, но руководство Советского Союза уже думало о завтрашнем дне — о формировании пояса народно-демократических государств, которые станут на долгие послевоенные годы защитным буфером между нашей страной и Западом. Интересны обстоятельства действия войск 1-го Украинского фронта в заключительный месяц войны, когда направление главного удара неожиданно

было перенесено с Берлина на Прагу. Отец, служивший в это время в политотделе спецчастей 52-й армии, закончил войну в Чехословакии...

Необычна Вторая часть повести. В ней автор моделирует виртуальный разговор с нынешним Верховным главнокомандующим, где на основании изложенного в Первой части делает вывод, что в сложившейся международной обстановке в Российской Армии так же необходима военно-политическая работа (В период работы над повестью так и случилось: был издан Указ Президента о восстановлении военно-политической работы в войсках — мысль писателя оказалась созвучна времени!) Идет разговор и о патриотизме — естественном и директивном, высказывается мысль о полноценном возвращении имени И. В. Сталина в историю Великой Отечественной; об имеющей место нестыковке в символах, которые выносятся 9 Мая на Красную площадь; о далеко не должном месте русского народа в сегодняшней России и о многом другом, что, по мнению автора, требует серьезного и безотлагательного решения, без чего призыв к верности Отечеству останется лишь на бумаге. В заключение автор желает успеха нынешнему Главковерху и надеется, что его пожелания как патриота и гражданина России будут услышаны.

Юрий Анатольевич Татаренко

Родился 9 марта 1973 года в Новосибирске. Окончил Новосибирское театральное училище. Член Союза писателей России с 2006 года. Автор шести книг стихов. Лауреат поэтических фестивалей и конкурсов в Москве, Одессе, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Кирове, Томске, Красноярске, Полоцке, Льеже. Публикуется в литературных журналах России, Украины, США: «Арион», «Нева», «Новая Юность», «Литературная учёба», «Кольцо А», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. В «Литературной России» опубликованы интервью Юрия с известными поэтами Виктором Куллэ и Мариной Кудимовой. №7 журнала «Юность» открывается большой беседой Юрия с Владимиром Алейниковым, основателем легендарного СМОГа.

ЕРМАК

*Поэма в двух частях
{отрывок}*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НОЧНАЯ ПЕСНЯ

У костра сидят атаманы Иван Кольцо, Богдан Барбоша и Ермак.

Богдан

Как с войны да по домам
Всех нас отпустили...
Кто в поля, кто в терема —
Как всегда в России.
Пуст карман, в глазах туман,
Ноженьки босые...
Войны, голод и чума —
Три врага России.

Иван Кольцо

Дремлют пушки и колчан,
Чисто в небе синем:
Швед, поляк и крымский хан
Накось-выкусили.
Не сума и не тюрьма
Отнимают силы...
Войны, голод и чума —
Три врага России.

Ермак

На три края воевать
Пусть невыносимо —
Царь и бог, отец и мать
Скажут нам спасибо.
Были грозными весьма,
Но перебесились
Войны, голод и чума —
Три врага России.

Полыхала Русь в огне —
Пламя погасили...
Поменял бы ты коней —
А, Иван Василич —
Государевы стрельцы
Власти-то вкусили...
Царь, бояре и купцы —
Три... нируют силу.

Силушкой своей казак
И смекалкой славен,

И уж точно не слабак
В поле и на сплаве,
Бьет врага с любой руки —
Подходи, отведай...
Вместе
Где воюют казаки,
Там всегда победа.

Из темноты появляется кто-то худой и невысокий. Стараются говорить низким голосом.

Ванька

Вы казаки? К вам можно на привал?

Иван Кольцо

Мужик? Почто за Русь не воевал?

Ванька

Так по годам не вышел — мне тринадцать...

Богдан

А он не суеверный — верно, братцы?

Третий казак

Тю, он москаль — с рождения злодей...

Богдан

Якой москаль — когда он без лаптей!

Иван Кольцо

Да на кого ты лезешь с кулаками?

Богдан

Эй, оставайся с нами, казаками!

Иван Кольцо

А как тебя зовут?

Ванька

Иван!

Богдан

Ванёк...

Что, атаман — а славный паренёк!

Иван Кольцо

Ну, будешь Ванька Польский...

Третий казак:

— О, цэ добрэ!

Иван Кольцо

...Поскольку в чистом поле был подобран...

Вон Мишка Польский, Польский Елистрат...

Богдан

Ермак, тут твой нашелся младший брат!

Ермак

Не проведёшь нас, значит, на мякине?

Ванька

Ермак, а казаки — они какие?

Хор «Кто такие казаки»

Чистокровный жеребец —

Одноцветный в масти,

А казачий молодец —

На все руки мастер!

Он и конюх, и кузнец,

И гончар, и плотник,

И на кулаках боец,

И в степи охотник!

Жена и дети есть у казака —

Но где-то там, не здесь, в родной станице...

Семья нужна годам так к сорока:

Живешь в степи — пора остепениться!

Кто такие казаки —

Напряги-ка зреньё —

Уж не мамкины сынки,

Сукины скорее!
Денег полная мошна —
Ну, куда годится!
Если больше, чем одна —
Надо поделиться!
Врага в бою в капусту порублю —
Прощенья и пощады не просите!
Ох, на расправу лют казачий люд...
Силён казак — и признает лишь силу.
Воевать и отдыхать —
Жили так годами...
Стоит землю распахать —
Вмиг обложат данью!
Если слово дал казак —
Держит что есть мочи,
Попадёшь разок впросак —
Больше не захочешь...
Позор — нарушить клятву казаку!
Ничьи глаза слезами не намокнут:
Насыпь себе за пазуху песку —
А уж пойти на дно тебе помогут.
Нет подушек, нет перин,
С одеялом туго...
Сам себе я господин,
Сам себе прислуга!
Это пусть вельможи все
Думают о свите...
Ванька
Вот балда — забыл совсем —
Караван я видел!

Хор

Ну, что, казак — вперёд, на abordаж!
Какой с нас спрос — ведь мы царю не служим...
Наш государь — он наш, но он — не наш!
Лишь сердцу своему казак послушен.

Ермак

Что скажет царь — опять вы за своё!
Смешно вам? Мне, ей-богу, не до смеху!
Неужто рыба с головы гниёт?
Я не хочу к медведям на потеху!

Я сколько вас пытаюсь вразумить:
Наш государь ослушников не любит!
Разбоем жить нельзя, чёрт вас возьми!
Мы что — грабители, ворьё?..

Иван Кольцо

Лихие люди...

Предсказание пленного Юродивого

Ни ты, ни я тут не соперник соловью —
Теперь послушай, дядя, песенку мою:
Немало трудных испытаний ты пройдёшь —
Но только три раскола не переживёшь...

Дума Ермака

Ограбили ногайский караван:
Те дань везут — а мы не утерпели...
Затопают ногами царь-Иван:
«Вы что, народ — на ужин уху ели?»

Что делать нам, куда теперь идти?
И так царь — Грозный, а уж после жалоб...
Не знаем в ад короткого пути —
А то туда давно мы убежали б!

Прикажет царь — найдут из-под земли!
Сначала дыба, а потом и на кол...
Эх, казаки, ну, как же вы могли!
Нет никакого выхода, однако...

Речь Строганова

Недолго плыл я Яиком-рекой!
Молчу, свою удачу не спугнуть бы —
Поставлены на карту наши судьбы...
Простите, что нарушил ваш покой!
Кучум себе захапал весь восток,
Но мало ему этого, как видно!
К царю я обратился с челобитной:
Построить бы военный городок!
Теперь вот обращаюсь к казакам:
Прийти на Каму вас я попросил бы,
Есть разрешение — не хватает силы
Давать отпор кучумовым войскам!

Строганов: Соль и Соболя — что это, спросите!

Соль и Соболя — золото России!

Юродивый: Царь Иван о том провозгласил,

Автор текста — Строганов Максим.

Вот сколько есть вас — всех к себе беру!
Хоть вас — пять сотен с лишком, ну да ладно:

Соседство с ханом слишком уж накладно!
 Татарам — лишь казак не по нутру...
 Айда со мною — я не поскуплюсь,
 Ведь люди мы не бедные, ей-богу!
 Кто смелый — собирайся в путь-дорогу,
 Кто умный — видит в службе только плюс!

Строганов: Соль и Соболь — это миллионы!
 Соль и Соболь — гордость региона!
Юродивый: Царь Иван о том провозгласил,

Автор слоганов — Строганов Максим.

Ну, вот, поговорили по душам...
 Раскаившись в поступках некрасивых,
 Вы примиритесь с Богом и с Россией —
 Стать воинами чести выпал шанс!

Строганов: Соль и Соболь — кладовые солнца!
 Соль и Соболь — развивают социум!
Юродивый: Царь Иван о том провозгласил,
 А подал идею — Строганов Максим.

Первый раскол

Богдан

Ни серебром, ни мехом соболей —
 Никто ничем меня вовек не купит!

Ермак

Ты не идешь? Ребят хоть пожалей,
 Одумайтесь, гордыня вас погубит!

Богдан

Есть добыча — есть казак!
 Так ведь, Тимофеич?

Ермак

Нет, не то сейчас сказал —

На войне трофеи!

Ермак

Кулеш мы ели с одного котла —

Друг друга, как себя, мы уважали...

Богдан

Вот потому и не держу я зла!

Но было ль, чтоб меня — в узде держали?

Ермак

Верен слову своему —

Помню нашу дружбу!

Богдан

И уходишь потому

На царёву службу!

Ермак

На купеческую, стоп!

Не в шатёр цыганский!

Богдан

Рассуждаешь, как холоп —

Не по-атамански!

Ермак

Союзник я царю, а не холоп —

И верность никогда мне не претила...

Богдан

Прости, Ермак, но только остолоп

Меняет степь и дождь — на мёд и пиво!

Богдан (в сторону Строганова)

Что, пойдёшь ко мне служить? —

Сколько фанаберий!

Ермак

Побрататься предложил...

Богдан

...Не сойдя на берег!

Кто купец — без Ермака?

Ермак

Хватит скоморошить!

Богдан

Воля — всё для казака!

Ермак

Воля — только божья...

Строительная песня Ермака

Струг удобнее коня —

Он с себя не сбросит,

День и ночь на нем гоняй —

Сена не попросит!

Нету сбури, нет подпруг —

Вот еще нелепость!

Это даже и не струг —

Маленькая крепость!

Припев:

Быть может, на любом из берегов

Таится враг, но дело поправимо:

Для сабель, для огня и стрел врагов

На стругах казаки неуязвимы!

Казак, ты от небес чудес не ждёшь:

Нашёл удачу — будь готов к потере!

Надёжен струг — надёжно поплывёшь,

И сколько плыть — ты сам себе отмерил.

Ушлый на Руси народ,
Мало пустомелей —
Но не каждый соберёт
Струг за две недели!
Струг удобнее коня —
Разговор недолгий:
С Дону волоком три дня —
И летим по Волге!

Припев

Струг надежнее коня —
Тут снимаем шапки —
Верность казаку храня,
Не умчит к лошадке!
На камнях, среди песков
Стругу — лучший выпас!
Он атаку казаков
Ржанием не выдаст!

Припев

Вот споткнулся вороной,
В мыле пристяжная...
Островок передвижной
Устали не знает!
Ветер не свистит в ушах —
Скажем откровенно!
Казаки вперед спешат
Медленно, но верно

Припев

Песня Ваньки «Кто ты, Ермак?»
Не знаю, хоть у вас я столько дней,
Ты — Герман, Ермолай иль Еремей?
Как величать в бумагах Ермака?

Ермак — Незнанье украшает казака...

А ты не кашеварил лет пяток?
«Ермак» у нас — казацкий котелок...
Кем начинал? Дрова в костёр кидал?

Ермак — Да нет, Ванюшка, ты не угадал...

Когда родился ты? Ну, дай ответ!
Ты ходишь в атаманах двадцать лет...
С каких же пор?.. Сложу я числа сам!

Ермак — Пусть пишут родословные — купцам...

На Могилёв ходил и брал Казань...
Откуда родом — Новгород, Рязань?
Кто ты, Ермак? Незнание гнетёт...

Ермак — А я не знаю, что нас завтра ждёт...

А где семья? Закончилась война...
Погибли все — и дети, и жена...
Молчишь, Ермак — ну, хочешь знать, кто я?

Ермак — Братишка, что годится в сыновья...

Песенка Юродивого

А кто-то может умереть и не в бою...
Себе, себе я эту песенку пою!
Любой казак решает сам, кому служить...
Но три раскола Ермаку не пережить.

На Чусовой

Ермак

Набеги — вот стихия казака,
А мы не бьем чингизов три недели...
Остроги ставят в двадцать два денька:
Казак — не лодырь, должен быть при деле!

Татары нас обходят стороной,
Проходит лето в ожиданье схватки —
И вот уже за крепостной стеной
Другие завелись у нас порядки ...

Растратят парни силушку зазря,
Оставлены безделью на съеденье...
Нет, правильно поляки говорят,
Что лучшая защита — нападение!

Чего тут ждать? Что головы парней
Окажутся насажены на колья?
Неужто ждёт нас плен из зимних дней?
Ужель сдадимся сытостью, покою?

Спор Строганова и Ермака

Строганов

Татарский князь идёт на пермский край,
Прийти на помощь просят солдаты —
Ну, что, в поход отправиться пора,
Довольно протирать-то шаровары!

Ермак

Большое войско, все на лошадях —
А казаки на стругах тихоходных...
Нож — супротив каменных стрел дождя?
Не принесет Алей больших доходов!

Строганов

Трусливый заяц задницу отъел —
Так вот в поход вам сухари и сало!
Отвык казак от настоящих дел,
Давно судьба вас в битву не бросала...

Ермак

Ты прав, Максим, казак — всегда боец!
Прослать трусливым зайцем не хочу я!
Ты приготовь и порох, и свинец —
А мы пойдём и разобьём... Кучума!
Сибирский хан как раз гостей не ждёт —
Сидит, довольный, потирает руки...
Эй, казаки! Идём в большой поход!
За дело, други — быстро строим струги!

Алексей Алексеевич Тихонов

Дефектолог, поэт, музыкант. Родился 3 октября 1991 года в Москве. В 2014 году окончила Московский Педагогический Государственный Университет (бывш. им. Ленина) по специальности педагог-дефектолог, учитель-логопед. Басист и автор текстов музыкального коллектива «Твердь Легенд».

Член Союза литераторов России, Союза писателей России и Русского литературного общества. Лауреат Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2017, 2018), лауреат Всероссийского конкурса чтецов и поэтов «Остафьевский родник», проходящего в рамках международного форума «Музы на Русском Парнасе», в номинации «Автор» (2021).

В феврале 2020 года вышел в свет первый сборник стихов Алексея Тихонова «Диптих», разделённый на два блока для стихотворений и для венков сонетов. В предисловии к сборнику Николай Калинин пишет следующее: «Венки сонетов, сегодня форма редкая и в этом смысле Алексей только подтверждает свою приверженность традиции. В сборник вошли два полных венка. Для молодого автора это значимое достижение, так как венок всегда считался технически-сложной формой и свидетельством высокого мастерства.» В настоящее время Алексей активно работает над короной сонетов.

ВОСЕМЬ ВЕНКОВ КОРОНЫ

{отрывок}

КОРОЛЬ И ШУТ

{Венок магистралов}

Четырнадцать советников призвав,
Король был строг, но справедлив во власти.

Вельмож словоохотливые басни
Придворный шут с издёвкой бичевал.

Звенел колпак — старик не умолкал.
Кипела зала, в ней — кипели страсти:
Шута хотели свергнуть в одночасье.
Король лишь слушал и речам внимал.

«Седой фигляр...» — промолвил виночерпий.
Поверить ли славнейшим среди смертных,
Когда и пыл иссяк, и шум затих?

И в глубине монаршего горнила
Изящество глаголов смерть сулило.
Настало время огласить вердикт...

* * *

Четырнадцать советников призвав,
Четырнадцать воинственных и дерзких,
Лихих людей из гвардии имперской,
Чьи имена теперь он называл,

Протягивал пришедшему вина,
Полог шатра весельем сотрясая.
На серебре и злате восседая,
Казалось бы, тоска подчинена.

Ушёл предрекший гибель королей:
Лишь в памяти — волнение людей,
Нашедших жизнь во тьме звериной пасти.

И на травой ощеренный утёс
Взирая, слышит — кто-то произнёс:
«Король был строг, но справедлив во власти...»

* * *

Король был строг, но справедлив во власти:
И милостью одаривал народ;
И не прощал дворян старинный род,
Когда иной — навлѣк себе несчастья.

Судил он рассудительно и скоро,
Призвавши дел заплечных мастеров —
Закон для всех был равен и суров,
Особенно — для тех, кто сеет горе.

Рачительный, из прочих палачей,
И тот порой отведывал плетей
За то, что слыл весьма подобострастным.

Но в череде печалей есть опричь:
И заглушит собой звенящий бич
Вельмож словоохотливые басни.

* * *

Вельмож словоохотливые басни,
Как тернии в розарии дворца.
Но всё ж — по допущению Творца —
Бытует зло и явно, и негласно.

А средь людей находятся такие,
Что жаждут злую волю обличить,

Своей души нерукотворный щит
Подставив под удары плутовские.

И в пышной зале, у подножья трона,
С еловой ветвью с яблоком зелёным,
Сидит паяц и бьёт, смеясь, в кимвал.

Великое показывая в малом,
То общество, что ежечасно агало,
Придворный шут с издёвкой бичевал.

* * *

Придворный шут с издёвкой бичевал
Любого, кто считал себя мудрейшим.
Ни штудии, ни опытность старейшин
Не делали весомее слова.

В саду, среди жасмина и лаванд;
В орешнике растущем за садами;
На рынке, где грозили батогами, —
Его повсюду славился талант.

Молчат чины и прочие сословья.
Лишь единицы, за спиной злословья,
Способны были выйти на скандал.

Архитриклин, вином обременённый,
В дом шутовской входил, как в дом казённый, —
Звенел колпак; старик не умолкал.

* * *

Звенел колпак: старик не умолкал,
Поскольку смех затем звенел в монетах.
Из года в год, за праздничным обедом
Король дурацкой мудрости алкал.

И если есть о чём ему грустить —
Найдётся повод и над чём смеяться.
И чем глупее публика паяца,
Тем будет шутку проще уловить.

Краснели дамы, распознав намёк,
Но господам как будто невдомёк,
А текст — и прям, и короткий, и ясен.

Лишь влага слёз на седине ресниц
Сверкала, тихо скатываясь вниз.
Кипела зала: в ней кипели страсти.

* * *

Кипела зала. В ней кипели страсти,
В той девушке, что бродит вдоль колонн.
«Ни звон монет, ни золото корон
Неравноценны ни любви, ни ласке...»

Она твердила робко, еле слышно,
Обманывая в участи себя:
«Я всё отдам, за то чтоб жить любя! —
Надев колпак — с бубенчиками —рыжий...»

Он убеждал её, что это блажь:
«Венец — к венцу. Однако есть палач:
И дураку глава нужна — на счастье!»

Так слов произнесённых не вернуть —
И вскроет правда человечью суть:
Шута хотели свергнуть в одночасье.

* * *

Шута хотели свергнуть: в одночасье
Скрутив, как будто винную лозу,
Желая совершить скорейший суд,
Выходят двое, поправляя маски.

Свет факелов и ужас переулка —
Немногое, что память сбережёт —
Агат Луны, созвездия, донжон —
Под звук ударов — слаженных и гуаких.

Гонителей лица не видно даже
В тот миг, когда из тьмы выходит стража,
Отрезав путь и окружив квартал.

Разбойников, увы, печальны речи,
Когда они пред правдою увечны, —
Король лишь слушал и речам внимал.

* * *

Король лишь слушал — и речам внимал,
Которым не было конца и края.
Та тишина, что представлялась Раем, —
Затишье, предвещавшее шторма.

Но кажется смешным бояться бурь,
Когда огнём тлетворный дух отторгнув,

Над головой волной смыкаясь чёрной,
В его глазах чуть теплится лазурь.

И льются слёзы — влаги нет числа —
Слова пусты — промозглые ветра —
Потонут в пьяной горечи Фалерна.

Лишь балагур — свидетель этих мук.
И господин услышит шёпот слуг:
«Седой фигляр...» — промолвил виночерпий.

* * *

«Седой фигляр...» — промолвил виночерпий,
Презрительно взирая на шута, —
«Какая слава выдержит кнута
Пронзительный напев порой вечерней?»

«Средь прочих птиц, перо павлина — краше,
Но жалуют за пеньё — соловья!» —
Воскликнул шут, улыбки не тая, —
«Не тот смердит, кто в рвань дрянную ряжен!»

И укрепился розовым вином,
В тот миг, когда над миром грянул гром, —
Придав словам и вес, и соразмерность.

Пусты угрозы тех, кто сам не чист,
В чьём окруженьи явственная мысль —
Поверить ли славнейшим среди смертных?

* * *

Поверить ли славнейшим среди смертных,
Чьи почести и слава не в чести?
Никто не любит тех, кто слишком льстив,
Как тех, кто горд, порывист и надменен.

На тесных стогнах и распутьях града,
Извечно презираемы толпой, —
Не ведает она какой ценой
Стяжают имя, титул и награды...

В чужом венце венца непризнающий
Слепцу подобен за слепцом идущим,
В чертах знакомый различая штрих.

Едва ли брег отыщется без луды,
Когда уносит время пересуды,
Когда и пыл иссяк, и шум затих...

* * *

Когда и пыл иссяк, и шум затих,
И ночь легла безоблачно и мягко,
Наполненный цветочным ароматом,
Зашепчет вереск в кущах чёрных пихт.

Полночный гость укрыл печалью лик,
Клобук откинув и возрев на звёзды:
«Как поздно, Господи, как поздно!...»
И в шёпоте тонул безмолвный крик.

«Какая ночь! Переплетенье снов —
И жизнь прошла! — как отзвук пары слов;
Так тают в небе млечные светила...»

В обносках счастья вызревает страх,
Но страх пройдёт — при первых же лучах —
И в глубине монаршего горнила.

* * *

И в глубине монаршего горнила,
Где жар разлит ярящейся рекой,
Сокрыт мечей воинственный покой —
Залог любви — в пучине зыбкой — мира.

Лишенная загадок и мистерий,
Колённой воле — кованная сталь,
Покуда час забвенья не настал,
Не стало мастеров, лишь — подмастерья.

Кто принял дар дарителя колец,
Положенный за дюжину сердец,
Волчкам подобен на сырых могилах.

Где, на руинах крова, будет пир,
И мёд речей разлит по кубкам вирш, —
Изящество глаголов смерть сулило.

* * *

«Изящество глаголов смерть сулило,
Лукавому подателю речей,
Принесших сталь кинжалов и мечей, —
Оружие, что троны низводило...»

Те времена давно остались в прошлом:
Осадных башен и доспехов гиль —
Истории — к ним льнёт и внемлет пыль,
Пока покой страниц не потревожат.

...Актёр уходит, сцена — остаётся.
Как плачет сердце! Как оно смеётся!
Предание — людских сердец — рудник!

«Старатели» — выходят на подмостки,
И в их речах — чужие подголоски:
«Настало время огласить вердикт...»

* * *

Настало время огласить вердикт,
Взметнувшийся под своды и стропила,
Чтоб — с тех высот — раскатисто излилась
Благая речь, что истину кадит.

«Кто — падал ниц, кто — был всегда у ног;
Но предан кто — не в слове, но — в служеньи?» —
Король умолк. Шут замер в восхищеньи,
Но для вельмож померк златой чертог.

«Избравшие серебрянные цепи! —
Так спит дракон в мерцающем вертепе,
Однажды светлых рыцарей поправ!...»

Соделав знак, — «Довольно ныне шуток!» —
Из трапезной выходит экзекутор,
Четырнадцать советников призвав.

ВРЕМЕНА ДАЛЁКОЙ СМУТЫ

{первый венок}

Четырнадцать советников призвав,
Держать ответ и вопрошать о чести, —
«Настало время милости и мести» —
Вознёсся зов, нещедрый на слова.

И эху битв внимали клети стен.
То были времена далёкой смуты:
Звучали ниды, войны шли повсюду,
От государей оставалась тень...

Главы лишившись, гибло тело царств:
Чтоб, расхитив его богатый скарб, —
Корон чужих — не замечать обмерки.

И потому король взывал и впредь
К тем, кто готов за правду умереть, —
«Четырнадцать воинственных и дерзких».

* * *

Четырнадцать воинственных и дерзких
Узилище сокрыло до поры.
Свет дней померк, ложась на топоры
Угрюмой стражи и — на волчьи перстни.

Из мрачных залов тщась унынье выбить,
Где бдит дозорных малое число,
Постигли винокурен ремесло
Пленители — на горе и погибель...

Безлунной ночью, сделав брешь в стене,
Когда дозор забылся в пьяном сне,
Пришла пора войны окончить зверства.

...Приветствуя, несли бутоны роз,
К ногам бросая, — занявших форпост, —
Лихих людей из гвардии имперской.

* * *

Лихих людей из гвардии имперской
Союз непрочен и давно прогнил:
Поскольку, созидавая хрупкий мир,
Узды не отлагал характер мерзкий.

«Когда в сердцах благие чувства сгинут,
Тогда иное время настает...»
На рынках робко рассуждал народ:
Гвардейцы короля — вельможи ныне.

Озолотив их щедрою десницей,
Дав волю всласть и петь, и веселиться,
И винам — умалить девятый вал,

Король с шутком беседовал о судьбах
Людей своих, пришедших на распутье,
Чьи имена теперь он называл...

* * *

...Чьи имена? Теперь он называл
Пороки их и придавал огласке,
Господ изображая в пьяной пляске —
И всякий в ней себя же узнавал.

«Придворный шут», «бесстыдный лицедей»,
«Гаер», «фигляр», «кривляка», «недоумок» —
Неслось ему вослед, за едкий юмор.
Но от того он бил ещё верней...

Подобно циркачу, не глядя, мечет
Кинжалы слов — глаголов и наречий —
Что даже цель сама удивлена!

...Но шутка в том, что шутки вовсе нету:
И — рад гостям — в обход своих запретов,
Протягивал пришедшему вина.

* * *

«Протягивал пришедшему вина...» —
Преданье зачинал своё сказитель:
Единственный и неподкупный зритель
Сидел на против старца, у окна.

Резных фигурок пёстрый хоровод,
Казалось, оживал в руках искусных.
Нет волшебства. Есть лишь одно — искусство, —
Что славит сердце и душой поёт.

Тих и прекрасен отрока досуг —
Возделанное поле для наук;
Плоды ветвей разросшегося сада.

...В расцвете сил, спустя немного лет,
Он — очарованный — выходит в свет,
Полог шатра весельем сотрясая.

* * *

Полог шатра весельем сотрясая,
Смеялись громы, хлынувшим дождём.
Туман реки подёрнул окоём,
На водной глади кольца размыкая.

И голос ветра — тишине не чуждый —
Влагал свою мелодию в листву.
Он пел тому, кто влажную траву
Примял стопой, входя под свет жемчужный.

Едва касаясь щёк его и рук,
Струился свет — на плащ и на клобук —
В несчастых каплях гаснув и мерцая.

И восхищал его тот бледный свет:
«Светила — трон; его богаче — нет,
На серебре и злате восседая?..»

* * *

«На серебре и злате восседая,
Укрыв меха под сердцем, возле лат,
Король почил!..» — о нём так говорят,
От скверных баек ложь не отделяя.

Кто те лжецы, кликуши, пустозвоны,
Чьи языки острей пчелиных жал?
Король их знает: королю их жаль,
Как жаль иссохшие за зиму клёны.

Когда б о нём пророчили иное,
Чтоб быт его шёл в мире и покое?..
Но чья душа была б не смущена?

Бегут года, проносятся столетья,
Но в череде пустых, бесславных сплетен,
Казалось бы, тоска подчинена.

* * *

Казалось бы, тоска подчинена,
Как подчиняют львицу и пантеру,
Заманивая, возводя барьеры.
Но кровожадность лишь отвлечена.

В груди, как в клетке, мечется она.
И время, беспощадною волчицей,
Опасней и стремительнее мчится,
Грозя прыжком кого-нибудь нагнать.

В минуту дум — тяжелых и угрюмых —
Вчерашним днём простужен мир подлунный:
И тени дров страшней иных зверей.

Чьи мысли презираемы до срока,
Тот каждую клеймит, как лжепророка:
«Ушёл предрекший гибель королей...»

* * *

Ушёл предрекший гибель. Королей
Едва ли он собой обеспокоил.
Порой, когда дурманящи левкой,
Слова звучали тише, но — ловчей.

Он сеял сплетни, слухи распускал,
Ища — в дыму тракторов — легковерных.
Он с севера пришёл, одним из первых.
Теперь в ночных беседах воскресал.

За суетой, за многими делами,
И речь его, и лик его бесславны.
И гибельные сплетни — не у дел.

На миг, когда взмывают в небо звёзды,
Наветы эти будто б несерьёзны.
Лишь в памяти — волнение людей...

* * *

...Лишь в памяти волнение людей
Едва ль способна вымарать надежда.
Когда вот-вот наступит неизбежность,
Мир кажется и ближе, и родней.

И — облака беспечные легки.
Былые войны, чуждые народам,
В пустом стремленьи славы — инородны:
Звеняще эхо, как кимвалов гиль.

Но те, кто помнят — те, кто вечно ждут —
Кто наблюдал, как их селенья жгут,
Тому ничто свет солнечный не застит.

Вкруг меркнул мир... Но тихий мир в душе
По их молитвам будет хорошеть —
Нашедших жизнь во тьме звериной пасти...

СОДЕРЖАНИЕ

Список Дельвига.....	3
Татьяна Валериевна Богданова (Аксёнова)	
Свиштовский берег.....	6
Свечи огарочек.....	7
Гармонь.....	8
В русских песнях поэзия есть.....	9
Поэты на войне.....	10
Майское.....	11
Привези заварки и махорки.....	14
Вероника Владимировна Батхан	
Город-сад.....	16
Штормовое.....	17
Декада декабря.....	18
Палеолитика.....	19
Карантин.....	20
Кизилташ.....	21
Крымский ангел.....	22
Мимо Крыма.....	23
Красная дата.....	26
Крымские горы.....	26
Прощание с Крымом.....	27
Город чести.....	28
Большая степь.....	29
Хронос Херсонеса.....	29
Белый стих.....	30
Куриный бог.....	31
Мост над пропастью.....	32
Баллада Зурбагана.....	33
Птичьи стихи.....	34

Туман Чембало	35
Мышкина колыбельная.....	36
Роман Сергеевич Всеволодов	
Сказки блокадной зимы.....	37
Андрей Галамага	
Замоскворечье	47
Две тысячи седьмой.....	50
Романс	53
Московский ливень.....	55
Светлана Гладкова	
Фрагмент произведения «Попытка прощания. Книга первая»	58
Игорь Васильевич Горев	
Предыстория к синопсису трилогии.....	72
Трилогия «Навь и Новь» (синопсис).....	73
Наталья Александровна Джурович(Унгерова)	
Гуси.....	78
Огороды.....	79
Друг за другом	80
Вишни.....	81
В эту землю	81
Дом.....	82
Земное счастье.....	82
Первоцвет.....	83
Лоскутки.....	85
Май 2020.....	86
Порядки.....	89
Выжить бы.....	90

Александр Сергеевич Донских	
Вижу сердцем. Художественный очерк.....	92
Дмитрий Анатольевич Ермаков	
О повести:	102
Восхождение.....	103
Александр Борисович Жданов	
Всадник, имеющий меру.....	122
Светлана Олеговна Захарченко	
Замкадье по-заонежски.....	134
Николай Федорович Иванов	
Реки помнят свои берега	144
Тамара Васильевна Ковальчук	
Четырнадцать дней Бориса Эльпинера.....	164
Дмитрий Витальевич Кравченко	
Ростовская сага.....	172
Виталий Митрофанович Молчанов	
Донецк.....	179
Светлана Николаевна Романова	
Когда я стану императрицей.....	187
Марсель Шайнурович Салимов (Мар. Салим	
Стрелы Амура башкирского сатирика с французским именем.....	193
Сокова Ольга Будимировна	
Прозаический цикл «Осколки прошлого».....	201

Владимир Алексеевич Сутырин

Документально-публицистическая повесть

«О том, что остается за кадром»213

Юрий Анатольевич Татаренко

Ермак217

Алексей Алексеевич Тихонов

Восемь венков короны231